

МИР ФАНТАСТИКИ
ЖУРНАЛ
РЕКОМЕНДУЕТ

**СЕРГЕЙ
ЧЕКМАЕВ**

**БРЕМЯ
СТАГНАТОРА**

**БРЕМЯ
СТАГНАТОРА**

**СЕРГЕЙ
ЧЕКМАЕВ**

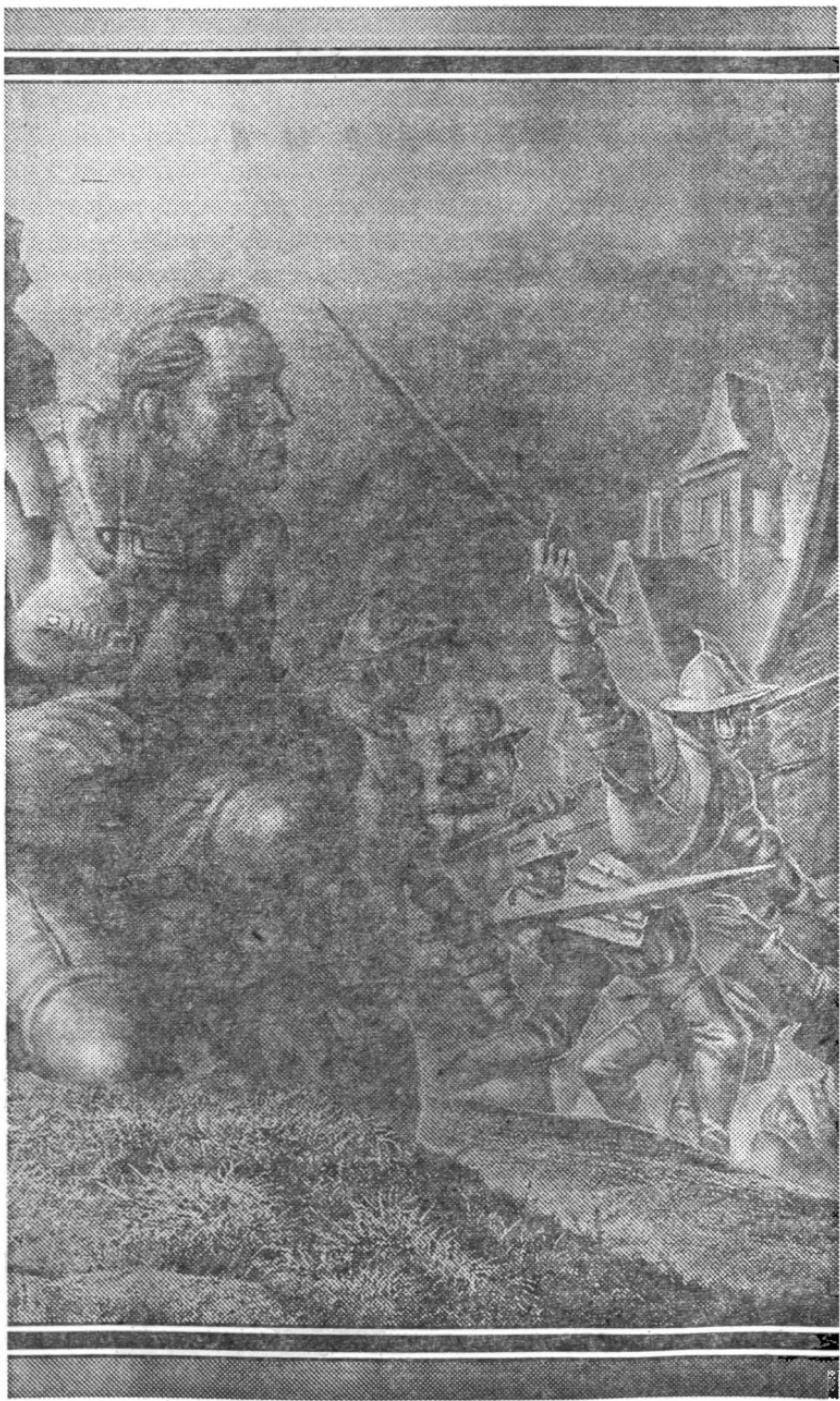
З В Е З Д Н Ы Й

ЛАБИРИНТ

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

П А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**СЕРГЕЙ
ЧЕКМАЕВ**

**БРЕМЯ
СТАГНАТОРА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО асТ - ТРАНЗИТКНИГА

МОСКВА 2006

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ч-37

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинкин

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.09.05.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 16,84. Тираж 5000 экз. Заказ 2546.

Чекмаев, С.В.

Ч-37 **Бремя стагнатора** : [фантаст. роман] / Сергей Чекмаев. — М.: ACT: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. — 313, [7] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-032752-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-0680-4 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-2621-9 (ООО «Транзиткнига»)

Планета Надежда.

Четвертая в системе Альфы Центавра А, длина экватора — чуть больше земного, из-за отсутствия спутников отличается низкой сейсмоактивностью.

Открыта землянами двадцать девять лет назад, обследована первой межзвездной экспедицией, решение о колонизации — несмотря на обитаемость планеты гуманоидной расой — принято, поскольку коренное население планеты стоит на уровне цивилизации, далеком от технологического.

Итак. Твой жребий — Бремя Белых??!

Нет. Бремя стагнатора!

Ты будешь НАСАЖДАТЬ на Надежде земную цивилизацию — и безжалостно уничтожать зерна сопротивления — аборигенов.

Ты ДЕЙСТВИТЕЛЬНО веришь, что несешь «дикарям» ПРОГРЕСС?

Значит, ты еще НИЧЕГО не знаешь о планете Надежда!..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 985-13-6474-6
(ООО «Харвест»)

© С.В. Чекмаев, 2006
© ООО «Издательство ACT», 2006

Я не верю в Прогрессоров. Коммунизма (в привычном для нас, русских, смысле) уже не будет. Вопрос, схож или нет гедонизм с обществом «от каждого по способностям, каждому по потребностям», оставим философам.

Я не верю и в Геометров. Земные стадные всеядные — приматы, от которых, как говорят, мы произошли, оставили в наследство хомо сапиенс не только руки, черепную коробку для большего объема мозга и универсальное строение зубов для любой пищи, но еще и характерные особенности поведения. Не хищники и не травоядные, приматы вобрали все лучшее от тех и других — агрессивность и стадный инстинкт, — сохранив и собственную, уникальную для выживания вида, способность к всеядности.

Отсюда и неискоренимая человеческая агрессия, и инстинктивное неприятие всего инородного, иноплеменного, чужого. Ксенофобия, возведенная в принцип. И если земляне в будущем столкнутся с инопланетной расой, то реакция будет вполне предсказуемая: чужих, непохожих на нас, инсектоидов каких-нибудь или пресмыкающихся люди истребят в мгновение ока. Никто и не подумает с ними цацкаться — насаждать достижения цивилизации или генетически приспособливать под себя. Просто задавят — и все. Особенно, если инопланетчики будут не слишком технологически развиты. И совсем уж моментально пустят под нож тех бедняг-негуманоидов, что занимают пригодные для колонизации планеты.

А если алиены окажутся более или менее (скорее более чем менее) похожими на людей, то дело обстоит намного сложнее. Ради счастья будущих поколений надо бы, конечно, вырезать и их, но... столь неприкрытому геноциду может воспротивиться общественное мнение — ведь представить страшно до каких высот докатится за будущие века политкорректность.

Придется действовать «цивилизованно».

*Неси это гордое Бремя —
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли;*

*На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.*

*Неси это гордое Бремя —
Будь ровен и деловит,
Не поддавайся страхам
И не считай обид;*

*Простое ясное слово
В сотый раз повторяй —
Сей, чтобы твой подопечный
Щедрый снял урожай.*

*Неси это гордое Бремя —
Воюй за чужой покой,
Заставь Болезнь отступиться
И Голоду рот закрой;*

*Но чем ты к успеху ближе,
Тем лучшие распознаешь
Языческую Нерадивость,
Предательскую Ложь.*

*Неси это гордое Бремя
Не как надменный король —
К тяжелой черной работе,
Как раб, себя приневоль...*

Редьярд Киплинг. Бремя белого человека
(Перевод А. Сергеева)

ПРОЛОГ

— Знаешь, — сказал Игорь, — в Службе всего двадцать семь человек. Не надо из нее делать монстра, слишком маленькое чудовище получается, неубедительное. Да и задачи у нас совсем не те, что ты думаешь. Служба — всего лишь аналитический отдел Администрации. Своего рода справочник по аборигенам.

— Ой, ладно! У меня слезы на глаза навернулись. И возник, кстати, отличный заголовок: «Сотрудник Тайной Службы сетует на малочисленность своей организации». Смешно. Да вас только потому и терпят. Было бы в рядах ТС пару сотен головорезов, колонов давно заставили бы вас прикрыть. От греха.

— А кто бы нашей работой занимался? Нег... э-э... африканцы из «Си-пи»?

— У Колониальной полиции и так забот хватает. Четверть миллиона народу здесь, да на космодроме тридцать тысяч, плюс шахты, фермерские поселения, транспорт, строительство... Да «Поднебесный» привез сто тысяч китайцев, их теперь больше, чем кого-либо еще. За ними бы следить! Какие уж тут аналитические исследования!

— Ну, тогда Администрации придется переложить это дело на твои хрупкие плечи. Возьмешься?

— Почему только я? Вся наша Хоуп-ИТВ.

— Здорово! Интервизионщики в роли экспертов по инопланетному разуму. А информацию будете черпать из старых архивов — ну, там где про летающие тарелки и зеленых гуманоидов с огромными глазищами.

Игорь почувствовал, что достал-таки собеседника. Мики нахмурился, выпрямился во весь свой невеликий рост, подвигал челюстями. Похоже, обиделся.

— Почему же, — ответил он холодно, — спутники следжения пока еще никто не отменял. Или ваша Служба их уже

приватизировала? Думается мне, мы не хуже вас сможем лениво прокручивать снимки и записи, выдавая время от времени малопонятные комментарии, которые все равно никто не читает. Ведь это все, чем занимается ТС, правда?

— Это не так просто, как кажется со стороны, Микки. Знаешь ли ты социокультурные аспекты позднего средневековья? Много ли понимаешь в домануфактурной экономике торговой гильдии Трех Лиан? Силен ли в имперской политике Чжандоу? В особенностях Солнечного культа? Нет? То-то. Видеозапись со спутников — лишь основа. Надо еще суметь сделать правильные выводы. И прости меня за резкость, вряд ли ты на это способен без специальной подготовки.

— Ну, конечно, куда мне. Финны не умеют следить, прятаться и красть чужие секреты. Из нас получаются плохие шпионы. Зато вам, русским, не привыкать работать на тайную полицию.

Он презрительно кивнул на прощание, развернулся и ушел.

«Вот и поговорили».

Когда-то они случайно оказались рядом в посадочном шаттле «Новой Геи» — программист-аналитик Игорь Квашнин и бывший велогонщик Микки Талвела. Пока членок кружил над космодромом в очереди на посадку, попутчики разговорились. Финн рассказал, что ему пришлось покинуть велоспорт, после того, как в многодневке «Джиро д'Италия» он попал в массовый завал и повредил ногу. Трек был потерян навсегда.

— Я ведь больше ничего не умел...

Наверное, поэтому Талвела с легкостью подмахнул пожизненный контракт с вербовщиками. Евросоюз стремился увеличить свое присутствие на Надежде, поэтому в колонисты записывали не глядя, лишь бы кандидат выглядел здоровым, да не висели на нем долговые обязательства или проблемы с правосудием. Микки был сиротой, теплых чувств ни к кому не питал: короткие романы — не в счет. Бобыль был, в общем. Крупных сбережений для безбедной жизни у него не водилось никогда — не успел накопить за недолгую карьеру.

— А куда мне еще деваться? Не в тренеры же идти.

Их было много среди переселенцев — людей, разочаровавшихся в жизни на Земле. «Перекати-поле», что мечтают уехать как можно дальше от родных мест и начать все сначала.

Что ж, «Новая Гея» всем давала такой шанс. Четыре с небольшим световых года — куда уж дальше...

— А нога? — спросил тогда Игорь.

— Что нога? — весело отозвался финн. — Я сюда приехал не педали крутить. Посмотрю, что да как, может, вообще в фермеры подамся. Земли, говорят, дают сколько влезет — бери, не хочу.

— Пока...

— Ну, это «пока» еще долго будет продолжаться. Огромный континент на двести тысяч человек! Каждому по целой Финляндии раздать можно. А у меня как никак семь поколений крестьян за спиной.

— Ага! Бурлит в горячей финской крови тяга к земле, — усмехнулся Игорь.

И пяти лет не прошло, а как все изменилось на Надежде! Прибыл «Поднебесный» с китайцами, колония разрасталась и богатела, по последней переписи на планете числилось уже триста тридцать семь тысяч землян. Расширялись управлеческие структуры, исследовательский отдел, почти всех переселенцев с высшим образованием поглощала Колониальная администрация — «колоны». Появились зачатки политических партий, культурный центр, несколько театров, дворец спорта. Даже свой футбольный чемпионат! Наряду с официальным «правительственным» каналом заработало первое на Надежде частное интерактивное телевидение — Хоуп-ИТВ.

Совершенно неожиданно для себя Игорь сначала попал в группу стратегического планирования, а когда Земля наконец одобрила создание Тайной Службы (трудно все-таки управлять колонией, руководствуясь депешами восьмилетней давности), стал ведущим аналитиком ТС.

А Микки Талвела так и не возродил семейные традиции. Поначалу просто хотел присмотреться, осел в Столице, работал в спортивном комитете. Но потом его пригласили на

ИТВ, комментировать соревнования, благо на Надежде их становилось все больше и больше. Турнир по рукопашному бою, бейсбол, теннис, даже марафонский забег до Иренейских шахт. Микки стоял у истоков, и не удивительно, что его карьерный рост больше походил на ракетный старт: комментатор — ведущий — директор спортивного вещания.

Недавно Талвела, кроме всего прочего, получил и собственную аналитическую программу. Весьма популярную в народе, кстати. Не в последнюю очередь потому, что Микки легонько попинывал Администрацию. Естественно, с ее разрешения, но об этом мало кто знал. Программа с двусмысленным названием «Надежда на правду» выполняла двоякую функцию. Во-первых, поселенцы, если были чем-то недовольны, теперь имели возможность немного спустить пар, всласть изругав колонов вместе с ведущим. А во-вторых, программой пользовались как рупором, когда нужно было протолкнуть непопулярное решение, приучить к нему людей.

Сейчас вот неожиданно выяснилось, что большинство колонистов, опасаясь негласного надзора, видит в недавно образованной Тайной Службе этакое тоталитарное пугало: «большой брат следит за тобой». Нет уж, мол. Силовые структуры остались там, на Земле, а с нас и копов довольно. И так проходи от них нет.

Парой обличающих передач Микки подогрел внимание весьма искусно, теперь должна была последовать итоговая программа. Независимое расследование нашего канала. И выводы, конечно. Малоприятные.

Талвела связался с Игорем, попросил дать интервью по старой памяти.

Как оказалось мнение ведущего аналитика Службы его мало интересовало. Сам для себя он давно все решил.

Точнее — за него все решили. Генрих Урман, шеф «Сипи» — Колониальной полиции — очень неодобрительно отнесся к идее создания Тайной Службы, усмотрев в ней конкурента. Да и директора Рудных концессий, некоронованные короли своих шахтерских держав, заволновались. С полицией-то они давно договорились, а это еще что за новая напасть?

К сожалению, объяснить, против кого будет направлена деятельность ТС, не удалось. Ни Урману, ни концессионерам. И даже Микки не захотел ничего слышать.

Никто не верит, что от слаборазвитых аборигенов может исходить сколько-нибудь серьезная угроза. Отмахиваются: отговорки все, для отвода глаз...

А ведь по самым скромным подсчетам население Восточного материка — четыреста пятьдесят миллионов человек. Больше чем по тысяче местных на каждого землянина.

Соотношение сил просто чудовищное. Куда там Кортесу!

При вербовке поселенцев успокаивают сказками о подавляющем техническом превосходстве. Да, наверное. Само стрелы, метательные машины и примитивные бомбарды — плохой аргумент против управляемых ракет, скорострельных рельсовых пушек и ручных гауссовок.

Но мало кто задумывается о двух незначительных с виду обстоятельствах. Лишь полтора процента переселенцев служили когда-то в армии или полиции, а значит — имеют боевой опыт. Но даже если бы их и было больше, все равно у колонии не хватит запасов и промышленного потенциала, чтобы вооружить хотя бы десять тысяч.

Одна дивизия против целой планеты...

Земляне, как вы самонадеяны!

АГЕНТЫ

Девушка выставила вперед ногу в изящном башмачке, чуть шевельнулась, так, чтобы пола накидки обнажила загорелое бедро — из-за поворота улицы фланирующей походкой появился очень неплохой клиент. На такого она не смела и надеяться: пышно одетый аристократик, расфуфыренный, как Солнечный жрец на празднике Противостояния Небесного Диска. Грубые черты лица, светлые, выбеленные солнцем волосы, высоченный, словно мачта. Перевязь вышита золотом: паруса, якорь, скрещенные клинки — родовой герб, не иначе. Небось, и кошелек не пустует.

Явно отпрыск одного из старых корсарских родов — косит под капитана, а походка не морская. Ни на кого не смотрит, брезгует. Мол, вы все мне и в подметки не годитесь, да и вообще я просто гуляю. Ясно вам?

Но девушка давно уже приметила опытным взглядом, с каким интересом он посматривал по сторонам. В эту часть города богатые мальчики заходят только с одной целью: снять на ночь умелую подружку. И как бы не осуждали подобные связи в высших кругах, мужчины со своей природой ничего поделать не могут. Пусть даже они десять раз аристократы и кандидаты в мастера Ложи.

Красавчик зевнул, перевел свой скучающий взгляд на девушку. Она высунула язычок, призывающе провела по губам. Подмигнула. Глаза аристократика забегали, то и дело возвращаясь к ее соблазнительным округлостям.

«Если он ищет развлечений, то как добрался сюда целым и невредимым? Неужто Сансара его не заметила? Или Килия? Впрочем, денек сегодня выдался удачным — в гавани на рейде теснится целый частокол мачт. А морячки страсть как соскучились по женской ласке».

Девушка усмехнулась. Ну, если эти дуры проморгали такой лакомый кусочек, уж она-то своего не упустит.

— Эй, красавчик, не устал от одиночества?

Напустив на себя скучающий вид, аристократ неспешно подошел к ней. Смерил с головы до ног, раздел взглядом. Похоже, увиденное ему понравилось.

— Как тебя зовут, милашка?

Его глаза показались девушке странными. Вроде бы обычные — серые, мужественные, но какие-то безжизненные. Она еще подумала мельком: «А не успел ли он заглянуть к мамаше Сиро и надышаться черного порошка. Решил, так сказать, удариться во все тяжкие: сначала травка, потом девочки. Ну, с порошком ему в постели удержу не будет. Потом два дня на работу не выйдешь — все болеть будет. Впрочем, если хорошо заплатит, то кто ж против?»

— Илама. Ты ищешь развлечений, красавчик? Разве хорошо быть одному в такой вечер? Я могу помочь. Для тебя — хоть на всю ночь.

— Ила-ма... — он как будто пробовал ее имя на вкус. В речи слышался небольшой акцент, некоторые согласные аристократик выговаривал чуть тверже, чем нужно. Девушка решила, что не ошиблась: выгодный клиент точно из семьи мастера Ложи. Много их осело в бывшей Морской столице — и северян в том числе, что до сих пор, говорят, сохранили в семье родной язык. Отсюда и акцент. На сына он, конечно, не тянет — да и что ему делать, сыну мастера Ложи, в квартале развлечений? А вот на племянника илиbastarda какого-нибудь — вполне. Пристроили на мелкую должность, отсыпали денег щедрой рукой. Гуляй, мол, веселись и не мозоль глаза знатному родственнику.

— Скажи, Илама, ведь это, — он брезгливо повел рукой вокруг себя, — и есть Веселая улица?

«Что он тут, в первый раз? — подумала девушка. — А вдруг и правда? И-е-ех! Тогда он цен не знает, бедняжка. Да я с него три шкуры сдеру!»

— Да, это она. А что?

— Я много слышал про это место, — уклончиво сказал он. — А знаешь ли ты постоянный дом толстухи Бреды?

Илама расцвела: «Аристократик хочет снять уютную конуру для любовных утех? Пожалуйста. Глядишь, еще и на

этом удастся подзаработать. Просто ходячий клад, а не клиент! А с Бредой всегда можно договорится, своя тетка. Тоже на мостовой начинала, а когда красота и тело вышли в тираж, выкупила целый доходный дом».

— Конечно знаю!

— Отлично...

Красавчик достал из кошеля на перевязи маленький пузырек — Илама подумала: деньги, подалась вперед и чуть было все не испортила. Хорошо удержалась. Он несколько раз вдохнул нюхательной соли, всем своим видом изображая, как его тонкому аристократическому нюху претит окружающая вонь. Потом положил пузырек на место и словно бы случайно тряхнул кошель, да так, что тот призывающе звякнул монетами.

— Тогда, наверное, ты сможешь отвести меня туда...

«Отвести — и больше ничего?» — подумала Илама.

— ...и скрасить мое одиночество. Скажем, до утра.

«Ну вот! Так бы сразу и говорил!»

— Господин, хочет купить себе общество?

— Господин уже купил! — гордо заявил он и ухватил ее за податливое бедро. — Пойдем, милашка.

Илама с радостью побежала бы, а не пошла, но на всякий случай заметила:

— Но господин не спросил о цене.

— А почему ты уверена, что она его интересует? — вопросом ответил он.

Девушка хихикнула, прильнула к аристократу всем телом, преданно заглянула в глаза и потащила своего спутника вниз по улице.

Они не успели завернуть за угол, как от противоположной стены отлип неприметный тип в кожаном переднике ремесленника и неторопливо двинулся следом.

Длинная, извилистая Веселая улица тянулась от порта до самых северных ворот. Древние зодчие знали, что делали: даже если неприятель штурмом возьмет внешнюю стену, ему придется заплатить немалой кровью за прорыв к центру го-

рода. Узкие — двум всадникам не разминуться! — уложки венчались на поворотах парой башенок-бастионов. В каждой нарезано несчетное количество бойниц, так что стрелки на площадке вынуждены стоять боком, теснясь, как гвозди во рту у сапожника. Целиться, конечно, неудобно, но меткость от них и не требуется. До врага хорошо если полсотни шагов — не промахнешься. И деваться ему некуда — только под стрелы. Вполне хватит и десятка малообученных горожан, чтобы задержать атаку. Ну, а если даже атакующим удастся миновать смертоносные башни, на следующем изгибе их ждет новый рубеж обороны.

В те далекие времена улица гордо именовалась Защитницей, а земли гильдии пока еще считались отдаленной солмаонской провинцией. Правда, считались скорее по традиции, чем на самом деле — морская торговля, зачастую мало чем отличающаяся от контрабанды, а иногда и ничем неприкрытое пиратство пролили над древней землей Трех Лиан невиданный золотой дождь. Провинция стремительно богатела и все чаще задумывалась: почему это она должна отдавать на север треть всей прибыли? Как следствие — законы империи исполнялись со все большей неохотой, а высоких гостей с сине-золотым императорским вымпелом встречали без особого энтузиазма и даже с некоторой прохладцей. В Совете Наместника, который раньше играл лишь декоративную видимость самоуправления, запестрели именные плащи мастеров Ложи, и все отчетливей зазвучали призывы к отделению.

Конечно, Солмаон не мог смотреть на все это спокойно. Грозные эдикты валились на Морскую столицу непрекращающимся потоком. Меткандр IV, прозванный Неукротимым, тогдашний правитель Земли Тысячи Побед, не преминул бы прибавить к своим трофеям и мятежную провинцию. Но занятый пограничными стычками на востоке, он все откладывал и откладывал поход вразумляющей армии.

Гильдия не сидела сложа руки — за полновесное золото местной чеканки с тремя переплетающимися лианами скрытно набиралось наемное войско. Зодчие, якобы приглашенные обновить Дворец Наместника и выстроить помпезное здание

Совета, почему-то все как один оказались фортификаторами и больше внимания уделяли городским стенам, угловым бастionам и внутренним укреплениям.

Впрочем, хронисты гильдии сходятся в одном: доведись отборным штурмовым легионам Неукротимого попробовать на крепость Морскую столицу — город бы пал. И не один летописец вставляет в сухое повествование благодарность Небесному Диску: неопасная вроде бы сыпнянка за полгода свела в могилу несгибаемого Меткандра. Император и в поединке с болезнью остался верен в себе — он просто не обращал на нее внимания. Всего лишь досадная помеха. Примерно так же он реагировал на нехватку продовольствия в армии, на два крыла чжандоуской кавалерии, что перерезали путь к отступлению, или на взрыв осадных бомбард в первый же день штурма приграничной крепости Сармасса. Прежде ему удавалось справляться со всеми неприятностями, благодаря исключительному умению маневрировать резервами и неукротимой ярости войск. Солмаонские солдаты верили своему императору безгранично.

Но с болезнью ему пришлось сражаться в одиночку. Он, как обычно, не отступил. Однако этот противник оказался Меткандрю не по силам. В первый — и в последний раз. В императорскую резиденцию правитель вернулся сидя в седле, хотя только Пресветлый Небесный Диск знает, каких сил ему это стоило. Но уже на следующий день императора вынесли во двор на носилках. Столица даже не успела всласть просклонять на все лады неожиданную новость, моментально обросшую слухами и догадками. Через три дня Неукротимый скончался.

А с наследником Солмаону не повезло. Единственный сын Меткандра, рыхлый, ленивый и не слишком умный Рагавенон, даром что унаследовал кровь великого императора, совершенно не подходил для истинного правителя Земли Тысячи Побед. Пока были живы прославленные полководцы отца, империя еще могла сдерживать натиск с востока и даже нанесла ратям Чжандоу несколько чувствительных поражений. Но людской век недолог, иссеченные шрамами старые вояки ушли греться к светлому престолу Небесного Диска, а

Рагавенон, падкий на лесть, окружил себя лизоблюдами и карьеристами.

Наслушавшись придворных восхвалений, молодой император всерьез считал, что новые победы достигнуты благодаря его исключительным способностям, ведь никто иной, а именно он в полной мере унаследовал талант и воинскую удачу Неукротимого. Большим счастьем оказался тогда для Солмаона тот факт, что с Чжандоу совсем недавно был заключен очередной, тридцать седьмой по счету «вечный» мир и Рагавенону волей-неволей пришлось искать новых противников. Мятежная провинция Трех Лиан показалась ему идеальной целью для реализации полководческих амбиций.

Но войска и военачальники у Солмаона были уже не те, что при Меткандре Неукротимом. Две попытки осады Морской столицы на протяжении одного года позорно провалились, а в довершении всего во время одной из вылазок осажденные захватили в плен вражеского командующего и императорский штандарт. Незадачливого главкома потом казнили на главной площади, а плененное знамя до сих пор хранится в Главной Церемониальной зале Ложи. Тогда Рагавенон приказал перейти к тактике удушения. Имперцы вторгались в приграничные земли, разоряя посевы и мелкие ремесленные города. Но и здесь наемная кавалерия, высаженная в тыл прямо с быстроходных гильдейских галер, наголову разгромила когда-то непобедимую армию Солмаона. В попытке сохранить лицо император был вынужден, скрепя сердце, признать сначала самоуправление, а потом и независимость гильдии Трех Лиан.

Трон под Рагавеноном зашатался. После нескольких неурожайных лет, военное поражение от бывших вассалов оказалось совсем некстати. Всего лишь через три зимы императора сместили в пользу его собственного племянника. Сначала выслали под домашний арест в Летнюю резиденцию, а потом тихо зарезали по приказу непочтительного родственника.

Тот был бы рад вернуть в материнское лоно Солмаона нерадивых морских удальцов, но на востоке снова зашевелилась Чжандоу. А война с извечным врагом — это деньги, которые приносит устойчивая морская торговля, и надежное

снабжение войск. Лучше морем, вдоль побережья, так его труднее перехватить. Новый император понимал, что даже если и удастся возвратить гильдию под сень имперской власти, провинция, замиренная силой, — плохой союзник. А тем более — стратегический союзник, жизненно необходимый в грядущей войне. Пришлось подтвердить заключенный предшественником договор. Кое-какие знаки имперского подчинения остались, но все понимали: они лишь фикция, хорошая мина при плохой игре.

И вот уже полтораста лет мастера Ложи правят гильдией по собственному разумению, не отчитываясь ни перед кем. Иные ворчат, что, наверное, стоило остаться под имперским правлением. Жить, мол, было бы лучше... но таких меньшинство. Гильдия процветает, мощный торговый флот и дружественные, в целом, отношения с бывшей метрополией хранят ее от многих неприятностей. Большая сухопутная армия и могучие укрепления прошлого оказались не нужны, а побережье и реки надежно контролируются непревзойденными по маневренности галерами.

Гильдия все чаще полагается на золото и торговые договоры, чем на мощь каменных стен и клинки наемников. Наследники воинственных корсаров стали ремесленными мастерами и заседают теперь в Ложе, капитаны кораблей все чаще предпочитают именоваться купцами, и даже улицы сменили названия. Прославившаяся во время памятной осады Защитница стала Веселой, получив новое имя по количеству злачных и питетных заведений. Квартал, примыкающий к порту, долгие годы застраивался тавернами, притонами и доходными домами всех мастеров. А что еще нужно истосковавшемуся по веселью и женскому обществу моряку, в чьих карманах позвякивает неистраченное жалование?

От прежних времен сохранилась лишь сторожевая башня с частоколом бойниц. Пол на площадке перестали заново, и разбили ее на несколько комнат. Предприимчивая хозяйка доходного дома — Толстая Бреда — сдавала их на одну-две стражи, а то и на всю ночь ищущим любви парочкам: морякам, подмастерьям или солдатам, подцепившим гулящую девчонку. Так что теперь завоеватель, ворвавшийся в город

через северные ворота, вместо смертоносного дождя стрел в упор услышал бы только хор соответствующих звуков и сто-нов, что доносятся из грозных бойниц.

Аристократ пропустил Иламу вперед, вошел сам под могучие своды доходного дома. Низкая дверная притолока заставила его пригнуться, и девушка снова поразилась росту своего спутника.

«Во вымахал-то!»

Навстречу им уже бежал прислужник — сомнительного вида недоросль с бегающими глазками и гнилыми зубами.

— Да осенит вас теплом Небесный Диск, дорогие гости! Добро пожаловать! — тут он разглядел богатую перевязь, дорогую одежду, надменный вид посетителя и заюлил еще сильнее. — Добро пожаловать, благородный господин! Дом тетушки Бреды к вашим услугам. Все, что вы пожелаете, будет доставлено, все, что вы закажете, будет самое лучшее!

— Сомневаюсь, — процедил аристократ.

— Честно слово, господин! Чтоб мне у светлого престола не греться!

— Ладно-ладно. Проведи нас в самую лучшую комнату. С чистой кроватью и занавесками. Ты вообще знаешь такое слово — «чистый»?

Паренек быстро-быстро закивал:

— Знаю, господин, конечно знаю! Наши лучшие комнаты наверху!

— Тогда веди. И побыстрее!

Комната и вправду оказалась неплохой. Окно завешено плотной гардиной, не новой, но выстиранной и аккуратно заштопанной. Посредине — чисто выбеленный стол, несколько резных кресел, в алькове располагалось широкое ложе с балдахином. Аристократ пощупал покрывало, картино скривился, но вроде бы остался доволен.

— Эй, ты, — он подозвал к себе прислужника, кинул ему медяк. Монета исчезла мгновенно, прямо на лету, будто ее никогда и не было. — Комната подойдет, молодец. А теперь позови сюда хозяйку. Быстро!

Едва он выскочил за дверь, как Илама игриво потащила клиента к кровати.

— Подожди, — отмахнулся он, — не все сразу.

Тогда она присела в одно из кресел, стащила по очереди башмачки и водрузила босые ноги на стол. Провела пальцем до колена и ухватила за кончик поясок накидки.

— Господин хочет посмотреть на красоту, которую он купил? Может...

— Господин хочет, чтобы ты сначала помылась! — грубо оборвал он.

Девушка насупилась, но поясок все же распустила. Крупную высокую грудь, едва прикрытую прозрачной тканью, разглядел бы и слепец, каковым высокий аристократ явно не был. Пусть полюбуется на ее гордость, решила Илама, авось подобреет.

Клиент не обманул ожиданий, жадно рассматривая ее ноги, шею, грудь. Девушке показалось, что еще немного — и он на нее набросится.

Но в этот момент за дверью тяжело запыхтели.

— Господин, можно к вам?

Прежде Толстой Бреды появился ее живот. Потом, одышливо хрюпя, ввалилась она сама, потом в комнату ужом протиснулся давешний прислужник и моментально уставился на грудь Иламы. Краснолицая толстуха узнала девушку, но не подала виду, разве что слегка кивнула с явным одобрением: молодец, дорогуша, такого клиента заполучила.

— Слава Небесному Диску, что привел в мой скромный дом таких гостей! Что желаете, господин?

Аристократ порылся в кошеле, достал золотой старой имперской чеканки. Все трое, как по команде, уставились на него. Даже прислужник оторвался от блаженного созерцания форм Иламы и жадно пожирал глазами монету. Толстая Бреда тихо охнула и забыла выдохнуть, отчего сделалась еще больше и еще краснее. Золотого вполне хватило бы, чтобы снять на пару дней весь ее дом со всеми обитателями. Включая и ее саму.

— Слушай сюда, хозяйка. Я беру эту комнату на всю ночь. Я хочу все лучшее, что у тебя есть. Вина из твоего под-

вала, настоящего вина, а не кислого пойла, которым ты потчешь обычных посетителей. Мяса, овощей, хлеба — доброй еды, чтобы насытить минимум три голодных рта. Только свежее, поняла? Гнилую тухлятину оставь для других. Бадью и несколько ведер горячей воды, помыться вон той милашке, — он кивнул на Иламу. — И все это я хочу быстро.

Щелчком он отправил золотой под ноги Толстой Бреде. С неожиданным для ее огромного тела проворством хозяйка подхватила монету едва ли не прежде, чем она коснулась пола.

— Все будет в лучшем виде, господин!

— Надеюсь. И вот еще что! — аристократ поморщился, будто бы вспомнил нечто неприятное, но чрезвычайно важное. — Меня могут спрашивать.

— Нет-нет, — закивала толстуха, — вас никто и никогда здесь не видел!

— Наоборот, дура. Если придет человек и захочет видеть кина Саргамо — веди его сюда. Только в дверь постучи. Ясно?

— Да, господин. Конечно, господин.

Илама с наслаждением терла себя мочалкой, искоса поглядывая на аристократа. Тот сидел, развалившись в кресле, потягивал вино и угрюмо смотрел перед собой. По мнению девушки, прекрасный напиток, что стоял перед ним в оплетенной бутылке, нельзя было потягивать. Нет — его нужно пить маленькими глотками, наслаждаясь вкусом и букетом ароматов. Лучшего вина ей в жизни не доводилось пробовать. И откуда только старая скряга Бреда его взяла? Неужто купила? Впрочем, кину Саргамо наверняка доводилось пить вино и получше.

«И на меня он совсем не смотрит. Да что с ним такое? На улице лапал, словно невесть сколько времени женщин не видел, а теперь?»

Она перепробовала все. То выставляла на край бадью ногу, намыливая ее кошачьими, ласкающими движениями, то невзначай приоткрывала грудь, то поворачивалась спиной и натиралась мочалкой, обняв себя руками.

Все напрасно.

«А вдруг он... ну, не может просто так? И нужно его как-то пробудить? Бедняжка. Ну да ладно, не впервой же!»

Илама вытерлась покрывалом, завернулась в него и зашлепала босыми ногами к Саргамо. Залезла с ногами в кресло напротив, сладко потянулась и спросила:

— Теперь пора?

Он усмехнулся.

— Что — пора?

— Господину пора посмотреть на красоту, которую он купил.

— Думаю, да.

Он оказался умелым и неутомимым, как Илама и ожидала, только несколько холодным. Иногда он как будто вспоминал о чем-то, останавливался, чуть ли не на глазах теряя к ней интерес, потом опять пробуждался, возвращаясь к ней из своих неведомых дум и опасений, и все начиналось по новой. В какой-то момент девушка даже забыла про деньги, в ней проснулась обычная женская гордость.

«С кем это он меня сравнивает? Может, его недавно сердечная зазноба бросила? Такая вся, с пышной фамилией и плоскими формами — знаем мы этих аристократочек! А он, значит, пришел сюда забыться. Бедняжка Саргамо, уж я постараюсь, чтобы ты про нее никогда больше не вспоминал!»

И она, удивляясь самой себе, взялась за опостылевшую работу со всем пылом, чего никогда не делала раньше. Обычно ей было наплевать, ждет ли моряка дома жена и сколько у наемника таких же вот однодневных любовниц в каждом приграничном форте. Главное — сколько заплатит.

А сейчас...

Они пробарабахтались в постели три или четыре стражи, Илама уже потеряла им счет, но тут в дверь виновато постучали.

— Господин, вас там... внизу... спрашивают, — голос прислужника звучал приглушенно.

— Кто?

— Простите меня, господин, он сказал, что вы знаете.

Илама почувствовала, как оживился Саргамо.

— Хм... Он что-нибудь передал для меня?

— Да, господин. Можно войти?

— Подожди, — аристократ поднялся, набросил на плечи плащ, подошел к двери.

Со своего места девушка с трудом могла разглядеть, что там происходит. А любопытно было — страсть! Вроде бы сначала прислужник хотел проскользнуть в комнату — не иначе, чтобы полюбоваться на нее хотя бы краешком глаза. Но уткнулся в могучую фигуру Саргамо и скис. Пробормотал что-то извинительное и вложил в нетерпеливую руку аристократа небольшой предмет. Сколько Илама не приглядывалась, сколько не вытягивала шею, так и не смогла понять, что же там такое.

— Подай еще вина и зови их сюда. — Саргамо швырнул на немытые половицы очередной медяк и захлопнул дверь перед носом прислужника. Обернулся к Иламе: — Оденься.

— Зачем? — она сладко вздохнула и потянулась, зная, какое впечатление это производит на мужчин. — Твой гость не должен меня видеть?

Спросила, и почувствовала, что переборщила. Да какое ей собственно дело? В постели с ним, конечно, неплохо, да и щедростью его Небесный Диск не обидел, но почему это вдруг она решила, что имеет право спрашивать? Кто она для него? Простая портовая девка, умелая и готовая на все.

Саргамо не рассердился. Всего лишь усмехнулся и повторил:

— Оденься.

Илама завязала поясок накидки, надела башмачки, вопросительно посмотрела на клиента: все, мол, прогонишь? Или еще побалуемся, когда с делами закончишь?

Саргамо понял ее взгляд по-своему. Порылся в перевязи, вытащил две рубленные серебряные монеты, взял ее руку и аккуратно вложил их в ладонь.

— Хватит?

Девушка кивнула. Чжандоуское серебро ценится у менял весьма высоко. Ей ли не знать — такими монетами часто расплачиваются матросы торговых галер. Только вот...

— Господин хотел на всю ночь... — неуверенно начала Илама.

Он пристально посмотрел ей в глаза, хотел сказать что-то ободряющее, но потом, словно бы вспомнив, что обязан быть суровым и непреклонным, отрезал:

— Господин передумал.

Он сел за стол, задумчиво повертел в руках предмет, который передал ему прислужник. Только сейчас Илама смогла рассмотреть его: желтоватый лист с неровными краями, косые линии, какие-то значки... Кусок пергамента!

— Впрочем, насчет ночи ты верно сказала. Ночь еще не кончилась. Скажи, Илама, есть у тебя подружка? — И, прежде чем она успела ответить, добавил: — Такая же красивая и умелая, как ты.

— Есть! — ответила она и расцвела от неожиданного комплимента. Подумала, что Килия наверняка уже освободилась. И только потом все окончательно поняла и нахмурилась: «Ему одной меня мало, что ли?»

— Замечательно. Тогда — если хочешь заработать еще столько же — сходи за ней. Как ее зовут?

— Килия...

— Думаю, Килия не откажется от лишней пары монет. А?

Илама кивнула, хотела сказать, что и она, мол, готова постараться за двоих, причем ничего лишнего платить не потребуется и...

В дверь снова постучали. Саргамо недовольно отозвался:

— Что еще?

— Ваши гости, господин.

Комната наполнилась людьми. Первым вкатился прислужник, водрузил на стол поднос с двумя кувшинами вина и кружками. Привычно осклабился на Иламу, подмигнул. Следом за ним, настороженно озираясь, вошел молодой парень в хламиде переписчика и с красными, воспаленными глазами. Последним появился ремесленник самого среднего роста и возраста. Внешность у него была на удивление неприметная. Только и можно сказать — ремесленник. Кожевенник, судя по переднику и бурому налету дубильного порошка на руках.

Саргамо приветствовал гостей кивком головы.

— Садитесь, пейте. Заплачено.

Прислужник все еще переминался у стола. Но в этот раз ему не повезло — аристократ лишь махнул рукой в сторону двери:

— Пошел вон. Проводи девушку. Если что понадобится, тебя позовут. Ну, Илама, мы тебя ждем. Постарайся не задерживаться.

Прислужник догнал ее внизу, у самого выхода. Ушипнул за бок, облапил и прошептал на ухо, обдав смрадом изо рта:

— Господин аристократ тебе, конечно, неплохо заплатил, понимаю. Но много денег никогда не бывает и, как мне кажется, мы могли бы...

Не дослушав, девушка сбросила его руку и пихнула в бок со всей силы.

Прислужник зашипел от боли, с угрозой начал:

— Ах ты, шлюха, да я...

— Ты, — спокойно сказала Илама, — извинившись и забудешь, что здесь случилось. Иначе когда я приведу подругу для моего клиента, я тоже буду помнить все. Причем в подробностях. И, кстати, перескажу их одному нашему общему знакомому. Не знаю, что он сделает с тобой — может, и ничего. Но он точно никогда больше не придет в дом Бреды, а уж я, поверь мне, постараюсь объяснить твоей хозяйке, кто в этом виноват.

Когда Илама вернулась, все трое так же сидели вокруг стола. Судя по всему, беседа недавно закончилась — пустые кувшины и кружки составлены в угол, на столе расстелен кусок пергамента. При появлении девушек Саргамо тут же свернулся и убрал за пазуху. Кожевенник выглядел довольным, а молодой переписчик, хоть и чувствовал себя неуютно вдали от темной кельи, увеличительного стекла и неистребимого кислого запаха пергаментных листов, тоже явно в накладе не остался. Глаза его поблескивали, движения казались немного неуклюжими — на радостях парень выпил чуть больше, чем обычно. Ничего, бывает.

— А вот и мы! — провозгласила с порога Илама. Сделала шаг вперед, втащила в комнату вторую девушку, невысокую и черноволосую. Глаза той немного косили, отчего каза-

лось, что она все время призывающе указывает взглядом в сторону, намекая на что-то недозволенное, но приятное. На щеке притаилась небольшая родинка.

— Я Килия, — почти пропела она звонким, чуть хрипло-ватым голоском.

Саргамо встал, пристроил через плечо перевязь, смерил взглядом своих гостей. Кожевенник незаметно кивнул. Тогда аристократ поманил к себе девушек, сказал ремесленникам:

— Это сверх договоренного, премия. Если мои люди того заслуживают, я их всегда награждаю. — И добавил, так же, как совсем недавно о вине: — Пользуйтесь. Заплачено.

Его слова обрушились на Иламу с грохотом непредсказанныго землетрясения. Неожиданно и сногшибательно. Как? Ей-то показалось, что он хочет продолжения, а на самом деле... Ими просто расплатились за какую-то услугу.

— Илама!

Она вздрогнула. Саргамо стоял прямо перед ней, протягивая такую же золотую монету, что досталась Толстой Бреде.

— Возьми. И постарайтесь сделать все, чтобы мои гости остались довольны.

Девушка заметила, как засверкали глаза у Килии, подумала, что теперь уж подруга не станет ворить, зачем это ее разбудили и тащат неизвестно куда. Наоборот, благодарить будет. Ей-то Саргамо видится щедрым, такого сам Небесный Диск велел дойти, пока молочко есть.

Нет, все понятно, на что ему сдалась портовая девка? Попользовался умением, голод свой мужской утолил, а при других — ни-ни. Нечего аристократу равнять себя с какими-то мастеровыми, не того полёта птица.

Купил красотку, одарил барским жестом. Пользуйтесь. Заплачено.

На Веселой улице от лишних денег не отказываются.

«А ты что хотела, подруга? Возомнила себе невесть что, думала, ты ему понравилась? Да он просто забыться хотел! И вообще все бабы для него товар. Одних деньгами покупает, других положением. Одна гордая попалась — отказалась или ушла, так он пришел мужское достоинство свое поднимать. Знаем, навидались и наслушались. Сколько мне вот

таких же красавчиков с гербами душу по утрам наизливало.
Да пошел ты! Кин Сарга-амо... Пошли вы все».

Илама вызывающе повела плечами, тронула поясок.

— Ну? Кто первый?

Аристократ удивленно отшатнулся, потом кивнул, неопределенно махнул рукой.

— Развлекайтесь, — и вышел. Разрешил, вроде как.

Девушка посмотрела ему вслед и неожиданно подумала: «Узнать бы, как зовут ту суку! Глаза бы выцарапала».

Саргамо сбежал по лестнице, брезгливо отмахнулся от прислужника. Навстречу поспешила Толстая Бреда:

— Господин уже уходит? Может, подать что-нибудь еще?

— Нет. Проследи, чтобы мои гости ни в чем не испытывали недостатка. Если им понравится, может быть, мы придем еще раз. Не оплошай, хозяйка.

Когда расшитый плащ исчез за входной дверью, толстуха прикрикнула на помощника:

— Слышал, что сказал господин? Шевелись, дармоед! Спроси, не нужно ли еще вина, горячей воды, мяса!? Да-вай! — скомандовала она, сопроводив слова увесистым пинком для понятливости. — Пшел!

Наверное, они очень удивились бы — и Толстая Бреда, и оба ремесленника, и даже Илама, доведись им проследить, что делал их недавний клиент. Саргамо почти сразу же свернулся с Веселой улицы в лабиринт грязных проулков и задних дворов. Щегольские сапоги моментально запачкались омерзительной вонючей жижей, но аристократ, что еще недавно брезгливо морщился от запахов портового квартала, казалось, не обращал на это внимания. На ходу он скинул перевязь, немного помял в руках и повесил на шею, превратив в поношенный шарф. Плащ, вывернутый подкладкой наружу, стал серым, замызганным и неприметным.

Через минуту из-под нависающего фронтона очередного доходного дома вынырнул высокий моряк. Не командир, но и не рядовой матрос — скорее всего лоцман или торговый мастер. Надменное выражение лица сохранилось, но теперь

Саргамо выглядел не скучающим аристократом, а побитым жизнью корабельщиком, что всякого навидался на своем веку. Такого трудно удивить.

Он миновал императорскую лестницу, что вела в Верхний город, кварталы богатых купцов и гильдейской знати. Обогнул закрытые на ночь торговые ряды и успешно избежал близкого знакомства с ночной стражей.

Из города он выбрался по дну сточной канавы. Конечно, ворота охраняют спустя рукава — время спокойное, нападения никто не ждет, а с лихими людьми пусть городская стража разбирается, — но и с привратниками лучше не связываться. Саргамо знал, что те сначала промурлыжат до рассвета, вытянут все деньги, какие есть, и только потом отпустят. Ну их к троллю! На север и в горы, как говорили дома.

В трех километрах от Морской столицы — в девяти перестрелах по-местному — Саргамо разглядел приметный камень. Здоровенный кусок песчаника откололся во время давнего землетрясения. С тех пор он так и лежал среди прибрежных холмов, вместе с десятком таких же свидетелей древних катастроф.

Оглянувшись, Саргамо в последний раз проверил, нет ли слежки, и исчез за камнем. Отмерил от небольшого выступа пару шагов, снял дерн, раскопал присыпанный землей схрон. Внутри оказался матово-черный ящик из неизвестного материала. Неизвестного здесь, землянин сразу бы опознал в нем армированный пластик.

Саргамо приложил большой палец к сканеру отпечатков и набрал код. Клацнули замки.

Если бы недавние собеседники могли увидеть его теперь, у них бы точно глаза на лоб полезли. У всех, кроме разве что Иламы. Пышный аристократ, а ныне — моряк начал раздеваться. Сноровисто запихнул свой двуличный наряд в кофр, взамен достал черный облегающий комбинезон. В обиходе его называли «хамелеоном» — маскировочный костюм отражал свет под разными углами, из-за чего создавалось впечатление размазанности. Попробуй разгляди ночью человека в таком комбинезоне! Чешуйки с силиконовой смазкой

на коленях, бедрах и локтях в случае необходимости помогали вывернуться из любого захвата.

Костюм сидел как влитой. Человек, которого недавно звали Саргамо, защелкнул на руке компас, пеленгатор, надвинул на глаза ноктovизор. Ночь сразу же превратилась в день, полный неестественно ярких красок — компьютер автоматически дорисовывал картинку.

Человек приложил к губам микрофон трансивера и тихо сказал:

— Игорь, это Свен. Все в порядке, встреча состоялась. Документы получил. В точке выброса буду примерно в три семнадцать.

Базовый ретранслятор отозвался коротким писком — сообщение записано. Теперь осталось только ждать. Ни командир, ни третий член группы еще на связь не выходили.

Свен упаковал в контейнер пергаментные листы официальной переписки, скопированные молодым ремесленником. Вот она, здесь, цель всей операции. Если кто из местных и сможет открыть контейнер, он обнаружит внутри лишь горстку пепла. Механизм самоуничтожения может отключить только командир группы. Или техники на базе.

А контейнер снаружи выглядит, как обычная железная чушка, сымитированы даже следы грубой ковки.

Ретранслятор снова пискнул — напоминал о себе. Пеленгую, мол, все в порядке, вокруг чисто, можно идти. Из-за подобных вещей Свен иногда чувствовал себя глупо. Тайники, шифры, явки, встречи с агентами... словно в плохом интерактивном детективе, в видеоигрушке класса «Б». Твое участие виртуализировано до максимума — техническое превосходство сводит практически к нулю возможность проигрыша. Даже здесь, в пустынных и молчаливых дюнах он не один, его фиксируют спутник слежения, сначала «двойка», а потом — когда она уйдет за горизонт — «шестерка», да и ретранслятор на буе в трехстах километрах от берега постоянно сканирует все, что происходит вокруг.

«Говоришь с умным видом секретный код, а чувствуешь себя глупо. Как будто кругом игра, а кто воспринимает ее всерьез? Проиграть-то невозможно.

Ну, почти...»

Свен поежился. Во время собеседования Игорь Квашнин обмолвился, что Служба уже потеряла двоих агентов и он-де не хочет увеличивать этот счет. Кто-то из новичков тогда спросил, как такое могло произойти, на что русский ответил просто: чересчур уверовали в собственную неуязвимость. Потом на занятиях им рассказали и даже показали гибель обоих. Сказать по правде, Свен тогда всерьез подумывал отказаться от назначения.

Может, и хорошо, что передумал.

Он поднял воротник, накинул капюшон маскировочного костюма и окончательно слился с серым предутренним сумраком. На горизонте багровела полоска восхода, да неспокойный диск Беты с трудом просвечивал через низкие облака.

Бесшумно пробираясь сквозь прибрежные заросли, землянин двинулся вдоль побережья на север.

Игорь получил сигнал от Свена в тот самый момент, когда продувал балластную цистерну затопленного глейдера.

«Молодец, Хеглунд! Отлично справился».

Свену пришлось налаживать новый контакт — Рибаун, давно и хорошо оплачиваемый агент, кожевенный мастер, обслуживающий придворных писцов гильдии Трех Лиан, сообщил, что смог-таки найти подход к одному из мастеров-копировщиков. Семья у парня немалая, а работал только он, один за всех. Мать не могла больше горбатиться в портомайне матросских казарм: скрюченные артритом руки — здесь болезнь называли костоломкой — никак не хотели ей подчиняться. Сестра и младшие братишки не вошли еще в возраст, хотя и помогали, кто где может. Молодому переписчику приходилось крутиться одному, и щедрая прибавка к жалованью ему совсем бы не помешала.

И все-таки кожевенник уговаривал его почти полный оборот — два с половиной месяца по земному счету. Слишком уж страшные кары грозили всякому, кто посмел предать доверие гильдии. Дознаватели Ложи — ребята умелые, ско-

рые на расправу и милосердием отнюдь не страдают. Большие пальцы рук режут за одно только подозрение. А за любую, самую мелкую, провинность с легкостью дарят повод для новой клички — Беспалый.

Вот и этот — как его? — Изнавар, что ли, тоже не очень-то стремился стать Изнаваром Беспалым. Ну, слава богу, или, как здесь говорят, слава Небесному Диску — уговорили. Да и Свен не подкачал, судя по всему. Посмотрим, что он там притащил.

Главное, чтобы ему теперь хватило терпения дождаться группы. А то ведь сидеть на месте почти сутки, до следующей ночи, не привлекая внимания — не самое приятное испытание. Особенно для новичка.

Впрочем, говорят скандинавский характер стоек на разрыв. Справится.

Практически невидимый в светоискажающем маскировочном комбинезоне Игорь незаметно выскользнул из бухты, притопил гайдер на полметра — так, чтобы из-под воды торчала только голова, и, набирая скорость, рванул на юг в обход рыбачьих снастей. В двух километрах от берега, когда темная полоска суши слилась с горизонтом, он поднял машину на крылья, разогнался и вышел на редан.

До точки встречи километров триста — почти семь часов пути.

Игорь закинул за спину контейнер, устроился поудобнее в ложементе и включил автопилот. Пока можно и подремать. Корабль так далеко от берега — редкий гость, в крайнем случае, известят со спутника.

Его встреча тоже прошла удачно. Конечно, по нормальной логике разведок эту предельно простую миссию следовало доверить новичку, а с гильдейцами общаться самому. Но... здесь своя специфика. Как говорят русские колонисты: «у Надежды свои одежды». Хорошо земным разведкам — в их подчинении мощные аналитические центры и сотни агентов, а специальные школы пачками готовят новых. Но что прикажете делать Тайной Службе, если в штате всего семьдесят два человека? А в оперсоставе — вообще девятнадцать. Включая и самого Квашнина, старшего аналитика Службы и

по совместительству руководителя отдела агентурных операций.

«В такой ситуации выбирать не приходится. Работаем с тем, что есть. В администрации до сих пор считают нашу Службу бесполезными дармоедами. Ну, надеюсь, сегодня у нас наберется кое-какой материал, чтобы их переубедить...»

Вот так и получается, что Свену Хеглунду с его стопроцентной скандинавской внешностью лучше всего действовать среди гильдейцев, где подобный типаж не редок. В Солмаоне на него бы пялились все, кому не лень. Любопытство не порок, но разведчик, которого помнит каждый, мимо кого он прошел, — плохой разведчик. То есть мертвый.

А в Чжандоу, Соцветии Юга, ни Свену, ни самому Игорю и шагу бы не удалось ступить. Тут же повязали бы, как солмаонских шпионов. Среди шафрановокожих и низкорослых местных жителей, «недокитайцев» по терминологии директора Службы, могут спокойно работать только Чжао Ли и таиландец Ю Фат. Правда и с ними не все так просто: здесь природе не понадобились узкие глаза для защиты от песчаных суховеев. Приходится гримировать ребят, молясь про себя, что краска и телесный пластырь в уголках глаз не подведут в самый ответственный момент.

Зато в Солмаоне, Земле великих императоров и Тысячи Побед примут за своего и русского, и венгра, и француза... Практически без грима. Главное, чтобы не щеголял чересчур великаническим ростом. Да еще рыжие и соломенные волосы под запретом — среди коренных солмаонцев они редки, а прибрежный народ скамирров давным-давно осел в гильдии.

Конечно, если местным придет в голову поизучать kostya землянина — возникнут вопросы. Лишний позвонок, не привычное строение тазобедренных костей и нижней челюсти. Один, два, три раза сойдет за врожденные уродства, но потом...

Игорь поежился. С открытого моря задувал свежий северный бриз, температура заметно падала. Пришлось включить обогрев костюма.

Вот это, наверное, и есть самое сложное во всей миссии — семь часов монотонной тряски до места встречи, где

завтра к полуночи группу будет ждать баржа океанографов. В администрации посчитали, что нет смысла гонять через весь океан скоростной корвет Тайной Службы. Не баре, мол, доплынете. Баржа крейсирует в ста сорока километрах от берега, измеряет глубины, картографирует течения. Ей как раз время подходит возвращаться на запад.

— Ничего, — сказал тогда малознакомый чиновник из администрации. — Сделает крюк и заберет разведчиков. Экономить надо, топливо с неба не капает.

Сама же миссия проста и практически безопасна. Понятно, что расслабляться нельзя: разведчик, который считает новое задание легкой детской забавой, имеет все шансы не дожить до его окончания. Но что, в самом деле, может случиться во время рутинной встречи с агентом. То есть — в переводе на человеческий язык — обмене собранной информации на звонкую монету. Да, конечно, всегда есть шанс, что агента взяли, а на месте встречи ждет засада. Но только не в этом случае: Бондиер, главный распорядитель углежогов имперского порохового двора был человеком за- предельно осторожным. Менять удобное кресло и привычные стены своего родного цеха, пусть и прокопченные многолетней гарью от пережигаемой на уголь древесины, на осклизлый каменный мешок одиночной камеры ему совсем не улыбалось.

— Деньги — это, конечно, хорошо, — сказал он во время вербовки. — Только зачем они мне в пыточных застенках, три раза вас задери? В руках ласковых мальчиков кина Моррагена? Или, если уж на то пошло, мать-твоя-шлюха, в гостях у Небесного Диска? Нет, я понимаю, Соцветие достаточно богато, чтобы компенсировать любые страхи и неприятные переживания, но если меня возьмут, чтоб мне сдохнуть, монеты помогут разве что скрасить старость моей потаскунки-жене.

В свое время Бондиер изучал химию в стенах самой имперской Академии, поэтому считал себя человеком образованным. Речь его блистала занятными оборотами, почерпнутыми из книг, и не менее занятной руганью, которая помогала общаться с рабочими. А земных вербовщиков он сразу же

зачислил в ряды агентов Чжандоу, демонстрируя свою проницательность.

— Я готов на вас работать, но при одном условии, что вам-лечь-под-коня. Прежде всего — моя безопасность. Сигнал о встрече подаю только я, и место назначаю я. Согласны?

Читая отчет, Игорь подумал, что Бондиер, похоже, уже был готов к вербовке. Чьей — не важно, Чжандоу, гильдийцев или даже экзотического Мгоа-Мабоа. Слишком легко и быстро согласился, сразу же назвал цену и свои условия. Будто бы давным-давно их обдумал.

Помнится, в тот момент Квашнин подумал о ловушке. А почему бы нет? Здесь, конечно, не Земля, еще не успели выработать многоходовые схемы разведывательных и контрразведывательных операций, что оттачиваются десятилетиями и веками. Однако идея подставного агента лежит на поверхности, до нее додумается любой человек с мало-мальски приличной фантазией.

Земляне контакт не форсировали, предпочтя некоторое время последить за Бондиером, посмотреть, чем он живет-может. Как оказалось, угольных дел мастер никого не собирался подставлять и уж тем более работать наживкой. Как это часто бывает в жизни, простота некоторых объяснений отвергается с порога как раз в силу их банальности. Никто не верит правде, предпочитая домыслы и заковыристые построения.

Бондиер действительно нуждался в деньгах. Отчаянно нуждался. Только причиной было не многочисленное семейство или любовницы, игорные долги и т. д. За время последней войны распорядитель углежогов привык жить на широкую ногу. Императорский посланник завалил пороховой двор заказами, щедро оплачивая работы. Солмаонские осадные бомбарды крушили стены приграничных фортов, размывали в кровавые клочья чжандоускую кавалерию. Зато простые рабочие двора смогли наконец-то досыта накормить свои семьи, химики — порадовать жен подарками, мастера — пожить в свое удовольствие. Главный распорядитель, говорят, выкупил долю в нескольких частных винокурнях. Кому война, а кому — мать родна.

Попался на этот крючок и осторожный Бондиер — заложил новый дом, прикупил землицы, в общем, влез в долги по уши.

А через пол оборота войны закончилась. Часть заказов отменили, часть заказчик все-таки выкупил, но — по довованной цене. Бондиер влип.

Императоры Солмаона вообще славились практичностью. Война — а особенно война с Чжандоу, врагом-на-всё времена — была для них привычной работой. А для каждой работы требуется соответствующий инструмент. Когда же она будет закончена или отложена, надобность в инструменте отпадет. До следующего раунда.

Бесконечные войны двух Империй ставили в тупик земных историков и действительно больше напоминали боксерские поединки: бойцы сходятся в центре ринга, обмениваются чувствительными ударами, возможно даже нокаутами. Но тут звучит гонг, и поединщики дисциплинированно расходятся по углам до следующего раунда. Хорошо, если не до следующего боя.

Гигантские империи, единственные за отсутствием других претендентов сверхдержавы Восточного материка просто не в состоянии победить в извечной войне. Даже разбив армию противника в приграничном сражении, захватить всю территорию чужого государства невозможно физически. Огромные размеры, отсутствие сколько-нибудь серьезных средств передвижения, невиданное для земного средневековья многочисленное население — резерв для создания новых армий, все это превращало окончательную победу в несбыточную мечту военачальников.

Бондиеру оставалось только уповать на новый виток противостояния, а в промежутке постараться найти приработок на стороне. Иначе кредиторы вполне могли упечь уважаемого мастера в долговую тюрьму. Потому он и ухватился обеими руками за первое же предложение.

Сами по себе тайны порохового двора земную Тайную Службу не слишком интересовали, их покупали только для того, чтобы соответствовать образу — жадных до технических секретов шпионов Чжандоу, ведь Солмаон пока опере-

жал Соцветие Юга в развитии артиллерии. Но кроме всего прочего распорядитель углежогов числился младшим синдиком в Торговом Совете. Вопросы там решались скорее торгово-экономические — политику и войну императоры не доверяли никому. Но с Бондиером, которого старшие синдики весьма уважали, часто советовались, обменивались мнениями, а на приемах, торжественных балах и дружеских попойках ему доводилось беседовать и с высокопоставленными чиновниками, и даже с кузеном императора, что по традиции ведал военными закупками. В общем, кладезь закулисной информации. Достаточно просто держать глаза и уши открытыми, а рот — на замке. А уж этими способностями Бондиер обладал в совершенстве.

Пеленгатор предупредил о появлении Игоря минут за сорок до захода Альфы. Бета уже успела проскочить небосклон и сейчас висела над горной грядой на севере-востоке — неприкаянная и одинокая.

Свен выбрался из убежища, огляделся и, прячась в прибрежных зарослях, стал ждать командира.

Последние лучи заходящего светила выкрасили волны в сияющий пурпур, слепивший наблюдателя. Ветер гнал прочь от берега небольшую рябь, и потому Хеглунд разглядел Игоря, только когда трансивер донес негромкий смешок:

— Не туда смотришь, Свен. Я у берега уже.

Кващин привычно притопил глайдер, жирно мазнул маркером прибрежный камень. Просто так не видать, а в ноктоворизоре — захочешь, не пропустишь.

Выбрался наружу, пожал руку подбежавшему шведу.

— Ну, как ты тут? Не скучал?

Свен смущился:

— Первые два часа поджилки тряслись, что меня вот-вот обнаружат. Потом привык, успокоился, даже задремал ненадолго.

— Молодец. Ли не отзывался?

— Стандартный сигнал есть: все в порядке, мол. Но голосом ничего не оставлял.

— Наверное, времени не было. Раз сигнал есть, значит, плывет сюда. Глайдер со спутника видят?

— Да. Идет к нам.

— Ну и отлично, — Игорь растянулся около камня, последние семь часов прослужившего шведу убежищем. — Дождемся его — и домой.

Хеглунд опустился рядом, потер пальцами веки.

— Что, мешают? — спросил Игорь..

— Есть немного. Будто что-то царапает изнутри.

— Сними. Разрешаю.

Свен аккуратно вынул контактные линзы, подбросил на ладони, упрятал в нагрудный карман. Проморгался, посмотрел на Игоря.

— Так лучше?

— Красавец! — оценил командир. — Покоритель женских сердец.

Совершенно немыслимые для аборигенов Надежды скандинавские глаза небесной голубизны сделались серьезными. Швед немного помялся, не зная говорить или нет, потом все-таки решился:

— Игорь, я хотел спросить... насчет женских сердец. Скажи, без проститутки никак нельзя было обойтись?

Командир рассмеялся.

— Тебе что, не понравилось? Насколько я знаю, на Веселой улице самые умелые девочки во всей Морской столице.

Веселился он один. Свен даже не улыбнулся. Впрочем, он был таким почти всегда, чувство юмора у шведа находилось в состоянии недоношенного эмбриона. Может и в самом деле, многочисленные шутки на тему скандинавского характера и особого северного юмора не так уж не верны?

— Понравилось, но я все время чувствовал себя неуютно. Какой-то дискомфорт ощущался, мне то и дело чудилось, что на меня вот-вот переползут насекомые, или я подцеплю местную венерическую болезнь.

Игорю показалось, что швед собирался рассказать, о чем-то другом, не столь приземленном, но потом передумал. Предпочел перевести разговор в бытовую плоскость. Ну-ну...

— Не волнуйся, тебя же вакцинировали. Наши прививки с этим справятся. А без маскарада никак: аристократы вроде тебя появляются на Веселой улице с одной конкретной целью. Иначе сразу же вызывают подозрения у ее постоянных обитателей. Ну, а раз уж снял девушку — пользуйся. Чтобы не выделяться из общего ряда. Мальчики с гербом и пухлыми губами для нее не редкость — она их всех и не упомнит. А вот если мальчик заплатит ей и не воспользуется... Сам понимаешь, такой останется в памяти надолго. Да и своим подружкам, кстати, она не преминет про него рассказать. После чего информация имеет все шансы дойти куда следует. Дознавателям Ложи, например. Так что по-другому — никак. Извини.

— Конечно, я все понимаю. — Швед опустил голову. — Но мне показалось, что... Впрочем, ладно. Лучше скажи, что нам дает это письмо? Зря Рибаун притащил этого мальчика-переписчика, или он еще пригодится? Сказать по правде, мне он не понравился. Трусливый, запуганный, все по сторонам озирался. А когда понял, что никто его обманывать и подставлять не собирается — тут же напился на радостях. Опасный.

— У нас говорят — «стремный».

— Как?

— Стр-йо-мны-ы, — на официальном в колонии англо-немецком суржике русские слова звучали так коряво, что хоть караул кричи. — Ненадежный, значит, чреватый неприятностями. Жаргонное словечко. «Стоять на стреме» означало стеречь, в случае опасности — предупредить. Ладно, урок филологии отложим, давай контейнер, посмотрим, что у тебя.

Через полчаса Игорь оторвался от чтения, мрачно покачал головой. Без особого энтузиазма похлопал Свена по плечу.

— Да уж... Я предпочел бы прочитать это лет через пятнадцать. Сейчас мы к нему не готовы.

Хеглунд встрепенулся:

— Я просмотрел письма, когда переснимал для отчета. По-моему, обычная переписка. Я что-то упустил?

— А как тебе вот это? — командир осторожно развернул кусок пергамента с розовыми «официальными» чернилами.

— Письмо Солмаонского императора, верховного правителя Земли Тысячи Побед своему брату мастеру Ложи Высшего посвящения. Если я правильно перевел — полупросьба, полууказание о содействии в морских изысканиях и предоставлении архивных материалов. Судя по нашему архиву, император в гильдию таких по десять штук в неделю присыпает. Некоторые исполняются, некоторые нет. В чем отличие?

Квашнин скатал послание, убрал в контейнер, запечатал.

— Это начало того, чего мы все очень хотели бы избежать. Солмаон подумывает об океанских экспедициях.

— На чем? — удивился Свен. — У них нет кораблей. Нет даже верфи, где их можно построить.

— Согласен. Но при государственной поддержке вполне возможно построить и то, и другое. Причем в максимально короткие сроки. За деревьями ты не видишь леса...

— Как?

— А... не обращай внимания. Старая русская пословица. Означает, что ты не замечаешь главного, что напрямую следует из частного. В свое время аналитический отдел выдал такой прогноз — окончание войны Чжандоу и Солмаона, оскудевшая казна, тяга к экспансии, острая нужда в новых землях и рынках вполне может подтолкнуть имперцев в ближайшие тридцать-сорок лет к отправке экспедиций на Запад. Никто не ожидал, что это случится так скоро.

— Почему нам ничего об этом не сказали?

Игорь усмехнулся.

— Чего-чего, а недостатка в идеях мы никогда не испытывали. В людях, ресурсах, информации — сколько угодно, но с идеями всегда был полный порядок. Не забудь, мы пять с половиной лет числились всего лишь аналитическим отделом. Представляешь, сколько разных проектов за это время напридумывали? Ужас! Программа подготовки не резиновая — обо всем не расскажешь.

— Что, так плохо? — лениво спросил Свен, больше для поддержания разговора, а не из реального интереса. Адрена-

лин первой в его жизни настоящей тайной операции ушел, больше всего на свете ему хотелось вернуться домой, принять контрастный душ и... завалиться спать. В глубокую, черную пустоту без сновидений. Чтобы ни о чем не думать и не вспоминать пылкую любовь Иламы.

— Когда двадцать человек занимаются мозговым штурмом без конкретной цели, да еще не слишком веря в собственную полезность, результаты получаются удивительные. Кто уверен в своих силах и таланте — начинает изгаляться: ах, мол, мои способности не востребованы? Я гениальный аналитик, а вы, значит, меня не цените? А вот вам проект! Да такой, чтоб волосы на голове зашевелились. Другие, те, что пожиже интеллектом, больше опасаются за свое место. Тайная Служба — одна из структур колониальной администрации. Апартаменты в Столице, снабжение по первому уровню, премия... Красота! Кому ж охота потерять вкусную кормушку? Ну и стараются, работают как заведенные, демонстрируют свою незаменимость. Проект за проектом, рекомендация за рекомендацией. Штампуют словно из-под пресса — один другого круче. Все равно их никто читать не будет. Не поверишь, один умник всерьез предложил, если начнется массированная подготовка к экспедиции, торпедировать любое крупное суда имперцев прямо в портах. А то и на верфи!

— Чем — он не объяснил?

— Это как раз не проблема. Мини-подлодки на два-три человека с суточной автономией... Носитель — баржа с низкой посадкой, что вполне может прятаться за линией горизонта. У гения нашего все было подробно расписано. Да в принципе можно и батискафы исследовательские переоборудовать. Были бы средства. Проект, если это можно назвать проектом, конечно, отвергли по другой причине. Во-первых, при нашей технологической базе каждая торпеда влетит в копеечку: сборочный конвейер мы сейчас не потянем, а значит — придется собирать вручную. Не говоря уж о том, что подготовка боевых пловцов намного сложнее, чем у обычных водолазов.

— А что «во-вторых»?

— Во-вторых тоже лежит на поверхности. Скажи, вас учили, что является самым важным в любой нашей операции?

— Скрытность. Успех любой миссии вторичен. Прежде всего, агент должен обеспечить нулевую вероятность провала, а также случайного или намеренного попадания в рукиaborигенов любых продуктов или материалов земной цивилизации, если только они намеренно не замаскирован под изделие местного производства.

— Молодец, шпаришь, как по учебнику. Всю ночь зубрил? Ладно-ладно, шучу... Понимаешь теперь?

— Кажется, да. Ты хочешь сказать, что как только корабли начнут взрываться на рейде, в Солмаоне и Чжандоу тут же все поймут? Наше присутствие перестанет быть тайной.

— Конечно. Сначала они подумают друг на друга, возможно, даже начнется небольшая эскалация грозных нот и приграничных стычек. Однако, мы, аналитический отдел, уверены, что все быстро встанет на свои места. Шпионы есть везде, гибель нескольких крупных кораблей прямо на рейде, на глазах у всех скрыть невозможно. Один-два могли взорваться от искры в пороховом погребе, парочку недостроенных макетов могли уничтожить для отвода глаз... Да-да, что ты смотришь, была такая версия. Мол, Чжандоу славится хитростью, император Солмаона может и на них все свалить. Но долго такая ситуация не продлится. Начнут строить новые корабли, обеспечат охраной по высшему разряду, а мы их снова — бац! Причем из-под воды. Думаешь, они там тушицы все? Лучше уж тогда сразу намалевать на побережье огромную стрелочку с востока на запад и приписать снизу: «Мы там. Ждем в гости».

— Ну, и много они построят для первого раза? Пару кравелл, как у Колумба. Да мы их утопим еще на старте!

Игорь покачал головой.

— Не быть тебе, Свен, в администрации, пока считать не научишься. У нас один умник тоже все кричал, чтоaborигены нам не опасны, что мы их одной левой, мол. Типа, были бы у инков и ацтеков несколько станций слежения с парой-тройкой батарей крылатых ракет — не то, что Кортес и Пасарро, — весь испанский флот и на тысячу миль не смог бы к берегу

подойти. Чтобы разметать армию Чингисхана, хватило бы одного штурмовика, армаду завоевателей — ракетного катера. Умник, правда, не подумал, откуда у инков возьмется техническая база для конвейерного строительства крылатых ракет — тут нужно не только ракетостроение, химия взрывчатых веществ и твердого топлива, а еще технологический пул и готовая база, выстроенная и отлаженная. Да и не хватит двух трех батарей, особенно во время массированного вторжения. О спутниках я вообще молчу. Даже наша колония пока смогла построить их всего шесть, в дополнение к той пятерке, что остались от «Надежды». Через год администрации собирается запустить седьмой. Для патрулирования побережья и одновременно для контроля за действиями аборигенов этого удручающе мало. А для того, чтобы постоянно держать под контролем прибрежные воды катерами и гидросамолетами, как написал умник в своем проекте, у нас банально не хватит горючего. И в ближайшие лет десять — тоже не хватит. — Квашнин развел руками: — Колония растет быстро, но нас все равно очень мало. Триста сорок тысяч человек: по земным меркам — небольшой город, что-то вроде райцентра. Не знаю, как в Швеции, Свен, но в России и сейчас города не могут себе позволить иметь собственные спутники и батареи крылатых ракет. Технологии есть, материалы в принципе можно наскрести, но кроме этого нужны спецы, проектные мощности и индустриальная база. Все это нужно кормить и обеспечивать за счет городского бюджета. Многомиллионное государство может себе такое позволить, город — нет. Это только в виртуальной стрелялке супербоец с гауссовой в одиночку косит местных тысячами. В реальности у него бы через пять минут боя кончились заряды, а через шесть — его изрубили бы в клочки.

Пискнул пеленгатор.

Игорь повозился с настройками, повеселел:

— Пока мы тут с тобой болтали, Ли прибыл. Пошли встречать.

На берегу уже возился низкорослый Чжао Ли, выпускник пекинского гуманитарного университета, социолог и — по совместительству — специальный агент земной Тайной Службы в Чжандоу.

Услышав шорох, он встрепенулся, поднял голову. Алыми точками блеснули зрачки ноктевизора — китаец вглядывался в заросли.

— Свои, Ли. Принимай гостей.

Игорь выбрался из кустов, подошел ближе. Он никак не мог разглядеть Чжао Ли, одни только зубы белели в темноте. Наконец, тот откинул капюшон.

Квашнин хотел сказать нечто приветственное, но осекся — на щеке Ли красовалась длинная, уже начавшая заживать, царапина.

— Что случилось?

Ли спокойно выдержал взгляд Игоря, сказал:

— Нашего человека взяли, командир. Мы уже почти заカンчивали, как у ворот дома появились Легионеры Всевидящего Ока. Через минуту они ворвались в дом. Я едва успел вывалиться в окно и уйти через задний ход.

— А это откуда? — Игорь указал на щеку.

— Ерунда. Стекло в раме крепкое попалось.

Квашнин облегченно вздохнул, улыбнулся:

— А ты его, что — головой выдавливал? Супермен. Уверен, что тебя не вычислили?

— Уверен. Наш человек много кому продаться успел. Где-то прокололся. А обо мне знает только то, что я работаю на гильдию Трех Лиан. Он даже в лицо меня не знает. Будет Всевидящему Оку работенка.

— Что у него?

— Увели под конвоем. Думаю, мы его больше не увидим.

Командир мотнул головой.

— Я не об этом. Что он успел тебе передать?

— А, — Ли оживился. — Это самое интересное. В кузачную мастерскую его двоюродного дяди поступил заказ на железный котел в три человеческих роста. Обещал снять ко-
нико чертежей. Вряд ли он теперь сможет...

— В итоге мы имеем два вполне созревших кризиса. Солмаон и Чжандоу задумываются об экспедиции к западным землям. И уже зондируют почву. В ближайшее время следует

ожидать повышенный интерес к гильдейским архивам, попытку перекупить у Трех Лиан лучших географов и штурманов, возможно — прямых переговоров с Ложей. Самые мощные верфи — в Морской столице, первые океанские корабли совершенно точно будут закладывать там. Вполне вероятно, что на имперские деньги и при участии имперских инженеров. Свен, с переписчиком придется встречаться два-три раза в месяц. Пусть копирует любую документацию, какую сможет. Но поаккуратней. Чеснок зарываться не стоит. И деньгами направо-налево не швыряется. Иначе в один прекрасный день его посетят совсем другие люди. Тоже любопытные, но очень нетерпеливые. Склонные к поискам правды весьма болезненными методами. Так и объяснишь парню. Понятно?

— Хорошо...

— Местом встреч пусты остается дом Толстой Бреды. Сделай вид, будто тебе девочка та понравилась, сил нет. Эй, ладно краснеть, все уже поняли, что ты на нее запал!

Швед отмахнулся:

— Вот еще! Ничего я...

— Ладно, как скажешь, Свен. Ли, плохо, конечно, что твой источник накрылся. Возьмешь еще двоих, будем налаживать новый контакт. Да повнимательнее! У Всевидящего Ока сейчас бдительность повышенная. По всем канонам надо бы обождать, но... К сожалению — нельзя. Не дает мне покоя этот железный котел в три человеческих роста.

— Паровая машина?

— Очень вероятно. По уровню технологии кузнецам и литейщикам Чжандоу вполне по силам воплотить подобный проект в металле.

Чжао Ли уселся на песок, скрестил ноги. Игорю эта поза была знакома, и он чуть слышно вздохнул: китаец приготовился спорить. Впрочем — сам виноват, столько времени приучал подчиненных иметь собственное мнение и развивать логику. Теперь расхлебывай.

— Ну и что, командир? Думаешь, как только они построят это чудо света, так сразу же попрут к нам в гости? Да им лет десять потребуется, чтобы довести свою железяку до ума, а потом — еще пятьдесят на проектирование и постройку

подходящего корабля. Будут и взрывы, и аварии, да и удачную конструкцию придется нашупывать методом проб и ошибок.

Игорь кивнул:

— Верно говоришь. На Земле паровой двигатель строили несколько раз, впервые, если верить легендам, чуть ли не во времена Римской империи. Но даже постройка машины Уатта и первых пароходов Фултона не отменило разом господства паруса. На первых порах, да и потом — в течение последующих лет пятидесяти, ветер не собирался сдавать свои позиции. Почти все географические открытия на Земле совершены парусными судами. Даже Антарктида. Только ты упускаешь из виду некоторые местные особенности. Вполне характерные, кстати.

— Это какие же?

— Во-первых, — Игорь принялся загибать пальцы, — к моменту появления парового двигателя соперничество ведущих морских держав на Земле шло полным ходом уже много веков. Парусное вооружение кораблей совершенствовалось год от года, равно как и управление ими. Первые пароходы серьезно проигрывали фрегатам, клиперам и галеонам в скорости, в надежности движителя, в грузоподъемности, в запасе хода, и — как это не удивительно — в постоянстве хода. Казалось бы, пароход не зависит от ветра, а значит, может двигаться все время. На деле же сложное многомачтовое парусное вооружение позволяло кораблю иметь ход даже при самом крутом ветре, а несовершенную паровую машину приходилось то и дело останавливать из-за перегрева или превышения давления. А в шторм пароход вообще оказывался беспомощным — волны оставляли колеса без работы. Ну, а если вода заливала котлы...

— А я про что говорю! Головной боли сколько! Да им работы лет на пятьдесят... — Ли покал плечами. — Разве нет?

— Подожди, ты не дослушал. Во-вторых, и — кстати — во многом из-за того, что я уже сказал, — все первопроходцы паровой эпохи на Земле вынуждены были работать на свой страх и риск, без всякой государственной поддержки. То есть они фактически создавали целую отрасль на свои собственные или заемные деньги и только потом старались заинтересовать

идеей государство или крупные концерны. Понятно, что изобретатели были вынуждены экономить на всем, вместо десяти экспериментов обходились одним, что, естественно, вело к большой аварийности. И даже, если правительство страны изначально проявляло заинтересованность, то, глядя на постоянные взрывы и катастрофы, могло и отступиться. Мысль ясна?

Свен и Чжао Ли переглянулись. Китаец сообразил первым.

— Ты хочешь сказать, что здесь, на Надежде, изобретатель может получить имперское финансирование с самого начала? Чжандоу или Солмаон увидят в новом движителе шанс достичь Западных земель быстрее соперников?

— Именно! Молодец, Ли. Причем свежепостроенный корабль с более-менее отлаженной машиной сразу же будет иметь перед местным парусным флотом значительные преимущества. Латинский парус здесь так и не изобрели, предпочтая ходить галсами, а при слишком крутом ветре — на веслах. Так что пароход уже в выигрыше. Плюс — грузоподъемность. Легкие торговые галеры тех же гильдейцев ходят вдоль побережья и по крупным рекам. Большая осадка им ни к чему, а значит и размеры невелики. Транспортные речные корабли — хороши, спору нет, но из-за низких бортов и малого водоизмещения в океане они не продержаться и суток. Пароход же можно строить любых размеров...

— Так уж прямо и любых? Машина-то потянет?

— Ну, любых в разумных пределах, конечно. Опять же с колесами придется помучиться, если они сразу винт не изобретут. Или вообще что-нибудь свое, экзотическое — вроде гигантских рычагов с веслами. Но в любом случае на паровое судно можно взять больше людей, больше запасов, то есть отправиться в длительное путешествие через океан.

— А топить чем? Дровами? — спросил Чжао Ли. — На сколько я помню, аборигены не используют каменный уголь.

— Уголь — нет, но землетрясения частенько выдавливают нефтяные пласты ближе к поверхности. Песчаник, глинозем, известняк напитываются нефтью, и получается что-то вроде горючих сланцев. Местные зовут такую породу огневиком. Для машины вполне подойдет, разве что толку часто вычищать придется.

Игорь достал из кармана трансивер, пинком отвалил камень, под которым группа закопала акваланги. Посмотрел на своих «агентов»:

— Так что задали они нам задачку. Ничего, прорвемся. Выше нос, парни — мы едем домой.

Архивные документы.

«Сборник материалов III международной конференции по внесистемной планетографии. Коллекционное издание».

Планета Надежда.

Четвертая в системе Альфа Центавра А, длина экватора больше земного — около 44500 км (экваториальный радиус — 6937 км), но по причине низкой плотности магматических пород, сила тяжести — 0,93 земной. Из-за отсутствия сколько-нибудь серьезных спутников Надежды отличается низкой сейсмоактивностью, хотя наличие в системе второй звезды — Альфа Центавра Б — в момент противостояния, когда минимальное расстояние между светилами А и Б составляет 11,4 астрономические единицы, порождает циклические периоды мощных землетрясений.

Суша занимает примерно 42% поверхности, разделена на материки: Восточный (населенный) и Западный (практически необитаемый — десяток малочисленных диких племен, находящихся на уровне неолита), и небольшое количество незначительных островков и архипелагов. Береговая линия относительно плавная, что так же, как и малое количество шельфовых островов, объясняется отсутствием спутника и — соответственно — приливной эрозии. Наклон оси небольшой — 14,7 градусов, из-за чего климат Надежды значительно спокойнее земного, в средней полосе зима —5, лето +14-19 градусов по Цельсию. Полярные шапки и зоны, а также районы вечной мерзлоты по размеру ненамного превышают земные. Сказывается большее удаление от звезды — 186 млн. км, частично компенсируемое повышенной светимостью Альфа Центавра А (1,56 солнечных).

ГЕОГРАФ

Сам Иррабан кин Лахъя себя везунчиком не считал. Но жизнь редко поворачивалась к нему спиной, хотя такое и случалось.

Младший сын небогатого аристократического рода Лахъя, осевшего в гильдии много поколений назад, он вряд ли мог претендовать на высокие должности или невероятные доходы. После ранней смерти отца — Келлигана кин Лахъя, родовой надел перешел в ведение старшего брата. Иррабану досталась лишь небольшая рента и прямая дорога на мелкий чиновничий пост, благо в семье Лахъя не считали зазорным, как в знатных корсарских родах, обучать детей грамоте. Сначала его отдали в школу переписчиков, где он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны и показал удивительные способности в копировании карт. Им даже заинтересовался младший торговый мастер кин Райнидо, посмотрел работы юного умельца, восхитился, попросил скопировать несколько древних карт и даже разрешил пользоваться свиткохранилищем Ложи.

Так у Иррабана завелись собственные деньги: капитанам кораблей свежие, проверенные карты нужны всегда, а похвала кина Райнидо — наилучшая рекомендация. Поэтому, когда по окончании школы распорядитель переписчиков предложил отправить мальчика в имперскую Академию Солмараvana и даже написал сопроводительное письмо, средства на далекую поездку удалось собрать быстро. Одной только земельной ренты, конечно, не хватило бы.

Отучившись в Солмаоне, младший сын кин Лахъя на несколько лет остался в империи. Путешествовал по малоизученным северным землям, уточнил береговую линию Промерзлых морей. Написал любопытнейшее эссе о возможном существовании наносных островов недалеко от Азаратского побережья. Три лета спустя гипотеза молодого ученого

блестяще подтвердились — торговая барка попала в штиль и под влиянием течения отдрейфовала прямиком к ближнему из предсказанных островов. Всего их оказалось четыре.

В родные гильдейские пенаты Иррабан вернулся уже довольно известным географом.

А через несколько лет Солмаон снова — в который уже раз! — сцепился с Чжандоу, и новый император Гравандер II призвал под свои знамена всех, кто может носить оружие, пообещав, как обычно, золотые горы. Война никогда бы не коснулась Иррабана, он, скорее всего, и не заметил бы очередной битвы на рубежах двух империй. Но к середине осени гонец принес скорбную весть: старший брат Ингулаван погиб в приграничной стычке вместе со всем своим отрядом.

Устав от земельной круговорти, он подался в наемники, надеясь вернуться домой с приятной суммой в звонкой монете, превратиться разом из небогатого землевладельца в зажиточного. Но вместо этого императорский посланник привез окровавленный родовой штандарт. Вельможа не скучился на велеречивые похвалы: старший Лахья стяжал немалую славу, ибо отряд его бился, как подобает, не уронив чести рода.

Землей, однако, управляет не честь, а человек.

Слава Небесному Диску, Иррабану не пришлось взваливать на себя семейные дела. Его не интересовали цены на зерно, земельные выплаты и разговоры о новом урожае. Очертания стран и морей, описание неведомых земель — вот, что занимало все помыслы молодого Иррабана. Сестра Илида кин Лахья, родившаяся на три лета раньше, к тому времени уже успела выскочить замуж за такого же небогатого аристократа кина Мелукора. Ему-то молодой географ и передал права управлять родовым наделом, выторговав себе ренту на порядок выше прежней.

Человек стремится к покою — и, в конце концов, все встало на свои места. Зять, удачливый хозяин, приращивал богатство рода, а Иррабану ничто не мешало заниматься своим делом. В деньгах он, конечно, не купался, но на жизнь вполне хватало, позволяя ему спокойно рисовать свои карты, переписываться с бывшими однокашниками и друзьями в Солмаоне, предпринимать изредка небольшие картографиче-

ские экспедиции, консультировать капитанов Ложи, не задумываясь особо о хлебе насущном.

А еще — двигать вперед свой тайный проект, цель всей жизни.

Иrrабан кин Лахъя надеялся, что как только будут собраны все возможные доказательства, как только он поставит в рукописи последнюю линию, знаменующую конец предложения, многолетний труд закончится прижизненной славой. Его имя прогремит по всем окрестным землям.

В принципе, он не ошибся. На короткое время он действительно станет чрезвычайно популярен. Огромное количество людей, включая всесильных владык Солмаона и Чжандоу, будут мечтать о встрече с ним.

Кое-кому это даже удастся.

В седьмой день третьего оборота последняя линия еще не была проведена. Но ждать оставалось совсем недолго. Две обещанные посылки из Солмаона, три страницы рукописи, последние семь цитат из древних хроник — и все. Работа будет закончена.

Однако географ давно уже понял одну простую истину: сам по себе его труд обречен пылиться в свиткохранилищах. Если идея не подтвердится, рукопись лишь изредка будут извлекать под Небесный свет для копирования по заказу будущего коллеги, что вздумал сослаться на малоизвестный труд в своем собственном исследовании.

Новой теорией во чтобы бы то ни стало нужно заинтересовать людей, наделенных властью. Тех, в чьем подчинении находятся корабли, люди, города и страны, ибо для реализации новой идеи потребуются усилия, как минимум, целого государства.

Не слишком опытный в придворных интригах, географ все же побоялся довериться кому-либо из личных секретарей мастеров Ложи. Насквозь продажные, они вполне могли передать тайну проекта любому, кто хорошо заплатит. Такие случаи происходили сплошь и рядом. Конечно, предателей ловили и обезглавливали, Морская столица получала бес-

платное зрелище и очередную порцию сплетен. Но кто мог поручиться, что публичная казнь одного заставит остальных честно выполнять свою работу?

Иррабан сделал по-другому. Завязал переписку с кином Рабаури, прислал ему в подарок прекрасно выполненную копию чжандоусской карты — знаменитой «Картины околодискового мира», а потом, уяснив из писем, что старика весьма интересуют иностранные диковинки, пригласил в гости, посмотреть коллекцию древних фолиантов.

Вот так и появился в уважаемом, но не слишком богатом доме географа сам старый Ахнаро кин Рабаури, распорядитель Ложи, хранитель традиций и знаток этикета.

Пожилой вельможа был не из тех, кто считается визитами. Конечно, по возрасту, да и положению младший отпрыск рода Лахья должен был сам посетить его, предварительно два-три оборота выпрашивая приглашение. Но кин Ахнаро давно уже привык, что из-за его особого положения никто не ищет с ним дружбы просто так. Никто не приглашает на обед или на охоту без задней мысли, никто не дарит драгоценные подарки от чистого сердца.

Всем от него что-то нужно.

Ну, еще бы! Злые языки совсем не зря именовали кина Ахнаро «самым полезным человеком в Ложе».

И этот молодой Лахья — не исключение, наверняка тоже собирается что-то просить. Говорят, он известный ученый. Еще говорят, что не слишком богат, но обеспечен. По крайней мере, может себе позволить жить в свое удовольствие, чертить любимые карты, не закладывая родовых земель и не влезая в денежную кабалу ростовщиков. Ну что ж... в родных стенах он будет чувствовать себя увереннее, расскажет больше, чем намеревался.

Да и коллекцию стоит посмотреть. Не исключено, что в ней действительно найдется что-нибудь интересное — географ бывал и в Солмаоне, и в горском княжестве Варгаз: глядишь, и раздобыл пару-тройку раритетов.

Настоящие коллекционеры в нынешнее время так редки! Все почему-то предпочитают собирать золотые монеты, громкие любовные приключения и полезные связи, даже в самых

безобидных увлечениях следя моде. Или — политике. Как было с горской борьбой а-тана-кан, которой, по слухам, не брезгует и сам Гравандер II. Вслед за императором ею увлекся двор, потом аристократия империи, и вот новая « страсть» пронеслась над Солмаоном, как моровое поветрие, заразив заодно и высший свет гильдии, и молодежь из мастерских семей, и даже — по слухам — консервативное жречество.

Куда катится мир?

Коллекция не подвела, кин Ахнаро нашел там и свиток Свода законов горского клана Арумбаш, и солмаонские правительственные эдикты, и копию приказа самого Меткандра. Неукротимого — причем копию из первой десятки! Заметив, что гость с неподдельным интересом изучает древнюю религию, молодой Лахъя тут же пообещал:

— Если хотите, благородный кин Ахнаро, я сделаю список и для вас!

Благородный кин, конечно, хотел. Географ тут же вывалил на него кучу деталей: после какой по счету сушки лучше всего брать кожу для пергамента, чем напитывать его, чтобы дольше сохранилось, как сымитировать древность, какие чернила лучше использовать и по какой неведомой традиции знающие люди называют копию списком. В общем, был сама предупредительность. Из чего старый вельможа сделал вывод, что и просьба у него не самая простая. Гм... Что же это? Должность при Ложе? Титул? Деньги? Вряд ли. Скоре все-го — аудиенция у Совета для какого-нибудь сногшибательного проекта.

«Хорошо, — подумал стариk, — сделаю. Чтобы он ни попросил — сделаю. Симпатичный паренек и своего положения добился сам, не по протекции».

Обед тоже оказался вполне на уровне. Нет, во время званных вечеров в Ложе и на днях Посвящения мастеров подавали кушанья куда изысканней, да и его собственный домашний повар готовил лучше, но кин Ахнаро прекрасно понимал, что и для такого стола небогатому Лахъя пришлось расшибиться в лепешку. Не стоит его обижать.

— У вас хороший мастер-кулинар, кин Иррабан. Привезли из своих экспедиций?

— Нет, благородный кин, это наш, из местных. Нарочитого повара я не держу — неприхотлив, знаете ли, хватает и обычной кухарки. В Мерзлых землях и горах Варгаза не до разносолов, скажу честно. А для нашей встречи пригласил младшего распорядителя с капитанской кухни. Вам, правда, нравится?

— Изысканные кушанья быстро приедаются, к тому же ими трудно наесться. Хочется чего-нибудь попроще и посытнее. Не пищи простолюдинов, конечно, но, — он улыбнулся, — попроще. Доброй, хорошей еды. Клянусь Небесным Диском, ваше угождение мне по вкусу.

После обеда Иррабан пригласил гостя в кабинет. Усадил в кресло и — отослав прислужника — лично нацедил бокал злакового вина из Чжандоу. Самое лучше питье для познавательной беседы и... уставшего от многочисленных яств желудка.

Распорядитель Ложи угождение оценил. Посмотрел на свет, как и положено, покатал в пальцах матово-зеленый бокал, наблюдая за хороводом маленьких огоньков — многочисленных отражений двух масляных светильников под потолком.

Иррабан понял: пора.

— Благородный кин Ахнаро, вам, наверное, покажется странным то, о чем я собираюсь вам рассказать. Может быть, даже необычным, а то и просто невероятным. Так вот — я прошу не отмахиваться сразу от моей теории. Дослушайте до конца, оцените все собранные мной доказательства.

— Рассказывайте без стеснения, дорогой кин. Вряд ли вы пригласили меня только для того, чтобы побаловать обедом и созерцанием редких древностей. Но я также уверен, что вы не собираетесь потчевать меня глупыми небылицами. Тому порукой ваша честь и ваши знания.

— Хорошо. — Географ повернулся к окну, поймал взглядом Небесный Диск, прикрыл глаза и шепотом попросил у него поддержки.

Сейчас решалась судьба его детища. На мгновение он дрогнул, но отступать было уже поздно. В кресле напротив

сидит не просто кин Ахнаро. Старик-распорядитель — первый слушатель новой теории, первый ее критик. Говорят, он скептик и зануда. Тем лучше: в доказательствах могут быть слабые места и натяжки, заметные только со стороны. Тогда он укажет на них. Что-то может звучать не слишком понятно для человека, не сведущего в натуроведении и картографии, — он переспросит.

Иррабан вдохнул полную грудь воздуха и начал:

— Я беру на себя смелость утверждать, что доказал существование большого куска суши — возможно даже целого материка — на запад от солмаонского побережья.

Географ произнес пылкую речь. Примерно такую, к которой тайно готовился, воображая себя на ученом совете имперской Академии Солмаравана. Текст, конечно, пришлось немного подкорректировать — знания кина Ахнаро несомненно уступали воображаемым высокоученым слушателям. Иррабан начал осторожно, но, пытаясь заинтересовать «самого полезного человека в Ложе», увлекся, рассказывал с возрастающим воодушевлением:

— Вот смотрите, уважаемый кин Ахнаро, — географ указал кончиком пера на испещренную многочисленными пометками и богато украшенную часть карты — гильдейское побережье. — Видите вот здесь изогнутую линию?

— Конечно, вижу. Не забывайте, кин Иррабан, в молодости я несколько оборотов ходил на торговой галере и, смею надеяться, пока еще ничего не забыл. Линия, на которую вы указываете, это, несомненно, печально известное Сарголийское течение. Каждый капитан, из тех, что ходят северным маршрутом, день и ночь молится Небесному Диску, прося защиты от молниеносных шквалов, уносящих корабль в океан. Потому что там уже не спастись. Вдали от берега сила течения такова, что не помогут ни весла, ни парус...

— Да, — нетерпеливо кивнул географ, — вы правы: опасное место. Но я хотел рассказать о другом. Видите ли, течение теплое.

— Никогда не слышал. Наоборот, все говорят: хуже некуда, чем попасть там под шторм. Команда померзнет и моментально сляжет с трясучей лихорадкой.

Иррабан досадливо поморщился. Ну что может знать про океан распорядитель Ложи — самый сухопутный человек в Морской столице? Слухи и пьяную похвальбу капитанов? Да, в далекой молодости влиятельный папаша — тогдашний мастер пряноделов — пристроил его на корабль. Пусть, мол, покрутится среди моряков, да и за товаром присмотрит. И для карьеры не вредно вовремя помянуть, вот как сейчас: «я в молодости ходил на галере». Ходить-то ходил, но только мало, давно и плохо. А иначе почему всего «несколько обротов»? Списали, конечно. Желудком слабоват оказался или еще что.

В глубине души Иррабан понимал, что несправедлив к старику. По должности распорядитель Ложи обязан вникать во все морские дела гильдии: в постройку и снаряжение новых судов, контракты, наем команды, в том числе и в изготовление надежных штурманских карт.

— Теплое — не значит горячее, кин Ахнаро. Вода кругом действительно холодная, а течение чуть теплее, совсем ненамного. Рыбаки говорят, что на ощупь почти не отличишь.

— А причем здесь рыбаки?

— Как раз они и натолкнули меня на одну интересную мысль. Дело в том, что в водах Сарголийского течения водится хнаст. Небольшая, но очень вкусная рыбка. И ее там поразительно много — неизмеримые тысячи. Самое удивительное, что как только хнаст случайно пересекает границу течения — все. Рыба гибнет практически сразу. И потому ее даже не ловят, просто выгоняют сетями в холодные воды.

Ахнаро зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью.

— Очень интересно, высокоучченый кин.

Географ едва не скрипнул зубами от злости. Лет пятьдесят назад за подобное неуважение могли и на поединок вызвать! Но, напомнив себе, как много зависит об этой беседы, он постарался сделать вид, что ничего не заметил.

— Интересное впереди. А здесь, — он провел на карте еще одну черту, — на много перестрелов севернее, как вы тоже, наверное, знаете, в солмаонский берег упирается еще одно, Азаратское течение. Тоже теплое. И что любопытно,

кин Ахнаро, в нем тоже водятся хнасты! Такими же огромными косяками и также гибнут, стоит им попасть в холодные воды. О чем это говорит?

— О том, что Сарголийское и Азаратское течения возможно стоит считать не разными водными дорогами, а одной и той же. Это не новость, кин Иррабан. Подобную теорию высказал невесть сколько лет назад Кнариоз Ибалийский.

— Верно! Одно течение, которое почему-то делает петлю и возвращается назад, к побережью, которое его породило. А почему так получается? Может, на его пути оказывается некая непреодолимая преграда? Например, берег. А?

— С такой же вероятностью преградой может оказаться и гряда подводных камней. Что, собственно, и предположил Кнариоз. Простите, кин Иррабан, но это знает даже ученик штурмана.

Торжественно воздев руки к потолку, географ провозгласил:

— Да! Знает! Но я вам расскажу то, что недоступно подмастерьям. Азаратское течение иногда выносит на берег гнилые стволы и листья незнакомых растений, полуразложившиеся трупы животных, которые нигде на побережье не водятся. Мне рассказывали, что мертвые звери обглоданы морскими чудовищами, но даже по остаткам шкур и немногим уцелевшим костям многое можно понять. Скажем, среднего размера грызун с полосатой серо-коричневой шкурой и сильно вытянутой мордой...

— Арбак?

— Нет, у него короче челюсти, а шкура скорее пятнистая. Не трудитесь угадывать, кин Ахнаро. — Иррабан придинул к распорядителю кусок пергамента. — Это мне прислали с Азаратского побережья. Труп зверя выглядит промерно вот так, он висит над стойкой местной рыбакской таверны. По моей просьбе высокоученый кин Лиганова, с которым я веду обширную переписку, зарисовал для меня таинственное существо. Ну, что скажете? Вы раньше видели что-либо подобное?

— Не видел, — кин Ахнаро пожал плечами. Иррабан уже не рад был, что доверился старику. Тот оказался слиш-

ком занудой и чересчур скептиком. — И что? Один единственный рисунок ничего не доказывает. Вы сами сказали — труп обглодан морскими чудовищами, долго пролежал в воде, побился о прибрежные камни. Не удивительно, что никто не может сказать ничего определенного.

— А стволы неизвестных деревьев? А листья, которые раньше никогда не встречались?

— Кто их видел? Ваш ученый собрат? Или одни лишь солмаонские рыбаки, люди невежественные, да к тому же вечно пьяные.

— Ладно, пусть так. Но у меня, — Иррабан кивнул на стол, — целая кипа подобных доказательств. Рисунки, рассказы очевидцев, причем записаны они, смею вас уверить, людьми честными и не склонными к подлогу. Некоторые подозрительные явления и случаи бесследного исчезновения судов, когда море так и не выбросило на берег ни единой доски или хотя бы обрывка паруса. Как это было, например, с имперским речным канониром «Отвага». Помните тот случай? Корабль сел на мель, повредил руль и оказался совершенно беспомощным: течением реки канонир стало сносить в море. Команда покинула «Отвагу» и вплавь добралась до берега. А когда к месту аварии прибыла гребная барка, чтобы взять поврежденное судно на буксир — его уже унесло в море. Больше «Отвагу» никто не видел. Не смогли найти даже пару щепок или обломок мачты, а ведь по приказу императора солдаты полоборота прочесывали берег в месте аварии. Мне кажется, канонир просто выбросило на скалы неведомой земли.

— А почему он не мог просто утонуть? Канонир — речное судно, оно вообще не приспособлено для плавания по морю. А уж тем более далеко от берега. Корабль, особенно неуправляемый, разобьет первой же волной.

— Яправлялся по хроникам в имперском свиткохранилище, кин Ахнаро. В то лето практически не было крупных штормов, а три дня после крушения «Отваги» вообще царил полный штиль.

Они проговорили весь вечер. Географ доказывал и объяснял, распорядитель Ложи, хоть и заинтересовался под ко-

иенц логическими построениями Иррабана, все же так и не поверил в его теорию:

— И это все, что у вас есть, высокоученый кин? Не густо. Одни только домыслы и предположения. Вряд ли Ложа заинтересуется вашей теорией.

— Но... вы хотя бы доложите обо мне? Я прошу Ложу об аудиенции.

— Я попробую, кин Иррабан. Ничего не обещаю, но попробую. Однако запомните: чтобы убедить в своей правоте отцов гильдий вам потребуются более веские доказательства. Мастера Ложи слишком занятые люди, чтобы слушать простой полет фантазии. Пусть и самого уважаемого географа в стране.

Иррабан ждал ответа из Ложи почти четыре оборота. В нетерпении выглядывал в окно — не едет ли гонец с приглашением на аудиенцию, дергался на каждый стук, а стоило отлучиться из дома хотя бы ненадолго, как его тут же начинали мучить видения: посланцы Высшего мастера прибыли за ним, не застали дома и вот-вот уедут. Географ со всех ног бросался домой, врывался в гостиную с криком: «я здесь!», но... Там было пусто. Летис, прислужник, лишь пожимал плечами:

— Никто не приходил, благородный кин.

Разочаровавшись в проекции кина Ахнаро, Иррабан послал краткое содержание своей теории в секретариат Ложи и своему бывшему учителю Агравенону, распорядителю имперской Академии.

К сожалению, о последствиях он не подумал.

После того, как тезисы прочли в императорском дворце, между солмаонским дипломатическим двором и Ложей немедленно развернулась тайная переписка. Часть сверхсекретных писем удалось скопировать шпионам Чжандоу. В Соцветии Юга их изучили с немалым интересом и разработали собственный план. По личному указанию императора он не должен был нуждаться ни в средствах, ни в людях.

Ничего этого Иррабан, конечно, не знал. Он просто ждал ответа.

И вот, в день, когда он уже почти перестал надеяться, случилось невероятное. Уже после заката, когда измученный бесполезным ожиданием Иррабан сел вечерять, у ворот послышалась какая-то невнятная возня.

«Может, заказчик? Какой-нибудь капитан, что, как обычно, пребывает не в ладах со временем. Корабль пришел в гавань три дня назад, уходит завтра, позарез нужна карта Сарголийского побережья. А почему не зашел вчера — не спрашивайте. Я вообще не помню, где были эти три дня».

Но проворный Летис уже успел слетать к воротам.

— Вам просили передать, благородный кин.

На стол перед Иррабаном лег свиток темного, самого дорого, пергамента, перевязанный витым шнуром с тремя серебристыми нитями — символическими тремя лианами. Узел скрепляла тяжелая деревянная бирка, благоухающая смолой. На ней — личная печать Высшего мастера.

Дрожащими руками ученый развернул пергамент:

«Высокоученому благородному Иррабану сыну Келлигана кин Лахья!

От лица Совета Ложи я, Высший мастер...»

Наконец-то!!

Во рту мгновенно пересохло, Иррабан схватил со стола бокал, сделал глоток, другой и только после этого смог дочитать письмо до конца.

Высший мастер даровал аудиенцию перед Советом Ложи. Причем не когда-нибудь, а завтра! Ему предписывалось быть дома и ждать посланника, который мог явиться в любой момент, чтобы препроводить высокоученого кина в Ложу.

Вот почему, когда среди ночи в дом постучали, он не удивился. Приказал узнать, кто там, отпереть дверь и попросить гостя подождать, пока хозяин приведет себя в порядок. Невежливо, конечно, но и заполночь являться в дом тоже, надо сказать, не очень-то в рамках! Нет, все понятно — срочное послание из Ложи, но неужели оно не могло подождать до утра? Никто же не назначает аудиенцию на пятой страже после захода!

Иррабан завернулся в домашнюю накидку, наскоро умылся холодной водой и сбежал вниз.

Даже испуганный вид прислужника его не насторожил.

— Вас срочно просят принять кин Кориал и кин Саргамо, — доложил он, старательно тараща глаза, как ночная птица рогонт.

Первое имя показалось знакомым. Географ напряг память: нет, не вспомнить. И не удивительно — вокруг Ложи кормится столько всякого народа, что всех не упомнишь. Может, встречались когда.

— Зови, — коротко приказал он и прошел в гостевую залу. Слава Небесному Диску, прислужник, обычно нерасторопный, уже успел разжечь светильники.

За спиной открылась дверь, и негромкий, но полный внутренней силы голос произнес:

— Доброй ночи, высокоученый кин. Простите, что побеспокоили вас в такой поздний час, но дело не терпит.

Иррабан повернулся, поклонился едва заметным кивком, как положено аристократу.

Темноволосый крепыш повторил его движение с изяществом настоящего солмаонского придворного. Жаль только, что простоватый капитанский костюм, совершенно не подходил к его манерам и исправке.

Географ успел мельком подумать, что перед ним скорее всего бывший командир боевой галеры. Вышел в отставку по ранению — вряд ли по возрасту, выглядел он почти ровесником самому Иррабану, — по протекции попал в Ложу. Спокойная служба, совсем не пыльная. Потому и жесткие перчатки носит: привык, на палубе без них никуда. А в городе — зачем они? Такие только для долгой верховой поездки надевают, а куда здесь ехать-то? В соседний квартал, через три улицы?

— Позвольте представиться, я кин Кориал. Это мой друг и соратник кин Саргамо.

Второй, высокий и широкоплечий, с копной светлых волос, выдающих в нем истинного северянина, поклонился чуть ниже, из чего географ заключил, что он не слишком родовит.

Нет, этих двоих он не знал.

— Да осенит вас теплом Небесный Диск! — приветствовал гостей Иррабан. Немного учтивости никогда не помешает. — Садитесь, располагайтесь. Хотите вина? Эй!

Ученый хлопнул в ладоши. Прислужник выскочил откуда-то из-за портьеры, словно только того и ждал.

— Принеси гостям вина.

— Спасибо, благородный кин, но времени — в обрез.

— Вы куда-то торопитесь?

— Нет, вы, кин Иррабан.

От волнения у него чуть не закружилась голова. Вот оно! То, чего он ждал последние три оборота, а если считать с самого начала — то целых семь. Высший мастер собрал Совет Ложи!

Кориал продолжал:

— Я объясню. Слушайте очень внимательно. Три дня назад специальный гонец доставил Высшему мастеру письмо от императора Гравандера II. В послании предписывалось оказать помощь посланнику, который должен прибыть в Морскую столицу со дня на день. Область интересов посланника расписана подробно. Взамен император обещал немалую награду, послабления в пошлинах и пограничных сборах.

— Замечательно. Но как это касается меня? Ложе нужна консультация по новым торговым маршрутам?

— Послание касается вас напрямую, кин Иррабан. В перечне интересов посланника вы стоите под номером один.

— Меня?! Почему??

— После того, как тезисы вашей теории прочитали в Академии, информация немедленно пошла в императорский дворец. Вопрос о землях на западе чрезвычайно интересует деятельного Гравандера.

Ученый с трудом скрывал радость. Все получилось даже лучше, чем он планировал. Не Высший мастер, а сам император Солмаона заинтересовался его проектом!

— И Ложа послала вас предупредить меня об этом? Спасибо, конечно, но, по-моему, время выбрано несколько неудачно. Вы не находите?

Гости переглянулись. Впервые за весь разговор подал голос кин Саргамо. Иррабан сразу же понял, что не ошибся — северянин. Иначе откуда этот незнакомый акцент?

— Мы не из Ложи, высокоучченый кин.

— А кто же вы?

— Слишком долго объяснять, да сейчас это и не важно, — снова взял слово Кориал. — Мы пришли, чтобы предупредить вас и, если получится, помочь спастись бегством.

— Бежать? От кого, ради Небесного Диска?

И тогда Кориал рассказал. Быстро, коротко, по-военному. Изложил суть, как гонец, принесший донесение с поля боя.

В первые мгновения Иррабан слушал его снисходительно, так же, как родители, бывает, внимают фантазиям ребенка. Ну а как еще прикажете реагировать на человека, что пришел к вам ночью, на пятой страже после заката, и с порога объявил: еще немного — и вас немедленно арестуют. Небесный Диск! Кто? И с чего бы вдруг?

Кориал заметил его скепсис и, неуловимо сменив тон на покровительственный, перешел к доказательствам:

— Вас не удивляет, благородный кин Иррабан, что завтрашняя аудиенция назначена так неожиданно? Сначала вы несколько оборотов ждете, обиваете пороги, даже приглашаете на обед распорядителя Ложи...

— Вы что, следили за мной? — воскликнул географ. От возмущения он даже забыл про свою обычную аристократическую сдержанность, и выглядел теперь, как простолюдин во время семейного скандала. Красный, всклокоченный и недовольный.

И испуганный.

— Следили. И вот теперь, благодаря нашей слежке, у вас есть шанс сохранить свободу. Высокоученого кина что-то не устраивает?

— Простите. Наверное, я еще не привык к тому, что моя скромная персона оказалась вдруг в центре столь пристального внимания.

Человек, назвавшийся Кориалом — теперь Иррабан понимал, что имя не настоящее, — кивнул:

— Ничего, я понимаю. Вернемся к сути. Даже после ходатайства распорядителя Ложа не заинтересовалась вашим проектом. И лежать бы ему в архиве, покрываясь пылью веков, как вдруг, сам мастер Высшего посвящения присыпает

вам письмо и «скромный географ» удостаивается аудиенции. Причем, прошу заметить, в обход многих и многих уважаемых людей, что ждут приема уже достаточно долго. Несколько удивительно, не так ли?

Иррабан пожал плечами.

— Не понимаю, что здесь удивительного? Ложу заинтересовали мои теории. Высший мастер — человек любознательный, захотел познакомиться со мной лично. Вряд ли здесь можно разглядеть скрытую интригу. Я не богат, в политику Ложи не вмешиваюсь...

— Простите меня, благородный кин, но политика — очень хитрая штука. Вы можете сколько угодно в нее не вмешиваться, но она, тем временем, сама грубо вмешивается в вашу жизнь.

— Вы говорите загадками.

— А между тем, все достаточно просто. Приказ о вашем аресте уже подписан, но еще не разослан капитанам Гвардии. Ложа уверена, что вы сами придетете в западню. Там вас без лишнего шума проводят к посланнику императора. Он уже здесь, в Морской столице. Но если вдруг вы не явитесь завтра на прием к Высшему мастеру...

— Откуда вы знаете?

— Из первых рук: Мой человек вчера ночью переписывал этот приказ. У меня есть копия. Вот, — он протянул оторопевшему Иррабану свиток пергамента. — Если хотите, можете ознакомиться.

Географ бегло просмотрел приказ, швырнулся на стол и выругался.

Сначала он не верил неожиданным гостям, но теперь заколебался. Слишком уж все выглядело правдоподобно. Непробиваемая броня сдержанности дала трещину, он развелся, опустился на стул, налил и залпом выпил бокал вина. Помотал головой, как будто хотел сбросить наваждение и проснуться.

— И что — меня сразу же закуют в кандалы и отправят на север?

— Зачем же сразу в кандалы? Вам предложат посетить Солмараван по приглашению, например, имперской Акаде-

мии — прочитать доклад о ваших теориях. А чтобы в пути с почетным гостем ничего не случилось, к вам приставят охрану, достаточно многочисленную, способную сыграть роль и эскорта, и конвоя одновременно. Думаю, в именном приказе командиру будет строго-настрого приписано доставить вас в столицу. Даже против вашего желания.

— И если я попытаюсь сбежать...

— Вряд ли у вас будет такая возможность. — Гость покачал головой. — И, кроме всего прочего, кин Иррабан, я не так уж уверен, что конвой повезет вас именно в Солмараван.

— Как?! Вы же сами только что сказали...

— Я сказал: «вам предложат посетить...» Цель поездки и конечный пункт маршрута не всегда совпадают, высокоучебный кин. Никто не может гарантировать, что, выехав в Солмараван, вы в итоге не приедете в Соцветие Юга. Ложа никогда не отличалась излишней щепетильностью. В Чжандоу пристально следят за активностью людей Гравандера, шпионы, несомненно, уже донесли, что некий географ представляет ценность для Земли Тысячи Побед. И почему именно. Вряд ли можно ожидать, что Соцветие откажется поучаствовать в аукционе за вашу умную голову и теснящиеся в ней теории. А посол гильдии в Солмараване сошлеется потом на засаду, разбойников, да на что угодно! И, несомненно, представит официальное письмо Высшего мастера императору со всеми необходимыми извинениями.

В дверь постучали. Иррабан вздрогнул.

— В чем дело? — Кориал выглянулся в коридор.

Ученый не видел говорившего, но хорошо слышал его голос — испуганный, захлебывающийся словами. С каким-то неуловимым акцентом, но, слава Небесному Диску, не солмаонским.

— Скорее, кин Кориал! Гвардейцы Ложи получили приказ! К следующей страже все ворота будут перекрыты!

— Вот как! — неприятные новости, как показалось Иррабану, странного гостя скорее удивили, чем обеспокоили. — Что-то быстро! — Он обернулся к хозяину дома: — Решайте, кин Иррабан! Вы с нами? Или подождете гвардейцев?

Географ вздрогнул и поежился — по спине пробежала холодная капля. Руки предательски дрожали. Глубоко внутри он стыдился своего страха, стыдился перед собой, перед Ко-риалом, но липкий, панический ужас нахлынул совершенно неожиданно, накрыл с головой. Он пересиливал все: и куль-тивируемое с детства умение скрывать эмоции, и даже голос разума.

— Я-я... — заикаясь, начал Иррабан, сбился, задрожал еще сильнее.

Язык отказывался повиноваться.

Впервые за многие годы он так испугался: в тихой, раз-меренной жизни, где самое необычное впечатление — поездка в Солмаон, а самая большая опасность — недостаток де-нег, происходило что-то страшное и необъяснимое.

Он беспомощно огляделся по сторонам. Потом предста-вил свой кабинет, знакомые до боли стены, большую зри-тельную трубу на самодельной треноге. На стенах — тща-тельно скопированные карты, заученные ёдва ли не наизусть, в углу громоздится рабочий стол, изученный на порядок подробнее любой карты, до самого мельчайшего чернильно-го пятна. Вот и дверь, ведущая на узкую лестницу. За ок-ном — палисадник, где так хорошо работается в теплые лет-ние вечера.

«И все, все это придется оставить, бросить... может быть навсегда. И ничего уже не изменишь, приказ подписан, моя судьба решена.

Зачем тогда всё? К чему жизнь, любимое дело, которо-му отдано столько сил, семья, если в любой момент далекий и недоступный мастер Ложи может разрушить все одним росчерком пера! Куда бежать, где искать защиты?! А если и удастся спастись, в другом месте найдется свой такой же. И не будет ни помощи, ни поддержки — кто рискнет укры-вать беглеца, за которым сильными мира сего объявлена охота?

Зачем все?! Кто мне ответит?! Ради Небесного тепла, кто?!»

Но гость не дал панике победить. Он крепко взял Ирра-бана за плечо, встряхнул, как стражник пьяного матроса.

— Вы с нами или нет?!! Ну??!

— Да! — выкрикнул географ тонким голосом, смущаясь и добавил почти спокойно. — Да, конечно. Что надо делать?

— Собирайте ваши записи! Все, какие есть. Одежда в дорогу, деньги, рекомендательные письма... В общем, все, что вы обычно берете, отправляясь в дальние поездки. И быстрее, кин! Быстрее, заклинаю вас светом Небесного Диска!

Иррабан в одно мгновение взбежал по всходу наверх, вытащил на середину кабинета дорожные сумы, с трудом соображая, что же все-таки следует взять с собой.

В первую очередь, конечно, документы, потом вот это... плащ... накидку...

Кориал стоял в дверях, нетерпеливо постукивая перчатками по руке.

— Отряд гвардейцев на соседней улице! — закричали снизу.

Новая волна страха накатила на Иррабана. Он едва не выронил собранные вещи. Кориал мельком глянул на него и скомандовал:

— Подоприте ворота!!!

— Можно... уйти через боковую дверь, — сказал Иррабан. — В палисаде. Я сам ее сделал, сразу, как купил этот дом. Не люблю выходить через улицу. Глазеют все, кому ни лень...

— Я знаю, кин, знаю. Через нее и уйдем. Торопитесь! Времени совсем нет!

Географ быстро раскидал снаряжение. Все записи и документы уже лежали на дне, надежно укрытые от сырости.

«Что осталось? Вроде бы все».

— Я готов!

— Прекрасно. Идемте!

Кориал повлек его вниз. На пороге гостиной жался испуганный прислужник. Он работал в доме уже лет пять, а то и шесть, Иррабану стало его жалко.

— Мы можем взять его с собой?

Гость обернулся:

— Слугу? Нет, вряд ли? Как его зовут?

— Летис.

Бедняга дрожал от страха, абсолютно не понимая, куда это вдруг засобирался его хозяин и что вообще происходит. Кориал легонько подтолкнул его к дверям:

— Летис, беги домой! Беги! И никому, слышишь, никому не рассказывай, что ты служил у кина Иррабана! Понял! Никому, если хочешь дожить до завтрашнего утра!!!

Во дворе царила суматоха. Люди Кориала — их оказалось около десятка — седлали скакунов, двое подпирали створки ворот скамейками из палисадника. Несколько человек у боковой двери деловито заряжали самострелы.

Увидев их, Иррабан почувствовал стыд. Совершенно незнакомые люди готовы рисковать жизнью ради его свободы. Неважно, кто они, откуда и что ими движет. Сейчас они собираются с оружием в руках прикрывать его побег. А он сам трусит, как... э-эх...

«Да, конечно, не всем рождаться воинами, кому-то надо быть пекарями, галантерейщиками, географами. Только солдатам незачем стыдится своего неумения печь или шить, а вот неумение воевать почему-то сразу воспринимается, как неумение быть мужчиной. Вот и думай, что важнее. Еще вчера я бы свысока поглядывал на этих людей, доведясь встретить их на улице. Кто я, мол, и кто они! Известный географ, выпускник имперской Академии и простая солдатня. А сегодня выходит, что в критической ситуации все мои знания ни на что не годятся и даже опасны, их же навыки — наоборот — помогают спастись».

— Садитесь, кин.

Мрачный круглолицый парень с перебитым носом уже держал под уздцы скакуна. Иррабан не очень любил ездить верхом даже во время путешествий, предпочитая повозки. Но, как и все аристократы, умел сносно держаться в седле. Скакун, тонконогий жеребец каталамской породы, выглядел смирным, рожки, как и положено, подпилены на палец от основания. Географ, перекинув через круп связанные по две сумы, забрался в седло.

Два человека с самострелами отворили боковую дверь и, пригнувшись, растворились в ночи. А с главной улицы уже слышался мерный печатный шаг гвардейского патруля.

Невысокий чжанец быстрым и изящным движением загасил факелы. Кориал что-то тихо скомандовал, и его люди отступили в глубь двора, держа ворота под прицелом самострелов.

Только сейчас Иррабан смог разглядеть своих спасителей. Компания оказалась довольно разношерстной — он заметил еще одного северянина, двух солмаонцев, даже вон желтолицый чжанец наличествует.

«Кто же они такие?»

Географ поиском глазами Кориала. Тот уже сидел в седле, отдавал последние приказания. Иррабан тронул пятками скакуна, подъехал ближе, даже рот открыл, собираясь задать вопрос.

С улицы донесся слаженный грохот окованных железом пик о мостовую — гвардейцы взяли «на караул». И почти сразу же загрохотала по створкам грубая рука в латной перчатке:

— Откройте во имя и по распоряжению Ложи!

Рот ученого захлопнулся сам по себе, едва не прищемив язык. Зубы застучали от страха. Желание бежать не разбирая дороги овладело им. Не важно куда — лишь бы бежать. Прочь отсюда! Иррабан судорожно ухватил поводья, понукая, пнул скакуна в бок. Жеребец дернулся, приготовился к прыжку, но в этот момент жесткая рука ухватила его за надзундное кольцо.

— Рано, кин. Подождите сигнала разведчиков. Иначе можно выскочить прямо в лапы гвардейцев!

Удары в ворота усилились. Тот же голос приказал:

— Откройте или мы войдем силой!!! Ну!!!

Терпение у командира патруля кончилось быстро — он не привык, чтобы ему не повиновались. Не прошло и нескольких мгновений, как он скомандовал:

— Ломай, ребята!!!

В ворота глухо бухнуло нечто тяжелое. Створки содрогнулись, но устояли.

— Еще раз!

Новый удар, потом еще, еще... Старые доски стонали, трещали, но пока держались.

Из-за спины, с загаженного проулка, куда выводила боковая дверь палисада, донесся приглушенный свист.

— Чисто! — облегченно сказал Кориал. — Уходим!!! Саргамо, Митраил — впереди! Остальным прикрывать отход!

Услышав голоса во дворе, гвардейцы налегли на ворота с удвоенной силой. Крякнул ворот самострела, чуть слышно прозвенела тетива, потом еще одна, и на плиты палисада со звоном рухнули два болта, пущенные навесом.

Иrrабан зачарованно посмотрел на них. Наверное, только теперь он до конца осознал всю реальность угрозы. Раньше все казалось каким-то наваждением, сном, где-то внутри билась спасительная мысль — а вдруг это ошибка, путаница? В конце концов, с ней обязательно разберутся, и все снова станет на свои места.

Кориал выругался и прокричал:

— Кин Иррабан!!! Уходим!!!

— Простите, я, наверное, кажусь вам последним труском, — очнувшись, пробормотал Иррабан. — Я и сам собой недоволен. Просто мне никогда раньше не приходилось убегать из собственного дома...

Он замолчал, услышав, как затрещали ворота, подались вперед под непрекращающимся градом ударов. Правая створка нелепо провисла, выворотив верхние петли. Снаружи подперли еще, и она, разломившись на части, рухнула на садовую дорожку. В проломе замелькали факелы, плащи и гамбизоны гвардейцев цвета запекшейся крови. Панцири с тремя лианами, начищенные до блеска, слепили глаза. Снова крякнули вороты самострелов.

— Ерунда, вы отлично держитесь! Но давайте отложим разговоры на потом, кин! — Кориал хлопнул по крупу своего скакуна. — Хей-я-а! Держитесь за мной! Вперед!

Жеребец вынес географа в узкую боковую калитку, едва не своротив стойку забора. На повороте Иррабан обернулся. Люди Кориала, прикрывая отход, били из самострелов прямо в ворота, заставив гвардейцев держаться снаружи. Убитых пока не было.

Он вздохнул: «Пока... Но надолго ли? Уже скоро кто-то может получить зазубренный кованый болт в живот или в

шею только потому, что Высшему мастеру пришлись по душе предложения императора.

Будь они прокляты, эти западные земли!»

Полночи бешеной скачки вымотали Иррабана. Когда Кориал свернул на окольчую дорогу, отъехал от большака на пару перестрелов и велел остановиться, он едва не рухнул на землю, хорошо его придержал тот самый круглоголовый парень с перебитым носом — Митраил.

— Спасибо, — пробормотал географ.

Он в изнеможении привалился к придорожному камню. От долгого напряжения ныли ноги, натертая непривычным седлом промежность пульсировала болью. Кориал подошел к нему:

— Как вы себя чувствуете, кин Иррабан?

— Спасибо, пока жив.

— Отдохните. До границы недалеко, а там мои люди вас спрячут.

— Какой границы? — географ встрепенулся. — Солмайонской?

— Да. Не волнуйтесь — там вы будете в безопасности. Небольшой сонный городок Ихтанамор, знаете такой?

— По карте, конечно, знаю, но бывать не доводилось. Он лежит в стороне от торговых путей и...

— Вот именно. Никому не придет в голову вас там ис-
кать. Да и чужаки в нем не редкость — окрестные селяне час-
то приходят на торг и на заработки. У одного из моих людей
есть дом в пригороде, в нем мы вас и укроем. Рынок — рядом,
да и запасы кое-какие есть. На первое время хватит. Отдохни-
те, придите в себя. Мы постараемся не мозолить вам глаза, но
будем всегда рядом. Если что — сразу придем на помощь.

Ученый приподнял голову:

— Если бы вы знали, кин Кориал, как я вам признателен!
Простите, что я сначала не поверил вам! Я подумал, что все
это какая-то ошибка или злая штука, что вы просто подкуп-
лены... Простите меня!

— Ничего страшного, высокоучченый кин. Главное, что
вы все-таки поверили нам. Как видите, все завершилось

удачно. Вы, наверное, не заметили, но отряд, который прикрывал наш побег, недавно нагнал нас. В Морской столице пока спокойно, погоню, если и организуют, то к утру, не раньше. А к тому времени мы будем уже далеко.

— Ваши люди там, во дворе... никто не пострадал?

Лицо Кориала омрачилось:

— Одного задело. Но не волнуйтесь — легко. До Солнцестояния заживет. Ладно, отдыхайте, кин. Скоро выезжать. Вас повезет кин Риндгайл, вон тот, пышноусый и разговорчивый. Большой ловкач по части перехода через границы.

«Контрабандист», — понял Иррабан.

— Делайте все, что он скажет, и я вам обещаю: к заходу вы уже будете на месте, целый и невредимый.

— Вас с нами не будет?

— Нет, кин. Мне надо вернуться в Морскую столицу.

Он коротко поклонился ученому и отошел к группе своих людей.

Если бы Иррабан мог слышать, о чем они говорили, он бы очень удивился. Впрочем, он бы просто ничего не понял. Несмотря на свои обширные познания, земные языки пока еще не входили в лексикон географа.

— ...и вот что еще, Жан-Поль. Неплохо бы организовать в доме пожар. Или сдать его имперцам, а потом, за минуту до ареста — вмешаться. Так, чтобы вытащить беднягу в последний момент, не дав ему спасти самое дорогое. В общем, крайне желательно разделить Иррабана с его багажом. Понятно?

— Нет проблем.

— Отлично. Ну, с Богом, Жан-Поль! Помни, если ничего не случится — доклад два раза в сутки, расписание связи знаешь. При форс-мажоре — в любое время.

— Понял.

— Миро и Свена я забираю. С тобой останутся только Рихтер и Энтони.

— Почему, командир??!

Мирослав Кошлица, бывший сербский полицейский считался на Надежде старожилом. Он прибыл самым первым рейсом, еще на «Возничем». Сначала пристроился в проходчики, потом решил вспомнить земную профессию и подался

в «Си-пи». Но не прижился среди чернокожей братии. Как сказал однажды сержант Омемба: «Образованный слишком и влезает не по делу с расспросами, приказ есть — выполняй, а не приставай к начальству, как да почему». В Службу серба пригласил Игорь, рассудив, что даже полицейская подготовка не помешает на случай, если доведется проводить силовые акции. Теперь их было двое в ТС — Мирослав и бывший старпом тайского катера береговой охраны Ю Фат. Двое среди аналитиков, социологов и спортсменов.

Соскучившийся по настоящему делу, Кошица рвался в бой. Сделав вид, что уступил напору Мирослава, Квашнин взял его на операцию. Конечно, это было не так. Службе как обычно не хватало людей, каждый человек — неизмеримая ценность. Но оставлять его рядом с Иррабаном нельзя, как бы он не настаивал.

— Акцент, Миро. У вас со Свеном все еще есть небольшой акцент. Не забудь: в этом мире географ — не только спец по картам. Он к тому же многое знает о странах, рельфе, животных, племенах и народах, что населяют известный мир. То есть он и биолог, и геолог, и этнограф. Как здесь говорят — натуровед. И языками он владеет прекрасно, знает оттенки, диалекты, говор. Сейчас Иррабан напуган, ему не до наблюдений. Но как только он придет в себя, тренированное ухо тут же приметит непривычное произношение. Конечно, голову ему поломать придется, и я не знаю, какое он, в конце концов, найдет объяснение. Да и не хочу знать, честно говоря. Рисковать тоже не хочу.

— Но, Игорь!.. Я... я буду молчать и он...

— Не спорь, Миро. Я мог бы тебе приказать, но знаю, что ты не любишь приказы. Поэтому объясню: ты можешь подставить ребят. Не по своей вине — но можешь. Прости, я не могу тебя оставить.

Географ остался на попечении Дювала, а группа Квашнина, пройдя малодоступными горными перевалами, путала следы, уводя погоню за собой. На третий сутки преследователи окончательно отстали, потеряв беглецов в нагромождении

нии горных отрогов и ущелий. Спутник деловито просканировал местность и ушел за горизонт, оставив темнеющее небо звездам и неугомонной Бете.

— Привал! — скомандовал Игорь. — Отдохнем чуток.

Уставшие тээсовцы не заставили себя долго упрашивать. Кто-то сразу же завернулся в комбинезон — высаться впрок, самые же стойкие — Мирослав и Чжао Ли — собрались вокруг командира.

Свен тоже хотел немного поспать, но приглушенный голос Квашнина явно объяснял что-то особенно интересное: китаец с сербом то хватались за голову, то валялись в траву с беззвучным хохотом.

Хеглунд подполз ближе.

— ...бог с вами, ребята! Конечно, никакие гвардейцы за ним не охотились! Что вы! Наоборот Высший мастер намеревался принять его со всеми почестями и передать приглашение в Солмаон, настоятельно порекомендовав согласиться. Настоятельно, но не настойчиво. А то вдруг еще передумает!

Чжао Ли переглянулся с Мирославом, Свен недоуменно захлопал глазами:

— А как же приказ?

— Какой приказ? А, капитанам гвардейцев! Вполне рутинный приказ начальнику караула: встретить гостя и проводить в Церемониальную залу для аудиенции. Максимально торжественно и аккуратно, чтобы у Иррабана и мысли не возникло, что кто-то пытается ограничить его свободу. Приказ отдал, конечно, не мастер Ложи, а всего лишь распорядитель, старый знакомец нашего умника кин Ахнаро — он таких по пять-шесть штук в день выписывает. Изнавар, переписчик, скопировал пергамент по нашей просьбе, а я потом внес кое-какие поправки. «Встретить» на «задержать», «торжественно» на «немедленно» и так далее. Ну, и подпись поменял. Я подумал, что автограф Высшего мастера скорее действует на географа, нежели писулька мелкого дворцового чиновника, к тому же недавнего сотрапезника.

Игорь подмигнул. Агенты молча смотрели на него с ошарашенным видом. Мирослав выругался, помотал головой.

— Так это была подделка!

— Ну почему же подделка? Приказ самый настоящий. Немного поправлен — да, не без этого. Но сам документ подлинный.

— Ловко, ты и нас всех провел. Не говоря уж о...

— Подожди, Миро, — сказал Чжао Ли, — а откуда же тогда взялись гвардейцы? Ну, те, что так настойчиво ломились в ворота. Я даже стрелял по ним, поверх голов, конечно, но стрелял. Два болта в заборе осталось.

— Какие гвардейцы, Ли! Ты их внимательно рассмотрел? Рост, вооружение?

— Нет, темно было. Палил, пока болты не кончились. Да и убегали мы в дикой спешке, не понаблюдаешь особо.

— И тебя не удивило, что они тупо лезли в парадный вход, не озабочившись перекрыть параллельные улицы?

Китаец хлопнул себя по лбу:

— Точно!

— То-то они мне показались малорослыми, — проворчал Хеглунд. — В гвардейцы таких не берут.

— Чжандоу, — уверенно сказал Ли. — Как я не догадался! Сам же...

Квашнин кивнул:

— Они. Переоделись, конечно, чтоб внимания не привлекать, но так, — он сделал неопределенный жест, — на скорую руку. Времени не было настоящий маскарад устраивать, да здоровенных лбов подбирать, похожих на гвардейцев. Оружие похватали, какое было, красных тряпок под панцирь напихали: издалека сойдет за парадную форму. Рядовой гражданин Морской столицы, завида их, предпочтет убраться подальше. Связываться с Гвардией Ложи себе дороже. — Он растер лодыжки, крякнул и поднялся. — Ладно, парни, подъем. Иррабан пока в безопасности, теперь пусть о нем Жан-Поль заботится. Дело нехитрое. А нам до берега еще два перехода.

Свен и Ли синхронно затянули походные мешки, накинули маскировочные капюшоны. Серб не шевелился, все еще о чем-то размышляя.

— Мирослав! Пора.

— Да-да, — он медленно встал, подхватил с земли свою ношу, застегнул комбинезон. — Игорь, последний вопрос можно?

— Валдай.

— Скажи, откуда они узнали об Иррабане?

Квашнин, в общем, понял, что он имеет в виду, но на всякий случай переспросил:

— Кто? Чжандоу?

— Да.

Чжао Ли подмигнул сербу.

— Так мы им сказали. Я сообщение по двум каналам переслал — для надежности, чтоб уж точно дошло. Не думал только, что они успеют так быстро отреагировать.

— Зачем?! — брови Мирослава поползли вверх.

— Как это зачем? — командир пожал плечами. — Ты думаешь Иррабан такой доверчивый простачок? Поверили бы нам из-за моего убедительного тона? Законопослушный аристократ со связями превратился бы в загнанную дичь из-за приказа об аресте? Да он сначала бы задействовал свои знакомства, перепробовал все ходы, вплоть до взяток и личного письма Высшему мастеру, и только потом, когда ничего не получилось, подумал бы о побеге. А тут — все, конечная фаза! Полный крах! Ворота трещат под крепкими плечами гвардейцев, и нет времени на размышления. В Последней Башне не помогут деньги, а в Солмаоне — гильдейские связи. И мысль у Иррабана была только одна: бежать, бежать, как можно дальше, спрятаться, пересидеть опасные времена и только потом что-то предпринимать.

— Но Чжандоу теперь его ищет!

— Его теперь все ищут, уж поверь мне. И чем больше желающих, тем больше шансов, что они помешают друг другу, а то и столкнутся лбами в какой-то момент. Что в любом случае нам на руку. Ладно, пошли!

Четверка, растянувшись цепочкой, быстрым шагом двинулась вверх по склону холма. Вместе с ней на горные склоны карабкался лес, темный и пустой, с мокрыми ветками, холодным туманным маревом у земли и запахом прелых листвьев. Идеальная маскировка — с трех шагов и не отличишь,

что это за неясная фигура с расплывчатыми контурами вдруг выросла перед тобой? Человек, густые заросли плетенки или нелепо торчащий обломок высохшего дерева...

Сигнал с корвета пришел, когда группа была километрах в трех от прибрежной полосы. Ночь уже отступала, золотистая кромка на востоке расширялась все быстрее. Скоро должна взойти Альфа.

Игорь переключил трансивер в режим постоянной подачи сигнала. На всякий случай. «Четверка» висит практически над головой, до ухода за горизонт ей часа четыре, не меньше, но лучше уж продублировать. Корвет ходит быстро, если чего случится с глейдером, корабль перехватит группу по пеленгу.

— Вперед, ребята, немного осталось. — Квашнин пропустил вперед всех троих, встал замыкающим. — Нас уже ждут.

Минут через двадцать размеренного походного шага Хеглунд, шедший третьим, немного притормозил, поджиная командира. Игорь вздохнул: «Опять двадцать пять! Все-то ему надо знать, все понять до конца. Мало того, он еще и Мирика своими настроениями заразил».

Солдату не обязательно вникать во все замыслы командования. Иногда даже противопоказано, иначе, узнав о том, что его соединению предстоит стоять насмерть, он может пасть духом, заразить паникерскими настроениями однополчан, а то и просто дезертировать. Но то солдат. А своих людей Игорь считал не просто подчиненными или даже соратниками. Он предпочитал командовать не винтиками, а друзьями. Которые, случись беда, прикроют спину в неравном бою, не бросят и не отступят, зная, что и ты, окажись они в тяжелом положении, сделаешь все, чтобы их спасти.

Но друзьям положено рассказывать всю правду, иначе ты не командуешь ими, а используешь. В лучших традициях старика Макиавелли.

Квашнин поравнялся со шведом. Несколько десятков метров они шли молча. Игорь берег дыхание, Хеглунд явно подбирал удобные слова. Наконец сказал:

— Почему бы нам просто не убрать Иррабана? Это разом решит все проблемы!

Игорь хмыкнул, посмотрел собеседнику прямо в глаза:

— «Убрать» — трусливый эвфемизм. Не стоит за ними прятаться. Говори прямо — убить.

— Хорошо, пусть будет убить, — согласно кивнул Свен.

— И кто этим займется? Я? Ты?

— А в чем проблема? Понятно, что взрывчатка отпадает. Да и вообще любая технологическая дребедень — чтобы не попала в руки местных и не навела их на далекоидущие выводы. Но стрелять-то можно издалека. Звука у гауссовки почти нет, пулью можно под самострельный болт сымитировать... да хотя бы и настоящий взять! Бац — и все. С хорошей оптикой и активной подсветкой — как нечего делать. Я дома на двух километрах выбивал восемь из десяти. У наших копов пушки, конечно, похуже, не штучные игрушки, штамповка, но, думаю, с тысячи восемьсот я не промахнусь.

Игорь помедлил с ответом.

«Как бы тебе подоступнее объяснить... Эх, Европа, где же ваша хваленая политкорректность? Увидел простое решение проблемы — убрать. Обрадовался. Мол, нажал на курок и все. Интересно, как бы ты взвился, если бы я это предложил?»

— Скажи, тебе приходилось стрелять в человека? Живого человека, а не в мишень и не в компьютерных ботов очередной виртуальной стрелялки.

Свен слегкотнул, помолчал несколько секунд, а когда ответил, его голос уже не был таки уверененным.

— Нет.

Трансивер негромко пискнул. Игорь на ходу прокрутил сообщение — корабль давал знать, что взял ровный пеленг и готов к приему группы. Крупноразмерных движущихся целей в радиусе тридцати километров не наблюдается. Добро пожаловать на борт.

«Крупноразмерных» — это около двух метров. Значит, любопытных глаз в округе нет. Как нет и случайных свидетелей. Да и откуда им тут взяться — берег пустынный, небитаемый, слишком уж часто налетают с моря разрушители.

тельные шквалы. Вот и сейчас — спутник предупреждает — собирается на западе один такой. Прогноз дает семь баллов: по земным меркам просто сильный ветер. Сокрушительный для местных судов, но корвету не опасен. Глайдеру может быть тяжко при таком волнении, но ничего, проскочим.

Квашнин повысил голос, уже не опасаясь выдать группу.

— Корвет ждет, ребята! Прибавим немного. Вокруг никого нет, так что можно не прятаться!

Люди выпрямились, прибавили шагу. Свен как будто успокоился. Тишину нарушало лишь тяжелое дыхание четырех человек.

И все же Игорь решил расставить все точки, до последней. Конечно, к концу пути есть все шансы сбить дыхалку, ну и хрен с ней. Немного осталось — можно и потерпеть. А то этот скандинавский гений еще что-нибудь столь же сногсшибательное выдумает. Пусть уж тогда и последствия себе четко представит. Во всех подробностях.

— Мне тоже еще ни разу не приходилось стрелять. И я не уверен, что смогу. То есть в ситуации, когда враг целится мне в голову или приставил к горлу нож, мне наверняка будет не до раздумий. И вполне может быть, что я справлюсь. Но вот так, холоднокровно, с двух километров, рассматривая в прицел висок или глаз... не знаю, хватит ли духу нажать на курок. Ты тоже не знаешь. Нет, не спорь! — заметив, что Свен не согласен и собирается возражать, отрезал Игорь. — Перед девчонками можешь сколько угодно хвастать своими стрелковыми успехами. А здесь... — он подержал паузу, — здесь у нас не игрушки. Неизвестно как ты себя поведешь, увидев разлетающуюся человеческую голову. Прямо перед собой, в перекрестье прицела, а значит — во всех подробностях. А особенно — когда поймешь, кто тому виной. Человек, только что ходил, весело смеялся, грустил, обдумывал важный проект или, может быть, прикидывал, как заглянуть под подол соседской дочки, а теперь вместо него на земле лежит, конвульсивно вздрагивая и подергивая ногами, странно укороченное туловище, залитое кровью.

Свен сглотнул еще раз. Игорю показалось, что парня сейчас вырвет. Похоже, несколько минут вынужденного молча-

ния изрядно подстегнули его фантазию. А тут еще и командир с излишне реалистичными подробностями. Бр-р-р!

— Вот-вот. Может быть, ты, как ни в чем не бывало, соберешь оружие и, соблюдая все меры предосторожности, скроешься с места убийства. Но вполне может случиться и так, что ты замрешь, парализованный жуткими результатами собственного поступка, заблоишь все окрестные кусты или, бросив все к чертовой матери, в ужасе помчишься прочь, не разбирая дороги. Боюсь, что в таком случае ты через пять минут попадешь в лапы гвардейцев Ложи, а еще через час — в застенки Последней Башни. А там, поверь мне, умеют развязывать языки. Нет, Свен, подставляться мы не имеем права.

Швед кивнул. Картина, нарисованная командиром все еще стояла у него перед глазами. И напрочь отказывалась вписываться в спокойный, давным-давно застоявшийся мирок добропорядочного, хотя и несколько непоседливого упсальского бюргера. Конечно, с тех пор, как Свен записался в переселенцы и поднялся на борт шаттла «Новой Геи» ему довелось увидеть много непривычного. А то и поучаствовать в этом. Он даже подрался пару раз в баре с израильскими колонистами, что взяли моду обидно дразниться каким-то «гитлерюгендом». Но и там все же обошлось без кровопролития. Не говоря уж о смертях иувечьях...

Конечно, на Надежде случилось уже несколько убийств, люди гибли в результате несчастных случаев. Но это же там, неизвестно где, по телевизору, далеко от тебя самого...

«Хорошо смотреть тревожные новости и кровавые боевики, представляя себя крутым парнем из спецотряда «Ай-Тим». Можно копировать фразы любимых супергероев, бравировать якобы близким знакомством с оружием и смертельной опасностью. «Представляете, вчера в дом соседа влезли грабители! Припугнули его, связали и вынесли все подчистую. Жаль, что они не ко мне попали. Пристрелил бы ублюдков!»

Ну а вдруг на самом деле придется? Разрядить смертоносную игрушку, что в ключья разносит мишени, в живое? Да еще вот так — убить абсолютно холоднокровно, находясь в

безопасности за несколько километров. Казнить. Без приговора и суда взять на себя право оборвать человеческую жизнь.

Да, конечно, этот гильдейский географ вроде бы не наш, не землянин, даже, наверное, не совсем человек... — Свен заметно смущился, помотал головой. — Боже мой, о чём я думаю! Какие-то расистские бредни, прямо. Только бы Игорь не догадался!»

Сделав вид, что полностью поглощен дорогой, Игорь украдкой наблюдал за ним. «Пусть помучается парень, пусть подумает». О самом важном Квашнин умолчал специально. К этому каждый новый агент ТС должен придти сам.

Тайная Служба гордится тем, что еще ни один человек не погиб от ее руки. Ни один! Будь он землянин или местный. Никаких различий, никаких граждан второго сорта. Местные — такие же люди, как и мы, и убивать их не дозволено никому. Иначе можно дойти черт знает до чего. До геноцида, например.

— Да и что нам даст смерть Иррабана? В Империях и раньше знали о землях Западного материка. Наш географ всего лишь объединил знания в систему и попытался разработать основы межконтинентальной навигации. До сих пор единственное, что удерживало местных от экспансии — это океан. Ведь переселение на новые земли совсем не обязательно происходит с ведома и одобрения центральной власти. Знаешь, в свое время у нас в Сибири появлялись целые поселения из крестьян, сбежавших на восток в поисках свободных земель. И ничто не могло их удержать — ни угрозы и казни, ни пограничная стража. То же самое могло быть и здесь. Опять же с запада доходили бы вести о развалинах древних городов, а значит — о возможных сокровищах, они как на веревке потянули бы на новый континент многие тысячи искателей приключений. Благо от них тут отбоя нет. Но между ними, — Игорь махнул рукой в сторону, — и нами лежит девять с половиной тысяч километров бурного и не-предсказуемого океана. В нем надо ориентироваться, знать рифы и глубины, течения и опасные места. Ложа в свое время предприняла несколько экспедиций вдоль побережья. С известной натяжкой их можно назвать гидрографическими.

Полученные данные до сих пор хранятся в тайне от имперских географов. Кое-какая информация есть у моряков и астрономов. Главное сейчас — не дать им суммировать свои сведения, не дать обменяться результатами наблюдений, портовыми архивами, в которых не только одни пьяные рассказы о морских чудовищах, кораблях-призраках и прочей ерунде. Внимательный и не ленивый читатель найдет в них достаточно сведений о течениях, рифах, неразведенных островах и в том числе, я тебя уверяю, о странных видениях и звуках на западе, о маслянистых разводах на поверхности воды, обрывках неизвестных материалов. Таким читателем мог стать Иррабан, благо у него есть имя, влияние, покровительственное внимание Ложи, а если бы мы не вмешались, то, возможно, и самого Гравандера. А император, кроме всего прочего — это еще и безграничный доступ в любые солмаонские архивы. Поэтому важно отвлечь Иррабана...

— То есть занять более насущной задачей. Например, спасением собственной жизни?

— Хотя бы и так! А заодно столкнуть между собой имперцев, пусть думают, что противная сторона мечтает заполучить их законную добычу. И не забудь: сейчас младший сын рода кин Лахья — единственный, кто всерьез занимается этой проблемой. Его выводы и данные несомненно уникальны, тщательно отобраны и проверены, что не делал никто и никогда раньше, мало того Иррабан хранит их, как зеницу ока, надеясь продать подороже. Копирует их сам, в мастерскую переписчиков не отдает и даже словом не упоминает в своей многочисленной переписке с коллегами.

— Ну и отлично!

— Кто ж спорит? А теперь представь — Иррабан погибает странной смертью. Коллеги, помощники, родственники в поисках наследства начинают копаться в его бумагах. Частично они будут распроданы малограмотными Лахья (а имперцы только того и ждут), частично — выкрадены. Что, естественно, нежелательно. Ну, а если будет доказано, что нашего географа убили, досмотр личных вещей самым тщательным образом проведут дознаватели Ложи, а то и специальный посланик Солмаонского Дома.

* * *

На третий день после возвращения Квашнин вызвал Хеглунда к себе:

— У меня тут кое-какие данные аналитиков. Неутешительные для тебя, Свен. Парни проанализировали твоё поведение во время акции... Гм... Плечо не болит?

— Да нет, ты же видел — костюм выдержал без проблем. Синяк появился — вот и все.

— Хорошо. То есть хорошо, что выдержал, а вообще — плохо, конечно. Знаешь, некоторые из нас все время твердят, что на старушке-Земле, мол, разведка и шпионаж достигли немыслимых высот. Аборигены против нас, что дети малые, потому как мы и сами ребята не промах, да еще и опираемся на многовековой опыт интриг и контринтриг. А кое-кто до сих пор верит в собственную неуязвимость, полагаясь на технологическое превосходство.

Свен потупился.

— Да-да, я про тебя. Про кого же еще? Именно тебе многие наши операции кажутся не более чем очередным разудом виртуальных приключений. Полезно для тела, безопасно и занимательно. Так?

— Э-э... ну, есть немного.

— Плохо. В подобном отношении скрывается зародыш будущих провалов. У нас практически нет профессионалов тайной войны. В аналитическом отделе сидят прекрасные эксперты, но они никогда раньше не занимались межцивилизационными противоречиями. Среди них есть спецы по средневековью, по ЗЕМНОМУ средневековью. Все девятнадцать операгентов, включая и тебя, и меня хорошо подготовлены физически, Ли, например, призер университетских легкоатлетических игр, а ты — чемпион Швеции по биатлону. Но никто и никогда не работал в разведке. Мы все дилетанты, наскоро выученные по учебниками и пособиям. А наше техническое превосходство, к сожалению, не опирается на мощную технологическую базу. Несомненно, каждый из нас сильнее отдельно взятого солмаонца или жителя Чжандоу, лучше подготовлен и экипирован. Но против целого государ-

ства, города и даже просто большого отряда мы не потянем... Ясно? Подумай об этом. Если это не прекратится, я буду вынужден вычеркнуть тебя из списков оперсостава.

Швед почесал в затылке.

— Хорошо, командир, как скажешь... Но... раз уж я здесь, можно вопрос не в тему?

— Давай-давай. Слушаю.

— Скажи, Игорь, вот ты пугал этого Иррабана, географа. Наговорил ему таких ужасов в ночь перед побегом — не удивительно, что он так быстро согласился поехать с нами. Был бы я на его месте, еще быстрее бы рванул.

Зная, что Хеглунд прежде обдумает любой вопрос обстоятельно, со всех сторон, и вряд ли начнет подобный разговор просто так, из праздного интереса, Квашнин поинтересовался:

— В чем дело, Свен? Что-то не так?

— Ты тогда долго стращал его арестом. Мол, стоит ему явиться в Ложу, как его тут же повяжут и передадут солмаонскому посланнику. А потом вскользь добавил, что конвой не обязательно доставит его в Солмараван, а вполне может увезти его совсем в другую сторону, купившись на чжандоуское золото.

— Да, такой вариант не исключен. Или ты не согласен?

— Понимаешь, мне кажется, ты сделал ошибку, сказав ему об этом. Мы предложили свою помощь, увели его у Ложи практически из-под носа. На чьей же мы стороне, если не хотим, чтобы Иррабан достался ни тем, ни другим? А вдруг он заметит неувязки в твоем рассказе — и что мы ему скажем тогда? Что пришли из Мгоа-Мабоа, где отсутствует и флот, и морская торговля, и море вообще? Или из отдаленных горских княжеств?

Игорь с интересом посмотрел на шведа, одобрительно хохотнул:

— Сам догадался? Молодец, Свен, растешь!

Тот немного помялся, но ответил честно:

— Да мы тут немного поболтали с Ли, Мириком и Ю Фатом...

— Так это Ли заметил? Я давно говорил, что его пора в аналитики переводить.

— Он сказал, что это, конечно, не ошибка. Командир, мол, все просчитывает, привык.

— Ну, еще бы! На командира как-никак работает целый отдел! — Квашнин подтянул коммуникатор, набрал код и вызвал китайца: — Ли? Не занят? Зайди, пожалуйста, на минутку, ты мне нужен.

Вызов застал социолога в рекреационной зоне: он проводил ежедневную тренировку тайцзицюань — приучил себя еще с университетских времен. Судя по голосу и форме приглашения, ничего срочного не случилось, Чжао Ли спокойно довел комплекс до конца и только потом отправился в «мэрию», отдельно стоящий квартал административных зданий.

Когда он вошел, Квашнин что-то увлеченно рассказывал Свену Хеглунду, который сидел на неудобном пластиковом стульчике с несколько ошеломленным видом. Увидев китайца, он попытался знаками привлечь его внимание, но неудачно — подняв бровь, командир оглянулся раньше.

— А, Ли! Заходи, садись. Тебе тоже интересно будет послушать. Тем более что ты вроде как автор высказанной Свеном идеи, — он кивнул в сторону Хеглунда, затем продолжил: — ...все правильно, я действительно подбросил кину Иррабану этот маленький ребус. В тот момент он не мог нормально соображать, все его мысли занимала надвигающаяся угроза потерять свободу. Но как только высокоучченый беглец доберется, причем не без нашей помощи, — здесь Игорь едва заметно усмехнулся, — до безопасного места, он обязательно задумается над моими словами. В первую очередь над тем, кто мы такие и почему помогаем? В чем наша выгода? Здесь никто ничего не делает просто так, а уж в Трех Лианах — и подавно. Все продается и покупается, даже такие, казалось бы, невещественные понятия, как честность, долг, верность.

— Помощь в том числе, — вполголоса заметил Ли.

— Точно! И ты, Свен, верно сказал: Кин Иррабан очень заинтересуется, от чьего же имени мы спасаем его драгоценную персону, если не хотим, чтобы его передали ни в Солмапаван, ни в Советие Юга? Он лапеко не лупак и в конце

концов придет к тому самому выводу, на который я и хотел его натолкнуть.

Свен выпрямился.

— Я долго ломал голову, командир, но так и не смог ничего придумать. Я знаю, ты любишь, чтобы мы сами щелкали заморочки аналитического отдела...

— Но сейчас не получилось? — спросил Игорь. — Так? А у тебя, Ли, есть версия?

— Догадки есть, — ответил китаец. — Но высказывать поостерегусь, потому как полноценной версией их не назовешь.

Квашнин хлопнул ладонью по столу.

— Хорошо, обойдемся на этот раз без викторины «угадай первым». Хотя я вами разочарован, идея-то лежит на поверхности. Скажи, Свен, для чего нам нужен Иррабан?

— Э-э... Я читал твой доклад. Ну, и в прошлый раз, во время операции с переписчиком ты все подробно объяснил — империи вознамерились плыть на запад, мы должны им помешать. Подчистить архивы, препятствовать по мере сил строительству флота, тормозить поиски хороших навигаторов и географов. Иррабан как раз из таких. По крайней мере, я так понимаю.

— Гм... внешне верно. Только ты совсем не смотришь в перспективу. А ты что думаешь, Ли?

— Викторина все-таки будет? — усмехнулся китаец. — Я согласен со Свеном. Кроме того, как мне кажется, бесконечно прятать географа мы не сможем, значит, его таки придется отдать одной из сторон. Потому ты и просил устроить пожар — чтобы пропали все записи Иррабана, все доказательства. С одной стороны он резко теряет свою ценность, с другой — ему понадобится немало времени, чтобы восстановить утраченное.

— Вот это уже ближе к истине. Ты прав, нам ПРИДЕТСЯ, — с нажимом сказал Игорь, — отдать его. Но только, когда мы будем к этому готовы и на наших условиях. Поймите, коллеги, кин Иррабан — наш козырь, джокер в рукаве, которого мы выбросим в игру, когда ситуация начнет склоняться в ту или иную сторону. Скажем, мы узнаем, что Солмаон лидирует в постройке морского флота. Плохо, но не смертельно —

в тот же час Чжандоу получит сведения, где можно найти беглого географа. Который, прошу заметить, уже сейчас готов прочертить маршрут к западным землям. Император Гравандер вряд ли обрадуется, узнав о том, что Соцветие получило таинственно исчезнувшую несколько оборотов назад его законную добычу. Вполне вероятно, что передача Иррабана, совершенная в нужный момент, поколеблет и без того напряженные отношения двух империй. До открытого противостояния дело, конечно, не дойдет — сил у них сейчас не хватит, но если они и вправду задумываются о проекте совместной экспедиции, на нем можно ставить крест вот такой величины, — он широко развел руки в стороны. — Мы просчитали эту игру на много ходов вперед. Потому я и проговорился — в кавычках — Иррабану. Чтобы он понял, кто мы такие, и что наш альтруизм основывается на вполне здравом расчете.

— То есть мы...

— ...окажемся в его глазах такими же беспринципными торговцами, как и мастера Ложи, готовыми продать товар тому, кто больше заплатит. Но — в отличие от них — мы в состоянии гарантировать безопасность. Ему даже не придется заставлять себя поверить нам, ведь Ложа повелела арестовать его, а мы подарили свободу. И не собираемся на нее покушаться.

— Но его так запугали! — заметил Ли. — Согласится ли он ехать, скажем, в Солмаон? Или — если уж на то пошло — во враждебную Чжандоу. Не испугается?

— Придется. Скоро ему надоест прятаться. Да и не привык человек его положения ютиться по захолустным городкам, да сельским гостиницам. Не тот уровень. Если ему гарантируют свободу, надлежащий прием и хорошее вознаграждение — он согласится. Думаю, мы в состоянии это устроить. Ведь он пока наш самый выгодный товар.

— Как это? — неожиданно спросил Свен. В его голосе явственно слышалось недоумение. — Как человек может быть товаром? Что ты говоришь, командир??!

— Здесь все может быть. Как я уже говорил, продается все — и честность, и верность, и долг. Все. Люди — тоже товар. Нам остается этим воспользоваться.

— Но чем же мы тогда лучше местных??!

— Разница есть, Свен. Мы не продаем своих.

Швед медленно поднялся, посмотрел командиру в глаза и вышел из кабинета. Последние слова Игоря нагнали его уже в коридоре:

— Кроме того, разница в целях. Все, что мы делаем, — ради блага людей, ради спокойствия колонии. Мне тоже нелегко, но для того, чтобы земляне и дальше жили на Надежде, нам придется забыть про щепетильность и высокие идеалы.

«А совсем недавно именно ты, Свен, предлагал мне пристрелить Иррабана. Ты и никто другой. Уже забыл? Нет? Выходит, всадить человеку в висок арбалетный болт лучше, чем торговать им. Причем даже не его свободой, а всего лишь его доверием. Да уж. ТЕБЕ так показалось проще, ты и ляпнул, не задумываясь. Скажи я о чем-то подобном, ты бы вот также обдал меня презрением и гордо удалился. Бедная Европа, вы все время наступаете на одни и те же грабли. Интересно, как звали того парня, что метко обозвал их двойными стандартами?»

Архивные документы.

«Космические исследования. Проект методического пособия для высших учебных заведений».

Планета Надежда. Открытие, исследование и начальный этап колонизации.

Двадцать девять лет назад планету открыла и обследовала Первая межзвездная экспедиция Объединенных Наций на кораблях «Надежда» (в честь его и назвали планету) и «Искатель». Альфа Центавра A IV была полностью изучена экипажем «Надежды» («Искателю» достались третья и пятая планеты системы), насколько это вообще возможно в условиях серьезного цейтнота и нехватки специалистов. Экспедиция успешно вернулась на Землю, результаты исследований долго обсуждались в Совете ООН по демографии и миграции населения, но в итоге решение о колонизации, ак-

тивно лоббируемое китайцами, индийцами, частью Евросоюза и Конгломератом полинезийских государств, было принято. Соображение того плана, что Надежда является обитаемой, никого не остановило — местная цивилизация заселяла лишь Восточный материк, Западный же оставался необитаемым уже несколько тысяч лет (исследования экипажа «Надежды» позволили утверждать, что некогда существовавшая на Западе античная культура — местная Атлантида — была почти полностью разрушена во время одного из сейсмических периодов, остатки западной цивилизации впали в допервобытное состояние). Восточный материк густо населен, цивилизация находится на уровне позднефеодального средневековья. Дальнейший прогресс тормозится непрерывными войнами и свирепым к еретикам и отступникам религиозным Солнечным культом, чья сила держится на простых астрологических исследованиях и тайных таблицах предсказания землетрясений.

В рекордные сроки, за семь лет был построен гигантский корабль-баржа «Возничий», способный за один рейс доставить на «Надежду» более ста тысяч колонистов. Через два года и пять лет от начала строительства на космических верфях заложили еще два систершипа — «Новая Гея» и «Поднебесный» (дань немалым китайским вложениям). По проекту «Возничий» должен курсировать по маршруту Земля-Надежда с циклической периодичностью в 15 лет (6,5 лет — время в пути к Альфе Центавра A с ускорением 1 g при крейсерской скорости $0,72$ световой, четыре месяца на выгрузку, 6,5 лет обратно и около полутора лет на дооснащение и ремонт на земных космических верфях).

Первым рейсом «Возничий» благополучно доставил на Надежду отборный экипаж квартирьеров, немедленно приступивших к геологическим изысканиям, изучению местной микрофлоры и макрофауны и закладке первых городов будущей земной колонии. На гигантском плато, относительно безопасном сейсмически, был заложен космодром, около него возводился торговый и административный центр колонии, у разведанных в горах богатых месторождений урановых и полиметаллических руд строился укрепленный гор-

няцкий поселок, через девственные леса пролегли железно-дорожные ветки.

«Возничий» ушел к Земле, но через восемь лет прибыла «Новая Гея» со следующей группой переселенцев (в основном — шахтеров, металлургов и поддавшихся на рекламные обещания «новых земель» разорившихся фермеров). Еще через три года «Поднебесный» привез китайских колонистов.

КУЗНЕЦ

— Вам помочь, щедрый господин? Вот фрукты, свежие и засахаренные, печеные тыквы, сладости, просовый настой...

«Ну, конечно, — Косталан поморщился. По налобной повязке кузнечного цеха и черным от въевшейся шлаковой пыли рукам с десяти шагов видно, какой я «господин». Но ведь торговка и последнего бояка назовет богачом, лишь бы прикупил чего-нибудь на пару медяков».

— Шедрый господин сегодня не при деньгах, — сказал он. — Так что придется твоим сладостям ждать другого покупателя.

Он придирчиво покопался в груде печеных тыкв, отложил в сторону несколько вчерашних, заветренных, наскоро прогретых на пару, чтобы казались свежими. Наконец отобрал две самые сочные и вкусные на вид.

— Сколько?

— Шесть! — сказала торговка и хитро глянула на Косталана.

Она была явно новенькая в их квартале — муж или зять привез вместе с целой повозкой фруктов и сладостей, посадил торговать. В припортовой деревеньке, откуда она родом, любой горожанин кажется состоятельным. Не грех и обжулить такого, назначив тройную цену против обычной. Небось, не обеднеет.

— Первый день сидишь? — спросил Косталан. — Ну, сиди, сиди. За шесть медяков я в следующем ряду полприлавка скуплю.

— Да у них старье и гниль одна! А у меня свежее все.

— Вот я и проверю. Если и вправду так, клянусь — буду впредь только у тебя покупать.

И он сделал движение, якобы собираясь уходить.

— Эй, постой! — переполошилась торговка. — Я ошиблась...

— Что случилось? Твои тыквы неожиданно подешевели?

— Пять. Согласен?

Косталан вздохнул.

— Объясняю... и только из уважения к твоим сединам, рейст-само...

Торговка насупилась. «Рейст-само» означало «бабушка».

— ...я хожу через этот рынок каждый день. И почти каждый день покупаю здесь еду для своей семьи. И еще ни разу печеные тыквы не стоили больше одного медяка. Понятно?

Он снял со связки две самые мелкие монеты, подбросил на ладони. Отполированные сотней рук медные кругляши задорно сверкнули в лучах заходящего солнца.

— Ладно, забирай, — проворчала торговка и, не удержавшись, ехидно добавила: — Внучек...

Посмеиваясь, кузнец пристроил под мышку еще теплые «солнечные шары», кинул на прилавок монеты и махнул старухе. Сделал шаг вперед, остановился и улыбнулся чему-то своему. Лицо его сразу разгладилось, подобрело и стало видно, что он, в сущности, очень молод — вряд ли видел больше двадцати пяти зим. Кузнец снял с нитки еще одну монету:

— Ладно, уговорила. Дай сахарных орехов на медяк. Только, — он подмигнул, — действительно на медяк, рейст-само. Ведь мы оба знаем, сколько это будет, правда?

Ругаясь и ворча себе под нос, торговка отсыпала в бамбуковый туесок горсть орехов.

— Мало!

Она добавила еще, потом, повинувшись голосу Косталана, еще немного.

— Вот и спасибо, — кузнец упрятал туесок за пазуху. — Хорошо поторговать, рейст-само.

Старуха проворчала:

— Да уж, с вами, скупердяями, наторгуешь. Разоришься скорее, да по миру пойдешь.

Но Косталан уже свернулся за рыночную ограду и не слышал ее причитаний. А и слышал бы — не обернулся. Сама виновата: не тот квартал выбрала, чтобы на прибыльную торговлю надеяться. Надо было в Ясеневом, Ореховом, Самшитовом устраиваться или, если уж на то пошло, двигать

пряником в Мраморный город. Правда, там и место на рынке стоит совсем другие деньги, да и кварталы легионеров неподалеку. А Ресницы Всевидящего Ока любят по пьяни устраивать самочинные обыски мастеровых домов и рынков. Да так, что половины товара потом не досчитаешься: что с собой не заберут, разобьют или перетопчут. А что им — все равно оправдаются. Скажут, крамолу искали, оружие, припрятанное для лихих людей, или секретные письма. Блюдем, мол, чистоту Соцветия во славу императора!

Вот и думай, деревенский торговец, куда лучше податься — в Мраморный город, где рыночную пошлину и за три дня не окупить, или в Глиняный да Бамбуковый кварталы, в коих даже у всех жителей вместе взятых не наберется денег на твой товар.

Запахло гниющей тиной и нечистотами — отводной канал рядом. Обычно Косталан избегал ходить этой дорогой, пусть она и короче, но сегодня он хотел попасть домой по раньше. Кузнец пристроил тыквы поудобнее, задержал дыхание и перепрыгнул узкий каменный желоб с мутной, зеленоватой водой.

Жаль, «рейст-само» не видит этой красоты. Иначе сразу перестала бы причитать и торговаться с покупателем скрягой. Живо бы сообразила, сколько здесь, в Глиняном квартале, таких, как он. Раз-два — и обчелся. Несколько младших подмастерьев с завода огненной смеси, портовые рабочие, помощники мелких чиновников — переписчики, курьеры, носильщики. В общем, все те, кому повезло работать на императора, да продлится вечно его правление!

Как и сам Косталан. Благодаря способностям к кузничному делу, ему удалось подняться над обычным уровнем Глиняного квартала. Тяжелая, изматывающая, но все-таки интересная работа в императорских кузнях приносила ему треть серебряного чига, а то и больше! Хватало и на себя, и переправить десяток медяков родне с надежным человеком, и — с недавних пор — на Юнари.

Подумав о ней, Косталан улыбнулся. Разве можно сетовать на мир, горевать и причитать, когда она с ним? С ее появлением дом, выкупленный десяток оборотов назад у вдовы

Набарги, как будто осветился изнутри, став нарядным и по-настоящему родным. Теперь кузнец торопился уйти с работы пораньше, зная, что дома его ждут, что Юнари считает мгновения до его прихода, волнуется, если он вдруг задерживается.

Но по дороге он видел непосильный труд соседей и друзей на заливных злаковых полях, что великанскими ступенями карабкаются на склоны холмов. И куда приходится доставлять на своем горбу каждую каплю воды. Видел, как измученные и усталые они сидят по вечерам перед своими домами, не в силах даже разговаривать. Кивок, вялое движение натруженного плеча вместо приветствия — вот и все общение.

Косталан очень хотел помочь им. Разве не его прозвали Хитроумным, после того, как он изобрел двойной сток для расплавленного металла? Разве не он вместе с мастером Хинновари нарисовали палитру каления железа? И не он ли, Косталан Манар-Гири, придумал охлаждать жерло бомбард раньше всего корпуса? Внешние слои бронзы остывали позднее, сжимая внутренние, словно в тисках, отчего орудие становилось устойчивее к разрыву. Правда, не все заготовки выдерживали неравномерное охлаждение, иногда ствол бомбарды трескался, разваливался на куски, и все приходилось начинать съзнова. Зато готовые орудия, скрепленные вдобавок коваными железными полосами, могли делать по сто, а то и по сто пятьдесят выстрелов, почти как лучшие солмаонские образцы. Из императорской канцелярии Косталану тогда прислали костяную пластинку с благодарностью и целый серебряный чиг премии!

Кое-какие задумки были; иногда, по вечерам, он даже чертил схемы огромных подъемных машин, способных доставлять воду на немалую высоту. Только движущей силой в них оставались все те же люди. В крайнем случае, верховые животные, которых — и Косталан прекрасно понимал это — имперские чиновники ни за что не отдадут для облегчения труда земледельцев. Плюнут, выругают, да и пошлют по дальше, процедив сквозь зубы, что новых людышек для компании в грязи женщины еще нарожают, вон с какой скоростью плодятся, куда их еще-то девать?

Пошлют и хорошо если не прикажут вразумить странного изобретателя парой дюжин плетей. Ведь почти всех скакунов забирала армия, не зря кавалерия считалась в Соцветии основной ударной силой. Так что о четырехногих движителях можно смело забыть. Надо искать что-то еще.

Увидев знакомый поворот, Косталан приободрился: еще совсем немного и покажется знакомая желтоватая стена из речного песчаника. Сегодня он пришел рано, никого из соседей еще не вернулся с полей.

Мелькнула шальная мысль — подобраться к дому незаметно, тихо открыть дверь и, схватив Юнари в объятия, закружить по дому. Мелькнула... и ушла. Это для него все выглядит добродушной шуткой, а девушка может испугаться. Долго ей еще придется приывать к нормальной жизни. И не скоро еще Косталан, просыпаясь по ночам, перестанет обнаруживать рядом с собой пустую циновку, а саму Юнари — сжавшуюся в комочек на полу в купальной комнате. С мокрой половой тряпкой в руках.

Во сне Юнари возвращалась в свой старый мир, ей казалось, что пол не вымыт, ванны не отдраены, и что скоро придет распорядитель Коцеру, накричит на нее, избьет бамбуковой тростью и снова прикажет не кормить нерадивую до завтрашнего утра. Она в ужасе просыпалась, бежала в купальню с первой попавшейся под руку тряпкой и наводила порядок до сверкающей чистоты. Усталость подкашивала ее сразу по окончании работы, и она засыпала, свернувшись по-кошачьи, прямо на свежевымытом полу.

В первый раз Косталан, не думая ни о чем плохом, подхватил девушку на руки, собираясь отнести ее на кровать. Юнари испуганно дернулась, очнулась и, не соображая, что происходит, закричала... ее потом пришло долго успокаивать. Постепенно кузнец научился будить девушку осторожно, просыпаясь, она все понимала сразу, смущенно и доверчиво улыбаясь Косталану. Но на следующую ночь все равно бежала в купальню с тряпкой. Как заводная механическая кукла, что по слухам живет во дворце императора, да продолжится вечно его правление!

Не успел кузнец подойти к дому и на две дюжины шагов, как дверь распахнулась и навстречу выбежала Юнари. Потупилась, на мгновение замерла, но потом все же кинулась на шею:

— Коста!

Девушка выдумала это ласковое прозвище в первый же день, когда он привел ее в дом. «Коста» на полузыбком говоре предков означало «лучший». Поначалу Косталан стеснялся, бормотал, что если уж он лучший, то кто тогда сама Юнари? Но вот привык же. И теперь бывало наоборот: прия поутру в кузню, он не сразу понимал обращенное к нему «Косталан-са», с трудом возвращаясь из сладкого тумана воспоминаний и родного «Коста, милый».

Кузнец обнял девушку, провел рукой по тугим косам, заплетенным по нынешней моде: три в одну. Отстранил, посмотрел с высоты своего роста — Юнари зарделась и снова прижалась к нему, спрятав лицо в складках пропахшего металлом кожаного передника. Больше всего она походила на дикого котенка, маленьского, испуганного, забитого, которого, наконец, взяли в хороший дом и добрые руки. Он, бедняга, прячется под кровать, боязливо выглядывает наружу, готовый в любой момент забиться в самый дальний угол. Хочется играть, бегать, скакать... хочется, но боязно.

— Заждалась? — спросил Косталан.

Юнари что-то ответила, но голос ее прозвучал приглушенno, и кузнец ничего не понял.

— Смотри, что я принес. Сумеешь приготовить много вкусного из этих маленьких желтых комочек?

Ему очень нравилась наблюдать, как в Юнари просыпается хозяйка. Маленькая, пока еще не слишком умелая, но хозяйка. Вот и сейчас девушка смотрела на тыквы, что-то прикидывая в уме. Наверное, в воображении уже подвешивала котелок над очагом, размышая: сварить ли просяную похлебку с тыквой или разбавить кашу печеными кусками.

«Ничего, — подумал Косталан, — сейчас серьезная хозяйка снова превратиться в маленькую девчонку, что не отвыкла еще радоваться простым знакам внимания: подаркам, сюрпризам, сладостям».

— А это кое-кому в награду! — провозгласил он, доставая берестяной туесок. — Купил вот по случаю, а кому подарить — не знаю. Может, подскажешь?

Конечно, тут же начались визги, «ой, это мне?», поцелуи. Юнари сунула за щеку сразу несколько орехов и закружила вокруг него.

— Спасибо, Коста, милый...

— Пойдем, — он увлек ее в дом, — пока ты готовить будешь, я помоюсь.

«Весь день рядом с печью, пропах, небось, потом и раскаленным металлом».

Однажды Косталан сказал об этом Юнари. Она, как обычно, сначала смущалась, покраснела, но потом честно сказала:

— Мне нравится этот запах. Он твой, Коста. Такой же большой и мужественный.

Он тогда рассмеялся, чмокнул девушку в щеку. Она топнула ножкой:

— Не веришь?! Ну и ладно, — и даже немного обиделась.

Но купальню — большой, позеденевший от времени медный чан, доставшийся Косталану от старой хозяйки — готовила по всем правилам. Сама наполняла водой, грела, да подкладывала щипцами раскаленные в очаге камни, чтоб не остывло. Что-что, а это она умела.

Вот и сейчас от наполненной почти до краев купальни поднимался пар, пахло травами. Когда Юнари в первый раз сыпнула в воду какие-то сухие листочки, Косталан пробовал спорить. Однако девушка тут же бойко объяснила, что вот это — «ведьмин корень», помогает снять усталость, а это — «черный лист», лучше всего успокаивает натруженные до мозолей ладони. Темно-красный корешок оказался «ножкой танцовщицы», от которого почему-то красиво блестят волосы. И пошла, и пошла... Косталан только руками развел, пораженный столь глубокими познаниями.

Кузнец скинул одежду, потянулся, чувствуя, как уходит непомерная тяжесть с натруженных плеч, и с наслаждением погрузился в воду. Не слишком горячую, но и не прохлад-

ную — как раз такую он и любил. Он закрыл глаза и почти тут же ощутил, как на лоб легла прохладная ладошка.

— Устал?

— Немногом-мм...

Договорить до конца не удалось, потому что Юнари сунула ему в рот орешек. И захрустела сама, где-то совсем рядом. Не открывая глаз, Косталан поймал ее руку, погладил пальцы.

— Что подать доброму господину?

Да, сейчас это просто игра. Но всего лишь четыре оборота назад не только он слышал от нее эти слова.

Юнари рассказала, что ее семья разорилась во время последнего наводнения. Их надел располагался на самом удобном, нижнем уровне. Но «самый удобный» — не всегда самый защищенный. Разъяренная весенними дождями река заполонила долину, добралась до самого подножья холмов. Смыла перегородки между наделами и ушла, унося с собой и верхний, только что удобренный, слой земли, и высаженные зерна. Десятки семей разом оказались нищими. Император, да продлится вечно его правление, приказал наместнику провинции выделить в помощь пострадавшим новый надел и немного посевного зерна. К несчастью, желающих оказалось слишком много, и на каждую семью хватило лишь по двадцать алинов — то есть немногим более заплечного мешка.

Ходят слухи, что солмаонцы, которым тоже не всегда хватает запасов на долгую, студеную зиму, в таких случаях выносят на мороз «лишних» детей. Варвары — что с них взять? В Соцветии, хвала Небесному Диску, до чадоубийства не доходят даже самые отчаявшиеся. По укоренившемуся невесть с каких времен укладу крестьяне продают лишние рты в услужение — старших детей, чаще девочек, достаточно взрослых, чтобы работать, но не вошедших еще в пору замужества. И жива останется родная кровинка, и пригоршня медяков не покажется лишней обедневшей семье. Вот и пользуют караваны перекупщиков вслед за речным половодьем, переполненными возвращаясь в город.

На торгах крестьянских детей с охотой разбирают прачки, торговцы, владельцы постоянных дворов, портномое и трактиров. Потому что знают: стараясь у служить, девчонки будут работать изо всех сил, чтобы — не приведи Небесный Диск — не разгневать хозяйку, иначе снова выставят на торг. Неизвестно еще, куда попадешь, и не будет ли там во сто крат хуже! Особой платы прислужницам не положено: кормежка, одежда раз в три оборота и место, где спать. Дешево и выгодно.

Конечно, одинокие мужчины и хозяева Веселых домов прикупали бы девчонок с неменьшей охотой и за большие деньги, но это строго-настрого запрещал специальный эдикт императора, да продлится вечно его правление. В том же эдикте предписывалось через пять лет отпускать трудолюбивую «покупку» домой, снабдив десятью медяками на дорогу. Но чаще всего почему-то получалось так, что за время служения девчонки портили или ломали целый ворох дорогущих вещей и, отрабатывая стоимость, трудились отнюдь не по пять лет. Некоторые попадали в кабалу навсегда. Рассказывали, впрочем, что и сородичи Веселых домов все-таки получали свою долю молодых и неопытных тел, встречая повозки перекупщиков за стенами города, куда не достигает бдительный взор стражников и легионеров. Врали, наверное... кто же осмелится нарушать императорский приказ.

Юнари повезло, если, конечно, это можно так назвать. Перекупщик попался не вредный — кормил в дороге сносно и почти не обижал. Она благополучно добралась до города вместе со всем караваном, отстояла свое на торгах и попала в прислужницы к мастеру-распорядителю Коцеру, тощему старику с сухой пергаментной кожей, владельцу самых больших в городе общественных терм.

Там Косталан впервые ее и увидел. Увидел — и не смог отвести взгляда, хотя смотреть там было особо не на что. Самая обычная девчонка, мокрая и босоногая, с грязными, спутавшимися волосами. Руки в извечных цыпках, красные, неухоженные, с обкусанными ногтями. На лице — гарь и медные чешуйки сотен оттертых котлов, алые пятна от жары.

Но ведь было в ней что-то, совершенно необычное, сказочное, *нездешнее*.

Косталан до сих пор недоумевал: как же ему удалось все это разглядеть?

Он сидел на невысокой скамье, завернувшись в простыню, отдохнул от жара парной. Мимо порскнула девчонка-прислужница, и кузнец остановил ее. Хотел попросить ковшик холодной воды...

И пропал. Так и рассказывал эту историю друзьям: «Пропал, ребята, совсем пропал, сижу, молчу, рот в глупой ухмылке растянул, зубы скалю».

Да и девушка почему-то не слишком торопилась высовываться руку из его задубевших ладоней. Спокойно смотрела на него и также улыбалась.

За что и поплатилась.

Из-за двери послышались невнятные проклятия, потом она с треском распахнулась, и в комнате появился распорядитель Коцеру.

— Где эта тупая неумеха?! Юнари!!! Куда ты подевалась; глупое отродье!

Девушка ойкнула, не сообразив сразу, что лучше, наверное, было бы промолчать — подслеповатый старик мог ее просто не заметить.

Распорядитель обернулся на звук.

— А-а, вот ты где!!! Простите, любезный гость, — обратился он к Косталану, — глупая девчонка вам помешала? Ну, сейчас я ее проучу!!!

Коцеру вытащил из-за пояса бамбуковую трость. Юнари отскочила в угол, привычно прикрыла голову руками. Кузнец с ужасом понял: то, что произойдет сейчас, для нее не впервые. Старик бил ее раньше, не раз и не десять.

Наверное, ему очень нравилось ощущать над своей «попункой» абсолютную власть. Тот, кто сам привык прислуживать и угождать, всегда отыгрывается на подчиненных.

— Мало того, что ты до сих пор не отмыла котел внизу, так еще и к посетителям пристаешь!!! Тварь негодная!!!

«И этот старый пень осмеливается ее бить? Не только поносить последними словами, но и бить?»

Распорядитель взмахнул тростью, Юнари сильнее вжала голову в плечи и зажмурилась.

Сначала она услышала свист, но боли не было. Что-то треснуло, как бывает, если ломаешь об колено сухую ветку, потом захрипел человек. Голос показался девушки знакомым.

Она открыла глаза. Высокий кузнец держал в одной руке обломки трости, другой, ухватив за горло, прижал к стене распорядителя Коцера. Неожиданный спаситель стоял выпрямившись, широко расставив ноги, и от этого казался просто огромным. Сильным и справедливым, таким, как она часто себе представляла справедливого мстителя, отлеживаясь в портомойне после очередной порки. Юнари верила, что однажды придет человек, накажет мерзкого Коцера и заберет ее с собой.

Девушка и представить себе не могла, что мечты будут ся так скоро.

Кузнец улыбнулся ей и спросил:

— Пойдешь со мной?

Она бы и рада ответить, что да, конечно, хоть на край света, хоть в земли северных варваров, но от недавно пережитого испуга пересохло в горле. Юнари смогла лишь кивнуть.

— Хорошо, — кивнул он и отпустил распорядителя. Коцеру рухнул на каменный пол с громким «ух-хх». На мгновение девушке показалось, что старик мертв. Но нет — он шевельнулся, закашлялся, ухватился руками за горло и принялся его массировать.

— Х-ххх... Ты чуть не задушил меня, обезьянье отродье!!!

— Вот как! А куда девался «любезный гость»? Думай, что говоришь, старик!

— Ты... х-хх... ты смеешься надо мной! Да я сейчас кликну охрану и...

— Зови, — кузнец резко сжал ладонь, и обломки трости, жалобно крякнув, треснули и рассыпались на полосы. — Посмотрим, кто кого. Вряд ли твои молодцы каждый день ворочают молот весом в пятьдесят алинов.

Он наклонился к самому лицу распорядителя и спокойно закончил:

— Не забудь еще и о том, что завтра весь город будет судачить о драке в твоих термах. Уверен, слухи обязательно привлекут к тебе новых клиентов!

— Ладно... х-хх... ладно, — прохрипел Коцеру. — Убедил. Девчонку я и пальцем не трону. Доволен?

— Сейчас не тронешь, так потом отыграешься.

— Клянусь, я...

— Я не верю тебе, старик.

— Проклятье! — распорядитель оперся на скамью, с трудом поднялся. — Что тебе еще нужно?!

Юнари стояла ни жива, ни мертва.

— Я выкуплю у тебя девушку, — кузнец повернулся к ней. — Сколько тебе осталось?

— Четыре лета, — быстро сказал Коцеру.

Жадность взяла в нем вверх над мстительностью. Он уже забыл про сломанную трость и саднищее горло. Главное — не упустить прибыль. Этому здоровяку девка явно приглянулась — вот и отлично. Значит, не пожалеет серебра, чтобы ее выкупить. А за хорошие деньги можно простить и обиду, и унижение на глазах у никчемной служанки.

— Два, — едва слышно прошептала Юнари.

Старик вскипал:

— Лжешь, негодная тупоумная девка! Она и считать-то не умеет.

— Ты ведь купил ее на торгу, так? — спросил кузнец, не обращая внимания на вопли.

— Ну да! Недешево досталась...

— Зачем же ты врешь про четыре лета? В прошлом наводнения не было.

— Э-э, я ошибся, — заюлил Коцеру; — три! Три лета.

— Я тебе не верю, а ей, — кузнец поманил к себе девушку, — нет смысла обманывать. Вот что, Юнари, принеси, пожалуйста, мою одежду и сумки. Знаешь мальчишку, что приглядывает за раздевалкой?

— Знаю, господин. Но как я...

— Назовешь ему мое имя — Косталан.

Она выскоцила за дверь, повторяя про себя: «Косталан... Косталан... Коста...»

На душе было светло и радостно. Почему-то она совершенно не боялась того, что будет дальше. Наоборот — ждала, чтобы все поскорее закончилось, и они ушли отсюда. Вместе.

И еще: никто и никогда раньше не говорил ей «пожалуйста».

Когда Юнари вернулась, окончательно пришедший в себя распорядитель орал высоким голосом:

— Да ты знаешь, сколько она съела за это время?! Страшно подумать! А пользы от нее — грош! И на три медных монеты не наберется!

Кузнец взял из рук девушки одежду, ободряюще кивнул. Казалось, крики Коцера его совершенно не беспокоили. Он набросил халат, подпоясался, сунул ноги в растоптанные сапоги.

Старик не унимался:

— Она сломала две щетки, трижды проливала дорогущий травяной настой, а уж сколько мыльного корня зазря перевела — просто не счасть!

Развязав нитку с монетами, Косталан спокойно спросил:

— Сколько?

Хозяин продолжал вопить:

— Они все думают, что я сделан из денег! Будто бы смысл всей моей жизни — кормить всяких деревенских дурочек, а не заработать немного на спокойную старость! Да я скоро разорюсь вконец из-за таких вот... — тут до него, наконец, дошел смысл вопроса. — Что?

Юнари испуганно жалась в углу, опустив глаза. Но на мгновение Косталану удалось встретиться с ней взглядом. Девушка смотрела на него с мольбой и отчаянной надеждой.

— Я спрашиваю — сколько?

— Что сколько?

— На сколько Юнари тебя разорила за это время?

Старика перекосило. Он боялся заломить слишком высокую цену, но и прогадать тоже не хотел.

— Четверть серебра!

Услышав непомерную сумму, девушка охнула. На торгу Коцеру дал за нее всего лишь десять медяков. А вдруг кузнец

передумает? Вдруг для него это чрезмерно много — ведь он не выглядит богачом.

— Вряд ли ты платил за нее хотя бы треть от этой цены. Но я не буду с тобой торговаться, старик. Вот твои деньги, — он бросил на скамью горсть медяков. На глаз там было даже больше, чем четверть серебряного чига. Глаза Коцеру загорелись, он жадно собрал монеты, упрятал их поглубже за пазуху.

— Там больше, — сказал Косталан. — Моя плата за сегодня.

— Да-да, конечно, господин Косталан. Приходите снова! В моих термах любят щедрых гостей!

— Пусть любят. Только не меня.

Распорядитель дернулся:

— Как это?

— Я сюда больше не приду, старик. Видеть тебя не могу, боюсь, что-нибудь сделаю. Ну, мы уходим. Не забудь отдать мне залог Юнари. Я жду у входа.

Когда старик вышел, девушка обняла Косталана и разрыдалась.

— Ну что ты... — он погладил ее по голове, — не надо плакать. Лучше беги, собери свои вещи, пока этот старый скупердяй действительно не надумал позвать охрану.

Возможно, распорядитель Коцеру собирался выручить с девчонки на порядок больше, научив ее премудростям «осо-бого» ухода за щедрыми, но одинокими клиентами. Девушки постарше в его термах умели не только подкладывать в воду благовония, растирать маслом и делать массаж. Но побоялся связываться с буйным кузнецом. Ведь случись драка, слухи действительно пойдут гулять по городу: кого били, да почему, и в чем была причина. История Юнари быстро дойдет до чиновничьих ушей, и они не замедлят явиться с проверкой. Вы что, уважаемый Коцеру-са, нарушаете эдикты императора? Как нет? А девушку для чего выкупили? Полы подтирать? Да неужели?

Прохладная ладошка снова легла на лоб:

— Ты заснул, Коста?

— Нет, просто задумался. Вспомнил, как впервые тебя увидел.

По молчаливой договоренности они старались не произносить вслух слова «термы», «парная», «услужение». А старого распорядителя не поминать даже косвенно. А игра с тем самым вопросом, который их познакомил — «что подать добруму господину», — незаметно прижилась. Наверное, Юнари нравилось ухаживать за ним.

Впрочем, взаимно.

— Я совсем некрасивая была, да?

— Ну почему? Ты — лучше всех!

Девушка долго не отвечала, Косталан приоткрыл глаза и увидел, что она опустила голову и насупилась.

«Та-ак, опять ляпнул что-то не то. Эх, не умею я разговаривать с женщинами...»

— Что случилось? Я тебя обидел?

Юнари молчала.

— Да в чем дело! Если я что-нибудь не так сказал, извини. Только не молчи.

— Ты считаешь, что я осталась такой же некрасивой, как и была! — выпалила она наконец. И добавила: — Я совсем не изменилась, да?

Косталан замер с раскрытым ртом, потом рассмеялся, сгреб Юнари в охапку и притянул к себе. Конечно, она тут же запищала, что халат намокнет, что испортится прическа, что произойдет еще десяток столь же непоправимых событий.

— Ну так сними его, — посоветовал Косталан. — И нечему будет намокать. Кроме тебя.

— А как же ужин?.. — неуверенно сказала девушка. — Ты просил приготовить.

— Подождет ужин.

И протянул ей руку.

Мужской наготы Юнари совершенно не стыдилась — насмотрелась в термах, а сама раздеваться стеснялась. Гасила светильник или просила отвернуться. Или вот так, как сейчас, — скидывала халат, рубаху и прикрывалась руками. Притом, что ей очень нравилось, когда он любовался ее телом и говорил об этом.

Косталан мягко развел ее руки в стороны, сказал восхищенно:

— Какая ты красивая!

Она, конечно, тут же смутилась, зарумянилась, как плод солнечного дерева, и быстро залезла к нему. Медная купальня закачалась, на пол плеснуло немного воды.

— Ой, какая я неуклюжая!

Юнари рванулась наружу — убрать, но Косталан крепко прижал ее к себе, поцеловал в угол губ. Успокоил:

— Мы сейчас еще и не так набрызгаем! А потом вместе уберем. Хочешь?

Он заглянул в глаза девушки и нафрочь забыл все, что хотел сказать. Велеречивые поэты древности сравнили бы их с бездонными горными озерами, в которых так легко утонуть. Или с бескрайним ночным небом. Или еще с чем-нибудь. Но простой кузнец не умел красиво складывать слова. Он просто смотрел и удивлялся: как может в хрупкой маленькой девушке уместиться столько любви и нежности.

Именно в тот день Косталан впервые заметил то, чему суждено было прославить его имя. Казалось бы — сотни тысяч людей видели то же самое до него, но никто не обратил внимания. Вполне может быть, что и он проглядел бы идею, как и много раз до того, если бы не ворочалось неустанно в голове гигантское поливочное колесо.

Слишком уж Косталан хотел помочь — своим родным, семье Юнари, друзьям, соседям... всем!

Счастливая Юнари крутилась у очага, Косталан порывавшийся помочь, был отправлен на скамью — не путаться под ногами и вообще не мешать. Он не сопротивлялся. Позиция оказалась самая выгодная: можно ничего не делать и просто смотреть, как девушка двигается. Есть в этом что-то завораживающее и чудесное.

Юнари все-таки решила варить похлебку, сняла с полки котелок, подвесила над огнем. Быстро порезала одну из тыкв, наклонилась к очагу — помешать. Косталан не удержался и

легонько шлепнул девушку по попке. За что немедленно получил по рукам.

— Вот я тебе!

Она погрозила мешалкой, словно хотела стукнуть еще раз, он шутливо увернулся... и увидел.

Сухой хворост горел на удивление хорошо, котелок быстро нагрелся, похлебка забурлила. Юнари ловко подцепила крышку, высыпала в пахучее варево нарезанную тыкву. Снова закрыла котелок.

А Косталан все не мог оторваться.

Подпрыгивающая крышка все еще стояла перед глазами. Тяжелая, медная, весом алина в полтора, не меньше. А чтобы ее приподнять хватило нескольких клубов пара. Похлебка кипит, пар все прибывает, и крышка уже безостановочно приплясывает над котелком.

— Что ты смотришь? — спросила Юнари. — Пригорает?

«Интересно. А что если сделать котелок размером с дом? Нагло закрыть его и направить пар в узкое горлышко? Сможет ли он сдвинуть, например, чугунную чушку в сто алинов? А двести? Тысячу? Или, например, вертеть тяжеленное поливочное колесо?»

— Коста! Не молчи!

— Что? А, нет-нет, все в порядке. Ты подожди немного, я сейчас.

Быстрым шагом Косталан спустился в кладовую, снял с рамок для сушки тонкую бумагу из злаковых плевел. В кузне ее называли «клапати» и использовали для чертежей. Ему, как признанному изобретателю, выдавали несколько листов в каждый оборот. На случай «если чего придумается», как сказал мастер-кузнец Хинновари.

Наверху его встретила обеспокоенная Юнари.

— Милый, в чем дело?

Он погладил девушку по щеке, как будто просил прощения:

— Ничего страшного. Просто пришла в голову одна мыслишка.

Юнари чуть слышно вздохнула. Что-что, а эту странную особенность своего мужчины — даже в мыслях она не смела

называть его мужем, а вдруг сглазишь! — она успела изучить. Время от времени Косталан становился вот таким же чужим, чертил на бумаге странные узоры, ничего не замечая вокруг. Отвечал коротко и невпопад, да и то, если спросить напрямую. Иначе может просто не услышать.

Поначалу она обижалась. Но потом, когда соседи рассказали, что молодой кузнец славится не только силой, но и умом, что его ценят в кузнях, и что однажды он получил наградную пластинку от самого императора, Юнари успокоилась. И даже начала гордиться — вот, мол, какой он у меня!

Но видит Небесный Диск, как тяжело подавить обиду! В благодарность за ласку, ей хотелось в лепешку расшибиться, но приготовить ему вкусный ужин. А потом просто по быть вдвоем целый вечер.

Теперь уж не получится.

Она вздохнула и спросила, изо всех сил стараясь не выдать себя дрожью в голосе:

— Ты есть-то будешь?

Косталан развернул на столе бумажный лист, прижал по краям плошками и маленьkim кувшинчиком и тут же начал что-то увлеченно вычерчивать.

Юнари погладила его по плечу. Кузнец встрепенулся:

— А? Что?

— Ужинать будешь?

— Конечно. Причем вместе с тобой. Сейчас только нарисую кое-что. Подожди немножко, ладно?

Чтобы не обижать Юнари, в тот вечер Косталан лишь вчерную набросал схему. Потом еще с полдюжины дней ушло на подготовку первых чертежей. Иногда казалось, что работа зашла в тупик, что проблема неразрешима. После мучительной бессонной ночи, когда кузнец прокручивал проблему в голове под аккомпанемент мерного сопения спящий Юнари, решение приходило — ослепительно яркое, простое и понятное. Дважды пришлось переделывать уже готовый чертеж: даже на глаз, без расчетов, было ясно, что

слишком тонкий слой железа не выдержит жара, а слишком толстый — будет чрезмерно долго нагреваться.

Косталан никогда не был особенно силен в расчетах. В кузнях на этот случай всегда под рукой мастер Ринтагавор. А дома что прикажете делать? Все-таки он решил прикинуть размеры, толщину стен и силу пара на глаз. Пока. Если из сырой пока идеи получится что-нибудь стоящее, потом можно будет пересчитать.

Сначала он хотел назвать изобретение пароделом. Или паровой водокачкой. Через три дня, когда он в очередной раз бездумно слопал все, что подала на стол Юнари, бездумно поблагодарил и снова засел за чертежи, девушка расплакалась. Косталану было так стыдно, что он мысленно отвесил себе не меньше дюжины пинков.

Присев рядом с плачущей подругой, он попытался неуклюже извиниться, чем немедленно вызвал новые слезы. И тут его посетила отличная мысль:

— Хочешь, назовем пародел твоим именем? Юнариамо? Звучит?

«Амо» означало «посвящение».

— Посвящение Юнари? — слезы девушки высохли, словно по мановению сказочного лучика Небесного Диска. — А можно?

— Ну... это же я придумал! Как хочу, так и называю!

Девушка поцеловала его и серьезно сказала:

— Нескромно получится. Не надо. Спасибо, что предложил, Коста. Я тебя обожаю.

— Я тебя тоже, — честно признался он. — Простишь меня?

Вот так и не стал большой котел посвящением Юнари. В конце концов, Косталан решил, что прежде надо довести работу до конца, а потом выдумывать название. Иначе может получиться конфуз, как в известной сказке про торопыг-охотников, что разделявали убитых зверей, еще не войдя в лес.

С самого начала он решил, что не будет строить котел в императорских кузнях. Слишком уж там много любопытных глаз и желающих погреться у чужой славы. Лучше отдать

заказ на отливку котла, трубок и выводного желоба на сторону, например в мастерскую Саригано, где Косталан обучался кузнецкому делу совсем молодым пареньком. Конечно, придется потрясти мошной — заказ не из дешевых, но дело того стоило.

Румяный, толстощекий и краснолицый мастер встретил его восторженно:

— О! Какой гость! Сам Косталан Манар-Гири! Уважил старика, уважил! Я уж думал, что ты совсем забыл своего учителя.

— Ну что вы, Саригано-ансей, как я могу!

— Можешь, можешь... Мы тут все про тебя наслышаны. И как девочку выручил, и об идеях твоих, и о наградной пластине императора. Двухпоточный сток у нас знаешь, как называют? Косталанкой.

— Вот именно в этом мне и нужна ваша помощь.

— А, значит, не просто так пришел, проведать. Расскажи тогда, что же это за таинственная штука, которую старый Саригано делает лучше, чем мастера в императорских кузнях!

Они засиделись до середины ночи, спорили, под конец даже охрипли, чертили, вырывая друг у друга писало. Лишь когда Ладаля, жена мастера, в третий раз пришла напомнить, что уже поздно, мужчины с трудом, но все-таки смогли оторваться от разложенных на столе чертежей.

— Большое дело ты задумал, Косталан. Понимаю теперь, что не зря наградил тебя наш император, да продлится вечно его правление! Сердцем болеешь за других. Если падел будет работать, как ты задумал, многие придут поклониться тебе в ноги.

Мастер потер ладонями виски: голова привычно гудела, он так же привычно этого не замечал.

— Хорошо, — сказал он. — Отольем тебе котел. Ровно такой, как просишь — в три человеческих роста. За половину плату. И не спорь! — мотнул головой Саригано. — Себя-то, небось, с неба не падает, дается, как и всем, тяжелым трудом да мозолями? Не перечь учителю! Или забыл, как тростью поперек хребта получал?

Косталан рассмеялся.

— Ну, то-то. Чертежи оставь, я над ними еще помозгу. А ты беги домой, девочка тебя заждалась уже. Это моя старуха привыкла за долгие годы, а молодухам внимание подавай.

Работа началась. Каждый вечер, после работы кузнец заскакивал в мастерскую Саригано, с радостью наблюдал, как обжигают в печи сначала нижнюю половину отливочной формы, потом верхнюю. Получались они просто гигантскими, как чаши для винопития сказочных великанов. После долгих споров котел все-таки решили делать сварным, из двух половинок, а не цельным. Мастер Саригано, хитро подмигнув, пообещал использовать некоторые «особые» добавки:

— Отличное выходит железо, Косталан. Замечательное железо. Гибкое, как женщина, ковкое, чрезвычайно вязкое. Высший сорт.

В Соцветии такое железо называлось «суповым» или иначе — «похлебкой», за то, что обладало замечательным свойством свариваемости: две металлические полосы, нагретые до ярко-красного каления, способны под ударами молотобойцев соединяться в одну цельную массу. Непотребные солмаонцы, варвары и скверносоловы, прозвали «суповое» железо «любовным».

Конечно, не все получалось с первого раза, формы рассыпались от неравномерного обжига, приходилось начинать заново. Нижнюю сделали быстро, а с верхней пришлось возиться — слишком много в ней предполагалось отверстий и трубок. На нее одну ушел почти целый оборот. Потом пришло время плавки. Косталан слушал мастера Саригано и поражался: сто двадцать пять алинов железа! Даже в императорских кузнях отливки такого масштаба — невиданная редкость. По пальцам пересчитать можно, и каждая по-своему уникальна. Как например огромная осадная бомбарда «Потрясатель небес», которую отливали почти весь день. Стрелять она, конечно, не могла — ее бы моментально разорвало — и использовалась больше для устрашения солмаонских послов: орудие воздвигли на специальном постаменте у па-

радных ворот императорской приемной. Чего уж говорить о небольшой мастерской Саригано, где пришлось попотеть всем, даже самому старому учителю!

— Ли, как слышишь? Прием.

— В порядке, командир. Что за спешка? Связь на три часа раньше графика.

— У нас кое-какая срочная информация. Пакет пошел к тебе, ему еще пару минут качаться, так что я пока расскажу вкратце, в чем дело. В Солмаоне знают о паровой машине, Ли.

— Так быстро!

— Ну, — Игорь хмыкнул, — не быстрее нас. Слухов тот же самый, что ты привез четыре месяца назад. Кто-то кому-то заказал огромный котел высотой в три человеческих роста. Полностью запаянный, без крышки. Якобы в Соцветии изобретают новое оружие. В Солмараване все стоят на ушах.

— Гм... запаянный, значит. Любопытно.

— Да, меня тоже заинтересовала именно эта подробность. Описано довольно близко к истине, чтобы быть случайностью. Источник либо сам видел чертежи, либо говорил с тем, кто держал их в руках. Заказ реален, и он уже сделан, Ли. Надо срочно выйти на заказчика.

— Понял, командир, сделаем.

— Пакет пришел?

— Да, все получено. Вечером придет Ю Фат — помозгаем.

— Хорошо. До связи.

На следующий день Солнечные жрецы объявили праздник в честь захода Небесного Диска — они почему-то всегда знали, когда и на сколько дней маленько светило исчезнет с небосклона. Раньше такие дни считались неблагоприятными, но лет пятьдесят назад (сейчас точно не вспомнят даже старики) заход Небесного Диска предшествовал хорошему урожаю и одновременно — крупной победе над солмаонцами

Потом, правда, тактическая победа обернулась поражением в войне, но об этом старались не вспоминать.

С тех пор и повелось — как только жрецы предсказывают заход, Соцветие празднует и веселиться в надежде на хорошее предзнаменование. Вне зависимости от того, происходило в итоге что-нибудь хорошее или нет, жрецы неизменно оказывались в выигрыше. Если да — они немедленно объявляли это своей заслугой и требовали приношений, если нет — народ обвиняли в том, что он плохо молился и мало жертвовал.

Как обычно.

Вечером Косталан пришел домой поздно — искал подарок для Юнари. Причину, конечно, назвал другую: императорский заказ, мол, много работы и все такое.

Завтра ему не нужно спешить в кузни. Праздник же. Впереди — два вечера, целый день и две ночи вместе.

Если это не счастье, то что же тогда?

Ночью им было хорошо вдвоем. Юнари забылась только под утро в кольце сильных, но таких родных и знакомых рук. Снилось ей что-то радужное и теплое, она так и не поняла, что именно, но совершенно не боялась. Зато привычный кошмар — термы старого Коцера — в эту ночь не появился, словно его никогда и не было.

Грохот проник сквозь сон, буравом вонзился в мозг. Косталан и девушка проснулись одновременно, но если Юнари в полудреме не поняла в чем дело, кузнец понял все сразу. Может быть, где-то в глубине души он даже ждал этого.

Стучали в дверь. Властно, сильно и неудержимо. Похозяйски.

— Откройте Всевидящему Оку!

Косталан потянулся за халатом. Девушка испуганно прижалась к нему:

— Кто там, Коста?

— Легионеры Ока. Ресницы.

Глаза у нее сделались совершенно круглыми:

— Зачем? Что им здесь искать?

— Вот сейчас и узнаем. Пусти, маленькая, мне надо одеться.

Честно признаться, когда он завязывал пояс, руки у него дрожали. Даже на его памяти люди, взятые под стражу именем Всевидящего Ока, исчезали бесследно. А уж сколькоprotoходило разговоров! Не счесть.

Косталан заставил себя гордо поднять голову, успокоиться. Он ни в чем не виноват. Если за ним пришли по поводу пародела — он все объяснит. И даже покажет чертежи. Ничего противозаконного он не замышлял, наоборот — хотел помочь людям, а через них и всему Соцветию.

Он накрыл Юнари одеялом, поцеловал в щеку и сказал:

— Лежи здесь и ничего не бойся. Вниз не ходи, даже если меня увезут. Жди. Разберутся, отпустят, и до утра я буду дома.

Шагнул было из комнаты, но на пороге его остановил тихий, сквозь слезы, вопрос:

— Ты вернешься?

— Конечно.

— Обещаешь?

— Обещаю. Вернусь к утру, и завтра мы весь день будем вместе.

Он сбежал вниз по ступеням. Здесь удары казались просто оглушительными. Тот же голос повторил:

— Немедленно откройте Всевидящему Оку!

— Сейчас, иду, — кузнец повозился с хитроумным запором (сам ковал!) и распахнул дверь.

В комнату ввалились несколько легионеров. В считанные мгновения они перекрыли все входы, встали у окон. Двое с взвешенными самострелами взяли хозяина дома на прицел.

Последним появился офицер, изящный, худощавый, где-то даже элегантный. Судя по витому шнуре на груди — Веко. Кузнец даже удивился про себя: чем же он так заинтересовал Всевидящее Око?

Командир легионеров смерил его взглядом, поморщился, достал из-за лакированного панциря бумажный свиток с липкой лентой — приказ канцелярии Ока. Развернул:

— Всевидящее Око предупреждает: отвечайте прямо и четко, говорите правду. Если вы законопослушный поданный неувядаемого Соцветия, вам ничего не грозит.

Кузнец пожал плечами. Честные поданные исчезали в подвалах канцелярии Ока так же часто, как и изменники государства. Человек, попавший на страшную Доску Правды, наговорит на себя все, что угодно, лишь бы остановить пытку хотя бы ненадолго.

Странно, но за себя он почему-то не боялся. Верил, что наградная пластинка императора защитит его, докажет: не может быть у него злого умысла. Да и все, что он придумывал до сих пор, шло на пользу империи, а не во вред. Наверное, какое-то недоразумение. Из-за котла, скорее всего. Кто-то чересчур бдительный усмотрел в чертежах крамолу и написал донос, а в канцелярии, не разобравшись, приказали разобраться с изобретателем.

Он боялся за Юнари. Ресницы Ока славились жестокостью, если они посчитают его предателем, то арестуют всех, кто попадется под руку, да и дом вполне могут запалить.

Веко продолжал:

— Косталан Манар-Гири, кузнец и литецщик, помощник мастера Хинновари!

— Да, это я.

Краем глаза кузнец заметил, как напряженно дрожат пальцы легионеров на скобах самострелов. В какой-нибудь трактирной потасовке он раскидал бы их без труда — Ресницы Ока набирались из последней уличной мрази, которым эдикт императора сулил полное прощение за десять лет службы. Никто больше не соглашался на такую работу, легионеров в народе презирали.

Слабые и трусливые, способные нападать лишь стаей, как степные хищники, Ресницы не умели биться честно. Они и раньше, до службы, предпочитали грабить спящих и бить ножом в спину.

Но против самострела не попрешь. Да и не гоже честному человеку сопротивляться людям Ока — лучшего доказательства вины и не найдешь. А пока кипит драка, Веко успеет выскоичить на улицу, кликнуть подмогу и...

«Сам не спасешься, и Юнари погубишь. Стой спокойно, — приказал себе Косталан. — Если бы тебя и вправду подозревали в чем-нибудь серьезном, взяли бы еще в кузнях.

Или по дороге. И в дом все-таки постучали, дверь с петель не сносили и в окна не лезли».

Офицер властно кивнул:

— Повеление Всевидящего Ока: немедленно доставить вас к нему. Собирайтесь.

— Я взят под стражу?

— А что, — вкрадчиво сказал Веко, — у вас есть основания этого ожидать?

— Нет, но...

— Тогда не выдумывайте! С вами хочет поговорить сам Око. Возможно, что вы будете дома уже к утру.

«А возможно не будете никогда! Жаль, что я так и не успел отдать Юнари подарок...»

— Собирайтесь, время не ждет, — с раздражением повторил офицер.

— Я готов.

По знаку Века легионеры образовали вокруг Косталана полукольцо и отконвоировали к выходу. Он ловил на себе их насмешливые взгляды: что, мол, бугай, боишься нас? Молодец! Ты может, и вымахал на полторы головы выше всех, а против нас все равно не попрешь.

Один даже легонько подтолкнул его в спину:

— Пшел!

Вопреки распоряжению Косталана, Юнари притаилась на верхних ступенях лестницы и слышала весь разговор. Ей хотелось броситься на колени перед Веком, умолять его не трогать Косту, ведь он ни в чем не виноват! Потом она решила пойти вместе с ним, разделить все страдания и тяготы, потом даже придумала, как помочь ему бежать...

Про людей Ока ходили слухи один страшнее другого, но она никогда бы не подумал, что нечто похожее произойдет в ее жизни.

Юнари не знала, что ей делать. Она просто растерялась. И потому спокойно смотрела, как люди Всевидящего Ока увозят Косталана в неизвестность. Ей даже захотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться. Она никак не могла поверить, что все происходит наяву, что это не сон, не наваждение.

Хлопнула дверь. Снаружи донесся возглас ездового, заскрипели колеса повозки.

Девушка опустилась на колени, что было сил вжалась лбом в пол и провалилась в спасительную темноту.

— Слушаю тебя, Ли. Есть новости?

Между восточным и западным материком шел грозовой фронт, поэтому связь оставляла желать лучшего. «Пятерка» как назло ушла за горизонт, следующий спутник выйдет в зону устойчивого приема над Чжандоу только через полтора часа. А единственная ниточка — буй-ретранслятор — как назло торчал в середине циклона.

Игорь вздохнул: «Вот и все наше техническое превосходство. Даже спутники до сих пор развесить не можем. Сначала все ресурсы уходили на перерабатывающий завод, теперь, когда он, наконец, отстроен, администрация расширяет дорожную сеть. Меры, понятное дело, полезные и необходимые, жизненно важные для колонии, но если Тайная Служба не справится с надвигающейся опасностью из-за океана, у колонии не останется ничего важного».

— Мы нашли парня, который заказывал котел.

— Отлично! Что за человек?

— Некто Косталан, литейщик с государственных кузней. Заслуженный изобретатель, кстати. Даже награду от императора имеет.

— Только изобретателя нам и не хватало!

— Подожди... ш-ш-ш...

Голос Чжао Ли пропал, потонув в шуме статических помех. Квашнин чертыхнулся, переключил канал, переходя на резервную частоту.

— Командир! Слышимость в порядке?

— Паршивая. Может, уйдем с голоса?

— Письменный отчет я отправлю через пару часов. Но эмоции он не передаст.

— Эмоции? Что у тебя стряслось?

— В том-то и дело, командир. С тем парнем, Косталаном, я даже увидеться не успел. В ночь праздника Небесного Диска его взяли легионеры Ока.

— Дерьмо! Прости, Ли, но ты прав — без эмоций никуда. Эти ребята работают чересчур оперативно.

— Не совсем. Я покрутился вокруг императорских кузней, а Ю Фат ходил к нему домой под видом приятеля с работы. Там только перепуганная девчонка, не понятно — жена или подруга. Ничего не знает, но боится, что ее любимый Коста никогда не вернется. А в кузнях мне рассказали кое-что. Литейщика нашего взяли совсем по другому делу.

— По какому? Из-за котла, да?

— Так точно, командир. Шпионаж ему не вменяли. В частной кузне, куда он снес чертежи, нашелся сознательный патриот, скопировал их и написал донос в канцелярию Ока. Там его внимательно прочитали и доложили императорскому совету. А среди советников нашелся оригинал, который сложил два и два и посоветовал использовать машину с большей пользой.

— Например, для движения кораблей, да?

— Ну, дословно он сказал немного иначе, в кузнях его слова уже пятый день мусолят. Советник, кавалерийский тысячник в отставке, выразился ярко и образно: какого собачьего кала такая великолепная идея будет работать на вонючих крестьян? Не лучше ли приспособить ее для войны? В общем, ты опять оказался прав, командир.

— Знаешь, лучше бы я ошибся. Что было дальше?

— Косталана привели в канцелярию Всевидящего Ока, промурыжили для порядка и зачитали приказ. Сам император снизошел до сиюминутных дел, обещал присматривать за ходом работ. Совет распорядился выделить кузнецу отдельную мастерскую в кузнях и двадцать человек помощников. Не за просто так, конечно. Опытный образец машины он должен представить через три оборота. Сделает вовремя — наградят, не сделает... сам понимаешь.

— Да, попал бедняга, как кур в оцип.

— Куда?

— В суп! Ладно, забудь. К Косталану теперь не подобраться?

— Никак, командир. Мы хотели встретиться с ним дома, Ю Фат немного помогает его жене, более-менее сдружился с

ней. Но кузнец безвылазно торчит в своей мастерской, прислал ей послание, что завален работой, никак не может вырваться, не скучай, мол, скоро будем вместе. Денег передал. Смешно — он даже и не подумал, что подружка неграмотная. Хорошо Ю Фат на следующий день появился, прочитал, успокоил девочку: не бойся, все отлично, придет скоро твой Косталан. А он сидит в мастерской, и явно не по собственному желанию — вокруг так и кишит легионеры Ока. Парня перевели на казарменное положение, чтоб не отвлекался от созидательного труда.

— Шарага, значит. У Всевидящего интересные кадры, как будто прямиком из двадцатого века. Ладно, Ли, твою информацию принял, жду отчет. Отдел немного над ним поколдует, потом вышлем тебе соображения. Пока могу сказать только одно: копай под мастерскую Косталана. Вокруг, в кузнях — тоже. Может, на кого и удастся выйти. Но особо не нарывайся — там сейчас наверняка все под контролем. Не вляпайтесь по глупому. Ю Фату скажи, чтобы не перебарщивал. За домом тоже, скорее всего, следят.

— Понял, командир. До связи.

— До связи.

Косталан уже пятый день не мог попасть домой. Он очень переживал, как там Юнари, хорошо удалось уговорить одного из Ресниц Ока передать весточку. Хотя и с немалым трудом. Вместе с письмом кузнец отправил девушке все деньги, какие были. Но сколько именно — писать не стал. Не слишком щепетильный легионер наверняка уловит сумму. За труды.

Замороченному бесконечной суматохой Косталану даже в голову не пришло, что Юнари не умеет читать. Много позже, вечером, устраиваясь на жестком тюфяке прямо в мастерской, он вспомнил об этом. Выругался.

«Надо же быть таким глупцом! Конечно, где бы ей научиться грамоте? В деревне? В караване перекупщиков? Или в термах скупого Коцера?»

Он проворочался полночи, все никак не мог уснуть. Наконец успокоил себя, что Юнари — девушка отнюдь неглуп-

пая, найдет себе в помощь умееющего читать. На рынке, скажем. Или среди соседей — например, переписчика Агодара, что живет через два дома, у самого глиняного курьера. Вдвоем как-нибудь разберутся.

Небритый подбородок кололся, Косталан ворочался, все не мог нормально устроится. Как и прошлую ночь, и позапрошлую тоже. Он привык ночевать дома, и на новом месте всегда спал плохо. Особенно здесь, в собственной мастерской, выделенной приказом Совета, где он лишь числится хозяином. На самом деле он всего лишь бесправный подмастерье. Такой же, какой совсем недавно было Юнари. Насмешка судьбы: выручил девушку из неволи, а теперь сам угодил в кабалу куда как пострашнее.

Наконец усталость победила, Косталан забылся беспокойным сном.

Он снова и снова вспоминал слова офицера в ранге Зрачка, что сначала зачитал приказ, а потом жестким, не допускающим возражений, тоном разъяснил непонятливому кузнецу его обязанности.

— Все очень просто, Косталан-са, — приказной тон прятался под маской холодной вежливости. — Ваше новое изобретение чрезвычайно ценно для Соцветия. Оно может сделать нашу страну сильной и могущественной, сломить сопротивление северных варваров и открыть дорогу на запад. В том числе и по морю. Поэтому, как вы прекрасно понимаете, Солмаон дорого бы дал за ваши чертежи и вашу голову. Чего мы, конечно, не можем допустить. А еще мы не можем допустить, чтобы на севере опередили нас и построили такую же машину. Идеи витают под светом Небесного Диска, Косталан-са. Кто-то мог сделать схожие выводы, не говоря уж о том, что чертежи, неосторожно оставленные вами в кузне мастера Саригано, наверняка, давным-давно скопированы и сейчас лежат в переметных сумах курьера, мчащегося в Солмаон.

— Среди людей мастера Саригано нет предателей! Ручаюсь! Я знаю их много лет!

— Не стоит ручаться за других так необдуманно, Косталан-са. Мы допросили их всех, и трое из семи признались в измене.

Зрачок не врал, растянутые на Доске Правды, кузнецы один за другим каялись в самых страшных преступлениях. Оговаривали себя, сочиняли такое, чего дознаватель и не думал спрашивать. Офицер умолчал лишь о том, что и оставшиеся четверо с радостью назвали бы себя предателями, если бы пережили пытку. В их числе оказался и мастер Саригано. Вообще, многочисленную семью Саригано в последнее время держали под пристальным наблюдением. Сначала племянник мастера попадается на связях с разведкой Трех Лиан, а теперь и он сам оказывается замешан. И — что характерно — оба имели наглость запираться! Первый утверждал, что никогда не видел агента, которому передавал доносения, а второй — что верен Соцветию и не собирался никого предавать. Жаль, теперь уже не удастся устроить им очную ставку.

— Трое? Кто?!

— Разве это сейчас важно? Никто из них больше не передаст врагу ни одного слова. Но вам, Косталан-са, сейчас нужно думать о другом: как построить вашу замечательную машину в максимально короткие сроки. Любые материалы в вашем распоряжении. Не экономьте, помните: наш первый враг — время. Каждый лишний день играет на руку Солмаону. Как только первая модель будет готова и испытана, вы получите...

— Первая модель? Их будет много?

— Конечно! Машина сама по себе — лишь полдела. Необходимо поставить ее на службу Соцветию. Превратить в движитель для кораблей или повозок.

— Но я хотел с ее помощью поднимать воду для полива, облегчить труд земледельцев.

— Теперь, после всего, что я сказал, разве вы не понимаете, как сильно заблуждались? Крестьяне носят воду на своем горбу многие тысячи оборотов, ничего не случится, если это продлится еще немного. Главное — безопасность Соцветия, победа над врагом. Я откровенен с вами, Косталан-са, потому что знаю: вы уже сделали одно чрезвычайно полезное изобретение для наших бомбард. Вам не придет в голову причитать, как один из наших алхимиков совсем не-

давно, что ваша идея, мол, должна служить миру, а не войне. Должна помогать людям, а не убивать их.

Кузнец прикусил язык. Что-то в этом роде он и хотел сказать. На мгновение ему привиделась чудовищная картина: паровые корабли его конструкции, оснащенные его же бомбардами, превращают в огненные руины целый город. В пламени гибнут тысячи ни в чем не повинных людей, простых горожан, не солдат.

Он помотал головой, отгоняя страшное видение. Хрипло сказал:

— А что будет, если я откажусь?

Зрачок мрачно усмехнулся:

— Будем считать ваш вопрос чистой теорией. Я же понимаю, что вы ни в коей мере не собираетесь нарушать волю императора. Просто решили узнать последствия. На всякий случай. Что ж, похвально. Готов успокоить — на вас отказ никак не отразится. Поверьте мне, Косталан-са, мы, слуги Всевидящего Ока — не тупые мясники, как, возможно, пытается представить нас людская молва. Большинство подобных слухов мы же и распускаем, чтобы поддерживать в умах определенное отношение. Попав к нам, человек легко и быстро ломается, потому что заранее готов к самому страшному. Но в вашем случае это не сработает: мы слишком высоко ценим вашу голову, ваш талант изобретателя, ваши идеи. Придется использовать другие методы.

Он взял со стола небольшой лист бумаги, положил перед собой, разгладил деревянной рейкой. Косталан внимательно следил за ним.

— Интересный донос, — задумчиво произнес офицер. — Неординарный. Хотите, я вам зачитаю? Не бойтесь, не целиком, всего лишь один маленький отрывок. — И не дожидался ответа, начал: — Я, такой-то такой-то... ну, имя мы опустим, вам его знать необязательно. Но человекуважаемый. Достоин доверия... так... имею донести до вас следующие сведения... м-м-м... А вот! Слушайте. «Вышеупомянутый кузнец, мастер Косталан, привел выкупленную девку в дом и предается с ней запрещенным утехам. Что противоречит эдикту императора, да продлится вечно его правление! Ведь одино-

ким мужчинам запрещается приобретать крестьянских детей в услужение...» Как вам отрывок, Косталан-са?

Кузнец покраснел от гнева:

— Да я наоборот спас Юнари от грязных лап Коцеру. Этот гад бил ее каждый день, да еще собирался сделать масажной прислужницей.

— Но не сделал же, а? Не он привел ее к себе в дом, и не он лег с ней в одну постель.

— Она моя жена, а не служанка!

— Неужели? Вы платили свадебную пошлину, у вас есть разрешение от Солнечных жрецов, да?

— Нет пока, — смущился Косталан. — Мы как раз собирались в конце лета съездить в деревню к родителям Юнари за благословением. А потом идти к жрецам.

— Собирались? Хорошо. Ну-ка, посмотрим, — Зрачок придинул к себе еще один густо исчерканный лист. — Листанно Юнари из Молчаливой долины. Она?

К своему стыду, кузнец не смог вспомнить старшее имя подруги и просто кивнул.

— Шестнадцатое лето она увидит через семь оборотов. А через девять кончится срок услужения. Прекрасно. Думаю, мы сможем помочь девушке отпраздновать день появления на свет в кругу родных.

«Началось, — тоскливо подумал Косталан. — Вот крыса! Знает, как больнее ударить. Нет уж. Юнари я мучить не дам».

— Мы пригласим ее к себе — в канцелярии Всевидящего Ока всегда много простой работы. Мыть полы, оттирать столы и доски, — он намеренно сделал ударение на этом слове. Развел руками: — Они почему-то слишком быстро пачкаются. Работа тяжелая, не спорю, но зато срок разом сократится вдвое, как и у всех слуг Ока. Выгодно и удобно. Да, пожалуй, мы так и сделаем. Прямо завтра.

— Не трогайте ее, — глухо сказал кузнец. — Я все сделаю, но и вы пообещайте, что не тронете.

— Ну что вы, Косталан-са! Мы же с вами просто теоретизировали. Я просто рассказал, что может случиться, если вы вдруг откажетесь. Но вы же не собираетесь, правда?

Он позвонил в колокольчик.

— Вас проводят. Гонец с приказом выделить мастерскую, уже отправлен в кузни. Работайте спокойно. Если все получится, награда вас ожидает немалая. И не забывайте наш разговор.

В дверях появились легионеры.

— Проводите мастера. Да! — Зрачок как будто вспомнил что-то. — Все неприятности, о которых мы с вами говорили, Косталан-са, могут произойти не только в случае вашего отказа.

Кузнец посмотрел на свои руки, потом перевел взгляд на худенькую, цыплячью шею офицера. Ресницы напряглись, сделали шаг вперед.

— Что вы еще придумали? — спросил кузнец без всякого выражения. Больше всего на свете он сейчас боялся потерять над собой контроль и с наслаждением вцепиться в горло подонка. Его, конечно, оттащат раньше, чем Зрачок испустит дух. А жаль.

— Всего лишь небольшую поправку к нашему соглашению. Негласному, но, тем не менее, единственному. Я обязуюсь не совершать некоторых поступков, вы — наоборот — делать все, что только возможно. Но если вдруг вас постигнет неудача или вы, Косталан-са, не уложитесь в срок, я очень огорчусь. А самое главное — почувствую себя свободным от каких бы то ни было обязательств. Надеюсь, мы понимаем друг друга?

Совет офицера оказался пророческим. Косталан вряд ли когда-нибудь сможет забыть этот разговор.

И работа закипела. Под покровом темноты и охраной легионеров из мастерской Саригано в кузни перетащили заготовки. Сакунов запрягли в повозки по трое, и все равно они выбились из сил, пока доставили тяжеленные глиняные формы. Хорошо не разбили по дороге.

Установили их посреди двора, уложили рядом печь, желоба для раскаленного металла. Пробная плавка разочаровала Косталана — качество металла оказалось значительно хуже, чем варил из своих хитроумных добавок старый мастер. Кузнец почесал в затылке и пошел к командиру легионеров, старому знакомцу Веку.

Офицер встретил его приветливо:

— Что случилось, драгоценный мастер?

«Когда ворвался в мой дом, небось, так не лебезил! — мстительно подумал Косталан. — Задолиз!»

Не часто арестантов отпускает сам Зрачок Всевидящего Ока, да еще приказывает потом следить, чтобы просьбы кузнеца исполнялись без задержек. Непростой, видать, преступник, полезный для Соцветия. Так что немножко лести не помешает, кто его знает, как все может обернуться? Нынешний Зрачок лет десять назад пьяную матросню в порту раздевал, да прохожих на нож ставил. А теперь пристроился под седалищем самого Всевидящего Ока.

— Для работы мне срочно нужен мастер Саригано! Найдите его и привезите сюда. Только он один знает секрет хорошего «супового» железа.

Веко поскучнел:

— Простите, Косталан-са, но это не в моей власти. Если вы настаиваете, я доложу наверх.

— Настаиваю.

Солнце еще не успело зайти, как в мастерских появился Зрачок. Теперь кузнец знал его имя — Креганон. Косталан смотрел на высокого гостя с такой ненавистью, что, казалось, тот должен немедленно пасть замертво. Выглядел он, впрочем, веселым и жизнерадостным, наверное, привык к подобным взглядам.

— Мне доложили, мастер, что вы просите в помощь государственных преступников?

— Я не прошу, я ставлю в известность. Для того чтобы закончить работу успешно и в срок, мне нужен Саригано. Для отливки котлов подходит только специальное «суповое» железо, рецепт которого знает лишь он один.

Веко, стоявший за спиной Креганона знал, что старика давно уже нет в живых. Знал и боялся, что грозный гость скажет об этом кузнецу, а чтобы мастер не заартчился — немедленно обвинит младшего по званию во всем, сделав козлом отпущения. Зрачок Всевидящего Ока славился своей абсолютной беспринципностью.

— Это совершенно исключено, Косталан-са. Я не могу позволить человеку, якшавшемуся с предателями, работать с

вами. Лучше уж сразу запаковать чертежи и отправить курьером в Солмараван.

— Тогда я не смогу построить пародел. Наше железо слишком грубое для моих целей.

— Тогда, — в тон кузнецу ответил Креганон, — я не смогу гарантировать свободу одной особе, хорошо известной нам обоим.

Зрачку повезло снова — Косталан и на этот раз сдержался. Скрипнул зубами, повернулся спиной и пошел прочь.

— Пробуйте сами, мастер, — сказал старший офицер. — Вы прекрасный изобретатель! У вас обязательно получится. Я просто уверен в этом.

Впервые со случаем саботажа Косталан столкнулся на второй или третьей пробной отливке верхней половины котла. Одна запоротая плавка, когда подающий не успел вовремя открыть сток, и железо перегрело — случайность. Две — усталость или глупость. Но четыре подряд?

В общем, кузнец никогда всерьез не верил в солмаонских шпионов, что целыми стаями рыщут вокруг мастерских. Списывал на положенную по должности слугам Всевидящего Ока подозрительность. Веко убеждал его, что вражьих наймитов ловили целыми пачками, но Косталан как-то не слишком вслушивался в его слова.

А тут...

Он вызвал Креганона. Личные счеты и ненависть подождут. Неизвестные злоумышленники не только вредили Соцветию, они тормозили проект, а значит — угрожали свободе Юнари. А этого Косталан не мог простить никому.

— Мы нашли троих, командир. Двое работают непосредственно в мастерской, еще один готовит руду на главном дворе. Все трое нуждаются в деньгах, и все трое согласились.

— Саботаж?

— По совету аналитического отдела, — в голосе Чжао Ли прозвучала насмешка. — Хотя, по моему мнению, это не слишком действенно. Мы лишь недолго задержим строительство машины, а не остановим его.

— А нам и не нужно его останавливать. Зачем? Желающих и без нас достаточно. Мирик и я завтра пустим дезу солмаонской резидентуре в Трех Лианах, что первая модель двигателя вот-вот будет готова. Не сомневайся, они тут же перестанут подкрадываться с черного входа и ломанутся в парадные ворота, не разбирая дороги. Через три-пять дней вполне можно ожидать какого-нибудь громкого и сногсшибательного действия.

— Всевидящее Око не дремлет. Боюсь, твоих гордых северян повяжут еще на границе.

— Ха! Именно этого я и жду.

— Зачем это?

— Увидишь. Самое веселое начнется потом, когда Око запытает их до смерти, повяжет всех, кого они выдадут, запытает в свою очередь и их, а саботаж не прекратится...

— Ты так спокойно об этом говоришь, командир.

— Есть такая работа, Ли — родину защищать. Все, до связи.

Люди Креганона выявили двух саботажников, после их ареста из мастерской исчез еще один литейщик — видимо, не стал дожидаться своей очереди и во все лопатки рванул прочь из города.

Шестая пробная плавка дала приемлемый результат. На всякий случай для усиления всей конструкции Косталан решил скрепить котел пятью железными обручами, словно бомбарду — обвить раскаленными полосами разной длины. Остывая, они охватят машину, как пять могучих пальцев.

Но и с полосами не все шло гладко. Сначала долго пришлось подбирать ширину и качество железа — мягкое не годилось, слишком поддается при нагреве, потом глупый подмастерье запорол плавку. Слава Небесному Диску, он почти сразу же куда-то пропал и больше в мастерской не появлялся.

Неудачи выматывали Косталана. Он снова садился за чертежи, переделывал плавку, присматривая за всем сам, требовал новых материалов, спорил с легионерами. И каж-

дое, даже самое маленькое мгновение, неотступно думал о Юнари.

«Как она там одна?»

Он так устал от бесконечной спешки, от недосыпания, от гнетущего ощущения времени, по капле сочащегося сквозь пальцы, что однажды просто не выдержал.

Мастер убежал. Больше всего на свете ему хотелось увидеть Юнари, обнять ее, услышать снова: «Коста, ми-лый...» И тогда все будет нипочем, не таким страшным покажется неотступно надвигающийся срок в три оборота.

Он выбрался из кузней через отвальный скат, по которому сгружали пустую породу. Легионеры его даже не заметили. Ну, им ли, в самом деле, состязаться с ним, знающим в кузнях каждый клочок, каждый неприметный закоулок?

Обогнув центр Глиняного квартала по широкой дуге, Косталан вышел к задней стене рыночной площади, прокралясь через пустующие ряды и попал к отводному каналу. Совсем недавно он шел здесь же, нес Юнари сладких орехов и радовался, что может ее немного побаловать. Казалось, это было вчера. И могло быть завтра, если бы не проклятый пародел, разлучивший их. Возможно, что и навсегда.

Дом из речного песчаника стоял на своем месте. Все здесь было на своем месте, кроме самого Косталана. Теперь у этих стен он ощущал себя чужаком.

Он резко толкнул дверь, закричал: «Юнари!» и отшатнулся.

В глубине комнаты стояли Креганон и несколько легионеров.

— Возвращайтесь в мастерскую. Игры кончились.

— Где Юнари?

— Она у нас.

Косталан зарычал, как раненый зверь.

— Спокойнее, мастер. Да, я нарушил наше соглашение, но только ради нее самой. Здесь стало слишком опасно. Если бы мы не спрятали девушку, завтра, а может быть, уже сегодня ее похитили для воздействия на вас, Косталан-са. Эти люди ни перед чем не остановятся.

На этот раз Зрачок не играл — кузнец почувствовал это сразу. В голосе офицера не было ни холодной вежливости. Ни обычной скрытой издевки. Он на самом деле выглядел обеспокоенным.

— Что случилось?

— Сразу после заката трое неизвестных ворвались в дом мастера Хинновари. Жену и сына оглушили и связали, а хозяина дома увезли с собой. С тех пор его никто не видел. Родственники утверждают, что названные гости переговаривались с сильным северным акцентом. Возвращайтесь в мастерскую, Косталан-са. Вам теперь имеет смысл подумать о собственной безопасности. Чудо, что вас не схватили по дороге.

А вечером Чжао Ли докладывал командиру:

— Сегодня утром исчез глава императорских кузней Хинновари. Поговаривают, что его выкрали солмаонские шпионы.

— Ага! Помнишь, что я говорил? Что творится в городе?

— Всевидящему Оку во всем чудится заговор и предательство, людей Косталана то и дело хватают по первому же подозрению, пытают, многих уже казнили.

— А наш мастер?

— Его пока не трогают. Но легионеры пошли вразнос — вчера схватили еще двоих. Одного младшего подмастерья и мелкого чиновника со склада кузни. Этого вообще неизвестно почему — даже если бы и пришли к нему шпионы Солмаона, что он может выдать? Сколько алинов бронзы получено, сколько осталось?

— Информация лишней не бывает. Ты материалы по истории разведки внимательно читал? В прошлом веке, во время холодной войны наши тральщики ходили за американскими авианосцами, вылавливали сетями выброшенный с плавающей громадой мусор. А там — газеты, обрывки писем, черновики приказов, даже из объедков можно узнать массу интересного. Через несколько недель русская разведка знала поименно всех офицеров авианосца, их домашние адреса и даже семейные неурядицы.

— Из мусора?

— Из мусора. А лет на двадцать попозже один норвежский эколог проводил пробы солености воды в Баренцевом море. Потом уже выяснилось, что к охране окружающей среды он имел весьма отдаленное отношение, зато по замерам радиоактивности и химического состава можно без особых трудностей составить график выхода на боевое дежурство русских атомных подлодок. Видишь? Хороший аналитик и по расходу бронзы может сделать интересные выводы. Например, об увеличении количества стволов в артиллерию Чжандоу.

Ли заметил:

— Вряд ли у них есть такие аналитики.

— Может, и нет. И бедного кладовщика повязали из простой паранойи. Все видящее Око постоянно натыкается на наши следы, принимая их за успешные акции солмаонцев, мечется из стороны в сторону, топчет и крушит все на своем пути. Никакой саботаж столько не наворочает. Смешно, но ситуация парадоксальная — строительству парового котла больше всего мешает собственная контрразведка.

— Если не считать того, что спровоцировали их все-таки мы.

— Твоя правда, — Квашнин пометил файл отчета световым маркером, перетащил его в «сейф». Головизор мигнул и через секунду проинформировал: «зашифровано». — Вот так. А кладовщик тот действительно чист?

— Как стекло. Солмаон к нему не подбирался, а я просто не видел смысла.

— А подмастерье?

— Тоже. Его друг и напарник иногда выполняет для нас мелкие поручения, но сейчас перепугался и затаился.

— Могу поверить. А что за поручения?

— Передавал письма, добывал ключ от мастерской, мы тогда смогли обмерить котел, помнишь, я докладывал?

— Да-да, конечно..

— Ну а однажды паренек по нашей настойчивой, — Ли невесело усмехнулся, — и звонкой просьбе запорол плавку скрепляющих полос. Он тогда остался следить за формой, вместе со своим дружком. Видимо, ему удалось перевести стрелки.

— Молодец! Далеко пойдет парень, если свои же не зарежут!

Нет, гром при этих словах не ударил, небо не поменялось местами с землей, да и вообще не было никаких видимых знаков. Ничего. Квашнину еще не скоро предстоит понять, как фатально он окажется прав.

— Хороший мальчик, — кивнул Чжао Ли. — Любит и ценит друзей. И знаешь, что мне больше всего не нравится в этой ситуации?

— Что?

— Таким его сделали мы.

Игорь развернулся в кресле.

— Нет, Ли, не мы. Как это ни банально звучит: его таким сделали деньги! И хватит тут показушного самобичевания! Ах, ах, — он картинно всплеснул руками, — мы испортили пай-мальчика.

Китаец упрямо мотнул головой:

— Хорошо, пусть так. Но мы этим воспользовались. Тебе никогда не бывает тяжело оттого, что мы используем людей, как марионеток? Играем с ними, платим, потом, когда Всевидящее Око растянет беднягу на Доске Правды — списываем в утиль.

— Ну и что? — ответил Игорь почти спокойно. — Во-первых, это принцип любой разведки, точно также спецслужбы на Земле пользуются и твоими, и моими соотечественниками. А во-вторых, никто не остается в накладе. Мы платим довольно щедро. В том числе и за то, что в любой момент их могут схватить, пытать, казнить. Риск проходит по самой высокой ставке, разве нет? Чем опаснее, тем дороже. Да и вообще — раз соглашаются изменять родине с такой радостью, значит, давно готовы, и не было бы нас, все равно продались бы кому-нибудь за скожую цену. Тем же солманцам. Лишь бы платили.

— Все равно это — безнравственно.

Квашнин не выдержал:

— Слушай, Ли! Вы со Свеном только и делаете, что морочите мне голову! Высокие идеалы, права человека, нравственность! Посмотри по сторонам, парень! Ты не хуже

меня знаешь: в Соцветии сотни, тысячи людей кормятся доносами, вынюхивая и высматривая, кто, где не попридержал вовремя язык и ляпнул что-нибудь крамольное. Крестьяне там бесправны и бессловесны, как тягловый скот! Они продают в рабство детей, Ли! И для них все это в порядке вещей! А мы — защищаем своих! Защищаем, как можем, как умеем, подчас рискуя жизнью. Причем не за горсть монет или золотые слитки. Так кто из нас более нравственен?

— Может быть тот, кто не прикрывает свои проступки красивыми словами? — тихо сказал Чжао Ли и вышел из кабинета.

Архивные документы.

«Социополитические исследования империй Восточного материка».

Информационный бюллетень ООН (на основе докладной записки колониального правительства).

...В отличие от похожей ситуации на Земле, здесь, на Надежде, к моменту приближения эпохи Великих географических открытий, развитого МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНОГО торгового флота практически не существовало. Античные цивилизации Земли (этруски, финикийцы, греки, римляне) вовсю торговали с Африкой и Малой Азией, викинги плавали в Америку, а к колумбовскому 1492 году европейские, африканские и даже азиатские воды бороздили мощные флоты, соперничество за владычество над морем подстегивало гонку водоизмещения, парусного и пушечного вооружений.

На Надежде, ввиду континентального строения материков, межгосударственная торговля происходит, в основном, по суше или на мелких каботажных судах вдоль береговой линии. Восточные Империи — Солмаон и Чжандоу — находятся в постоянном конфликте друг с другом, противостояние время от времени переходит из «холодной» войны в горячую. К моменту прибытия земных колонистов на востоке только что закончилась многолетняя кровопролитная

война. Не принеся сколько-нибудь значительных выгод ни одной из сторон, она значительно истощила обе имперские экономики.

Принято считать, что на Земле толчком к экспансии за океан (любой, Атлантический для Испании или Индийский для Голландии и Португалии) послужило огромное количество оставшихся не у дел после завершения испанской «реконкисты» профессиональных авантюристов и искателей приключений. Наёмники, не знающие другого ремесла, кроме войны, а на деле — просто безудержная толпа жадных до золота головорезов, вызывали вполне оправданные опасения европейских монархий. Было необходимо отправить их как можно дальше, чтобы на год-другой (а лучше — навсегда) забыть о беспокойных реконкистадорах. А тех, что выживают и вернутся, пропьют и проиграют золото, награбленное в других частях света — снова отправить на завоевание неведомых земель. Польза, как нетрудно видеть, двойная: и стране выгода, и неугомонные революционеры, вечные источники беспокойства для победившей революции, тихо и без лишней крови устранены от политики государства.

Похожая ситуация на Надежде подтолкнула правителей Солмаона и Чжандоу к аналогичным идеям. Империи восточного материка нуждались в пополнении истощившейся казны, новых рынках, а также — в месте, куда бы можно было направить разрушительную энергию профессиональных наёмников, оставшихся не у дел после подписания очередного «вечного» мира.

Слухи о землях на западе ходили давно, и с недавнего времени в империях начали лихорадочно вкладывать деньги в астрономию, способную вести корабли по открытому морю, и судостроение. Ресурсов не хватает, и императорам пришлось, скрепя сердце, заключать тайные союзы с мелкими странами, пообещав значительные доли прибылей от новых земель. По обходным дипломатическим путям заброшены предложения о ранее невиданном проекте — совместной экспедиции на запад обеих империй.

СТАГНАТОРЫ

Кто-то очень большой и знакомый тронул Юнари за плечо. Даже как будто прошептал на ухо: «Встава-ай».

Юнари вздрогнула и открыла глаза.

— Костя?

Никого. Ни единой живой души.

И ничего знакомого рядом — Юнари лежала на широкой постели с дорогим вышитым балдахином. Раньше ей не доводилось видеть такой роскоши: тканые простыни вместо циновок, атласное покрывало, гладкое и приятное на ощупь.

— Где я? — девушка недоуменно огляделась.

Комната, в которой она оказалась, выглядела просторной. Постель стояла точно посередине, а вокруг еще оставалось достаточно места — хоть танцы устраивай. Рядом пристился низкий чайный столик, заставленный плошками с умопомрачительными сладостями и фруктами. Чуть поодаль, в ближнем углу, красовался второй столик, изящный, отделанный красивыми костяными вставками по черному дереву. Внизу теснились многочисленные ящики и ящички, а лакированная крышка была расчерчена черно-белыми квадратами, несколькими параллельными линиями и вложенными друг в друга кругами, видимо, для каких-то неизвестных Юнари игр. В термах ей не раз приходилось слышать о новой моде: с недавних пор люди, рангом и достатком повыше, те, у кого оставались силы после целого дня работы (если они вообще знали такое слово — «работа»), пристрастились к подобным развлечениям.

По стенам тянулись резные шкафчики с коллекцией статуэток. Фигурки изображали всадников или гарцующих скакунов, неистовых и стремительных. Одна стена, та, что осталась пустой, прикрыта богато вышитой занавеской, узор тянется до самого пола, удачно сочетаясь с рисунком ковра. Если чуть прикрыть глаза, кажется, что стена сливается с полом.

«Как я здесь оказалась? И что это за место?»

Странная комната. Обставлена красиво, кто ж спорит. Единственное, чего в ней не было — это окон. Вообще ни одного. Как будто люди, живущие здесь, ненавидели солнечный свет.

Юнари откинула покрывало, спустила ноги на пол и только теперь поняла, что спала в одной короткой рубахе. Как дома...

«Может быть, Коста привел меня сюда? И это теперь будет наш новый дом?»

Последнее, что она помнила — бессонная ночь в доме, пятый или шестой день ожидания, угасающая надежда, что он вернется, как обещал, одиночество, пустая циновка. Бесполезные попытки заснуть, предутреннее забытье, а дальше... Дальше — черный провал.

Девушка прошлась по комнате, касаясь ладонями то лакированной столешницы игрового столика, то резных фигурок. Босые ноги утопали в теплом и мягким ворсе ковра.

Поначалу незнакомая обстановка действовала угнетающе, Юнари очень хотелось испуганно забиться в самый дальний угол и ничего не трогать. Но комната совсем не казалась враждебной или страшной. Наоборот — чувствовалась добрая и умелая рука.

Девушка попыталась представить себе хозяина: высокий, широкоплечий. Наверное, веселый и душевный, часто шутит, смеется.

«Да это же Коста!»

Юнари улыбнулась. Как было бы здорово, если бы она угадала!

И красота хозяину не чужда. Да и вообще — разве может быть плохим человек, влюбленный, судя по коллекции, в гордую стать скакунов.

В животе заурчало. Девушка не сразу поняла, что это за звук, испуганно дернулась. Потом смущилась — неприлично же. Мама говорила: «Живот разговаривает, когда хозяину сказать уже нечего». Беседовать в пустой комнате особо не с кем, разве что со скачущими фигурами, а кушать хочется. И хозяина нет, не у кого разрешения спросить.

Понукаемая голодом, Юнари вернулась к столику с едой. Открыла первый же попавшийся кувшинчик — пахло ягодами. Налила немного, попробовала. Вкусно! И фрукты выглядят соблазнительно. Девушка покопалась в плошках и вазочках. Сладкие дольки в просяной муке, маленькие булочки, кисло-сладкий соус из корешков речного тростника... Раз есть он, значит должно быть и мясо. Дома, в деревне, и в термах девушку особо разносолами не закармливали, но Коста любил ее побаловать, часто приносил в дом всякие вкусности, про которые она раньше и не слыхивала. Например, мясо озерного грызуна копори, сущеное с травами, что придавали ему удивительный, ни с чем не сравнимый вкус. К нему-то как раз и полагался тростниковый соус. Чтобы оттенить чрезмерную остроту.

«А, вот оно!» — Девушка нашла плошку с мясными колечками, напоминающими монету с дыркой посередине. Коста рассказывал — их специально делали такими, для гурманов. Самое правильное сочетание вкусов получалось, лишь когда колечки нанизывались на очищенный тростниковый корень.

«Ну, мы с тобой люди попроще, — смеялся он тогда, — обойдемся и соусом. Все равно получается вкусно до умопомрачения».

Юнари подцепила пару колечек, вымочила в соусе и положила в рот. М-м-м...

За спиной что-то негромко щелкнуло. Она обернулась, едва не опрокинув столик с едой. Вскочила, попятилась, выставив перед собой руки.

Прикрытая вышитой занавеской и потому незамеченная дверь распахнулась. В комнату, пригнувшись, чтобы не задеть низкую притолоку, вошел худощавый мужчина с хищным лицом. Черные, как ночное затмение Небесного Диска, волосы собраны в пучок на затылке — чтобы не мешали сражаться. На груди покачивался серебряный шнур с плетеным узлом в виде человеческого зрачка.

Впрочем, все это Юнари разглядела значительно позже. А в первый момент она выкрикнула:

— Не подходи!!! А то закричу!

И зажмурилась.

Прошел миг, другой, третий. Ничего не происходило.

Девушка открыла глаза: неожиданный гость стоял на прежнем месте, совсем не собираясь на нее нападать. Заметив, что на него смотрят, он широко улыбнулся.

— Кто ты?! — спросила Юнари. Хотя нет, это был не тот вопрос, который она хотела задать самым первым. И тут же исправилась: — Где я? Что это за место? Где Коста? Почему его нет рядом? Я знаю, вы его забрали. Куда его спрятали? За что?

«Самых первых» вопросов почему-то оказалось больше одного. С каждой новой фразой брови гостя взлетали все выше. Он кивал, пытаясь вставить хоть слово. Наконец, он все-таки смог прорваться сквозь бесконечную череду слов.

— Не волнуйся, это Косталан просил тебя спрятать. Он сейчас выполняет важную работу, очень важную, жизненно необходимую для всего Соцветия. Личный заказ императора, да продлится вечно его правление!

Девушка недоверчиво переспросила.

— Коста выполняет заказ императора?

— Да. Заказ чрезвычайный и очень срочный.

— Какой?

— Извини, но ты сама должна понимать, что этого я тебе сказать не могу.

— Коста здесь? Рядом?

— Нет, в императорских кузнях. Но обязательно придет, как только сможет.

— Когда??

Гость пододвинул к столику кресло, спросил:

— Можно я присяду? Целый день на ногах...

Юнари почувствовала укол совести. Наверняка, у него много дел — вон какой важный! Десятки, если не сотни. Он специально выкроил время, чтобы заглянуть, рассказать обо всем, а она на него наорала и, даже выяснив, кто он, до сих пор не вспомнила о приличиях. Коста будет недоволен. Он так долго учил ее принимать гостей! Но вот теперь, когда его рядом нет, она моментально обо всем забыла.

— Да, да! Конечно! Садитесь, благородный господин.

Усмехнувшись неожиданной перемене, гость опустился в кресло. Откинулся на спинку, вздохнул. Юнари показалось, что он лишь неимоверным усилием воли сдерживает накатывающую усталость.

Он посмотрел на столик, взглядом попросил разрешения.

Девушка покраснела.

«Разве так принимают людей, принесших добрую новость?! Плохая из меня хозяйка!»

— Может, хотите что-нибудь выпить?

— Честно говоря, да. Не помешает. Но только, если ты составишь мне компанию. Офицер не может пить один в присутствии женщины.

Он откупорил кувшин с вином, разлил в чаши. Юнари взяла свою, пригубила. Напиток оказался терпким и вкусным, он словно бы разбудил жажду — захотелось пить еще. Она не заметила, как закончилась вино, даже с удивлением посмотрела внутрь: куда это все подевалось?

Чаша была пуста. Девушка поставила ее на край столика.

Гость улыбнулся, налил ей снова, пригубил сам и, взяв из вазы солнечный плод, захрустел сочной мякотью.

— Спасибо, Юнари.

— Расскажите еще о Косте, — попросила она.

Лицо офицера омрачилось.

— Зная о важности работы, враги хотят ему помешать. И не остановятся ни перед чем. Они способны на любую подлость, на любой, самый низкий поступок.

Юнари переполошилась.

— Ой, его же могут убить! И вы так спокойно об этом говорите! Пожалуйста, защитите его! Вы же, — он запнулся, — вы — офицер Всевидящего Ока, да?

Ему ничего не оставалось, как признаться.

— Да.

— Я... я раньше плохо относилась к вам, — она смущенно вертела в руке чашу, смотрела в пол. Со стороны ее поведениеказалось умелой игрой, но гость знал о наивной честности Юнари. — После того, как ваши люди увезли от меня Косту, я возненавидела вас. Потом я попала сюда... — Она обвела рукой комнату. От резкого движения закружилась голова, де-

вушка покачнулась. — А Коста неизвестно где. Я очень волнуюсь за него, а теперь вы говорите, что ему угрожает опасность! Пожалуйста, защитите его! Я очень вас прошу!

— Не бойся, — сказал неожиданный гость. Поставил на стол чашу, ободряюще кивнул. — Его охраняют, враги и на сто шагов не подкрадутся. Но они могли попытаться украсть тебя, чтобы добраться до него. Использовать, как приманку. Понимаешь?

— Да... — Юнари вздрогнула. Она вдруг явственно представила злую, грубую руку, ухватившую ее за волосы, мерзкий гогот, гортанный акцент. Вот ее тащат по жесткому каменному полу, бросают под ноги седому и невысокому северянину в непривычных доспехах.

«Вот она!»

Он скалит зубы, пребольно пинает ее в бок. Потом наклоняется к самому лицу и, ощерив гнилые зубы в мерзкой усмешке, шипит:

«Молись Небесному Диску, девочка, чтобы твой дружок сделал все, как мы хотим. Иначе за тебя никто не даст и потертого медного грошика».

Заметив ее испуг, он наслаждается им несколько коротких мгновений, потом добавляет:

«Нет, мы тебя не убьем, не бойся. Но поверь мне, лучше бы убили. Потому что, если твой Косталан будет артачиться, мы сначала передадим ему твои пальчики... по одному, потом язык, потом руки, потом...»

Фантазия разыгралась не на шутку. Юнари дрожала, затравленно оглядываясь по сторонам. Гость что-то говорил, но она не слышала. Перед ней, как живой стоял старик — предводитель похитителей. Он гоготал, любуясь эффектом своих слов:

«Да! Я забыл рассказать, что будет в самом конце! Потом мы вернем ему тебя. Надеюсь, он окажется благородным человеком и не бросит тебя за внезапно... ах-хха-ха... поблекшую красоту! Молись, маленькая сучка!»

Девушка заплакала. И там, в жутком кошмаре наяву, и по-настоящему. От страха и — почему-то — от усталости подкашивались ноги.

«А пока, шлюшка, иди, вымой котлы! Слышишь, не заставляй меня повторять, иначе тебе снова придется отведать моей трости!»

Голос предводителя почему-то зазвучал совсем по-другому. Он вдруг стал на удивление знакомым, привычным. Хриплый, надтреснутый — таким нельзя просто говорить, только ворить или ругаться.

— Не отдавайте меня ему, — тихо сказала Юнари. — Пожалуйста. А то он опять заставит меня чистить котлы! И снова будет бить! Он никогда ничего не забывает и не прощает! Не отдавайте...

Она перешла на шепот, а потом и вовсе замолчала. Язык ворочался с трудом, будто он весил не меньше пары алинов.

Офицер подошел ближе, легонько ухватил ее за локоть и направил к постели. Юнари не сопротивлялась.

— Вот потому мы с Косталаном и решили тебя спрятать. Он просил передать, чтобы ты не волновалась, ждала его и никуда не выходила...

От его слов на душе становилось спокойно. Косталан помнит о ней, думает, он защитит. У него такие могущественные друзья, которые помогут, если что.

Гость продолжал ворковать прямо над ухом:

— ...как только он сможет хотя бы ненадолго оторваться от своих дел — он сразу придет повидаться. Так и просил передать.

Юнари кивала, на слова сил уже не хватало. Испарились куда-то, словно после целого дня непосильного труда. Странно, а вроде бы совсем недавно проснулась. Тело казалось чужим, незнакомым.

Она опустилась на кровать, упала на спину и моментально забылась.

— Вот и хорошо, девочка, — сказал Зрачок Креганон. — Отдыхай. Сон тебе не помешает.

Верный слуга Всевидящего Ока вынул из-за пазухи небольшой пузырек, подошел к столу с едой и быстрыми, точными движениями капнул немного в вино и в небольшой кувшинчик с ягодным настоем. Девушка спит уже двенадцать дней и явно потеряла счет времени. Ей кажется, что из

дома ее увезли совсем недавно, вчера или позавчера. Вот и хорошо.

Меньше мороки.

Смешно. Она каждый раз спрашивает, не служит ли он Всевидящему Оку, а он каждый раз сознается. Сонник из трутовых грибов не только пробуждает странные видения, но и на память действует. Жалко будет, если придется держать ее здесь до конца — тогда девочка может и забыть своего Косту.

— Отдыхай, — повторил Креганон снова и вышел из комнаты. Щелкнули невидимые запоры, и Юнари снова осталась одна.

Приятно, когда люди зовут тебя мастером и смотрят в рот. Приятно, когда прислушиваются к каждому твоему слову, а любое приказание выполняют беспрекословно. Но очень трудно, а порой и почти невозможно продолжать работу не с теми людьми, с которыми начинал. Все приходится объяснять заново, проверять знания нового человека, его надежность. А потом повторять все это снова и снова.

Практически каждое утро в мастерской не досчитывались одного-двух работников. Обычно, кого попроще: подмастерьев и подносчиков, но иногда и заслуженных, опытных литейщиков. Всевидящее Око прочесывал людей Косталана, словно гребнем, частым и смертоносным. Легионеры охраняли все входы и выходы, старый знакомец Веко торчал в кузнях почти безвылазно. К самому мастеру Ресницы относились подчеркнуто уважительно, некоторые даже кланялись, но стоило ему попытаться выйти на улицу, как его тут же остановили.

— Стойте, Косталан-са! Вам нельзя.

Задерганный и усталый кузнец моментально потерял над собой контроль:

— Что, нельзя даже за ворота выйти?! Это что, тюремная башня? Я заключен под стражу?! Тогда наденьте на меня цепи!!! Приклепайте прямо к пароделу, чтоб никуда не убежал!!!

Ресницы Ока слушали спокойно, лишь один, мрачный тип с выжженным клеймом грабителя караванов, крепко стиснул ложе самострела. Побелевшие костяшки пальцев и давящий взгляд исподлобья не укрылись от Косталана. Он рванул легионера за руку:

— Давай, стреляй! Что же ты?! Охраняй меня еще лучше! До смерти!

Кузнец едва не вырвал оружие — силы ему было не занимать. Стражник хотел было оттолкнуть его, двинул плечом и тут же получил в ответ сокрушительный удар в грудь. Легионер повалился на землю, остальные сдвинули пики, на мертвое перекрыв ворота. Пострадавший охранник тяжело ворочался в пыли, страшно ругался и шарил рукой в поясном кармане, нащупывая самострельные болты. Неизвестно, чем бы кончилась потасовка, но в самом начале перепалки один из Ресниц со всех ног бросился за командиром. Веко поспешил к воротам, выкрикивая на ходу:

— Косталан-са! Мастер! Постойте!

Кузнец обернулся. Несколько дней назад офицер представился, назвавшись древней аристократской фамилией — Лебанури. А потом смущенно пробормотал, что он больше привык, когда его называют Скользким за невиданное умение добывать у зазевавшихся ротозеев кошельки и связки с monetami. Наверняка сиятельный предки бывшего вора, а ныне — командира надсмотрщиков, с неодобрением смотрели на потомка, забывшего о чести рода. Но и он вряд ли смолчит в ответ: кто-то из них промотал состояние, оставив ему в наследство лишь поблекшую славу и кучу неоплаченных займов.

— Ваши люди, Скользкий-са, не выпускают меня из мастерской!

Если Веко и заметил подначку, то никак на нее не отреагировал.

— Но вы же знаете, что происходит, Косталан-са! Мастер Хинновари до сих пор не найден, литейщик Сантори скрылся, от солмаонских шпионов проходу нет! В такое время мы просто не можем вас выпустить, это опасно! Вы же понимаете, если они не смогут вас похитить, они убьют вас!

Убьют, не задумываясь! Сюда им хода нет, но вполне возможно, что они только и ждут момента, чтобы вы появились в городе. Мы не можем рисковать вами, Косталан-са! Поймите! Уважаемый Зрачок Креганон и я — мы лично отвечаем за вашу безопасность перед самим Оком! Никто вас не арестовывал! Ресницы Ока на воротах и в мастерских — это охрана, а не стража. Понимаете разницу?

Вечером мастеру доставили послание от Креганона. Высокопоставленный (Косталан вспомнил старую форму этого слова — «высокосидящий» — и невесело усмехнулся) офицер писал: «...с Юнари все в порядке. Она в надежном месте, о ней заботятся и охраняют. Часто спрашивает о вас, просила передать, что с нетерпением считает дни до вашей встречи...»

Кузнец так и не понял, что Зрачок хотел сказать этим письмом. То ли пытался успокоить, то ли ненавязчиво напоминал о негласном «договоре» между ними. В конце концов, он все же пришел к выводу: письмо — своеобразная форма скрытой угрозы. Наверняка Креганону доложили об утреннем инциденте у ворот, вот он и поспешил намекнуть буйному мастеру: не рыпайся, мол, иначе сам знаешь, что будет. Ведь твоя подруга у нас.

И все же вопреки чисткам, ежедневным проверкам и саботажу, сердце пародела — котел уже водрузили на кузачный стол. Обычная наковальня здесь бы не подошла, пришлось делать специальный постамент. Посовещавшись с опытными мастерами-литейщиками, Косталан решил, что процесс соединения должен быть непрерывным: десять человек раскрутят тяжеленный ворот, медленно вращая сложенные вместе половинки котла. А разогретый металл начнут плющить по стыку молотами, сваривая «суповое» железо в единое целое.

Он хотел поставить на ворот подмастерьев помоложе, но людей не хватало: кто-то должен был раздувать меха, поддерживая равномерный нагрев всего стыка, кто-то — счищать нагар и менять молоты на более легкие. Пришлось обратиться за помощью к Веку. Тот послал курьера к начальству, и уже к середине дня в ворота кузни под охраной легионеров вступила колонна закованных в цепи людей.

Не дожидаясь недоуменных вопросов, Лебанури-Скользкий объяснил:

— Это грабители и убийцы, Косталан-са. Их преступления столь ужасны, что им даже отказали в праве стать слугами Всевидящего Ока, приговорив к очистительному сожжению перед лицом Небесного Диска. Но император, да продолжится вечно его правление, в своей милости заменил им смертную казнь на рудники. Их семнадцать, самые сильные и выносливые из всех, что ждали каторжного каравана в городских тюрьмах. Сегодня и все остальное время, сколько понадобится, они будут работать на вас, мастер, а потом их доставят в Найшайские рудники, где они никому ничего не смогут рассказать.

Косталан, насмотревшийся за последнее время на головорезов и душегубов, пусть и бывших, лишь пожал плечами. Но остальные литейщики косились на опасных гостей недобritoльно и даже пытались устроить нечто вроде бунта, наотрез отказываясь поворачиваться к каторжникам спиной. Пришлось усилить охрану, отгородив основную площадку цепью Ресниц Ока.

Нельзя сказать, что смертники оказались такими уж старателями работниками. Но под неусыпным взглядом легионеров — зачастую своих же бывших товарищей по шайке — ворот они крутили исправно.

Молоты стучали по стыку то с нестерпимым звоном, то с тихим, пугающим гулом. Раскаленная полоса сыпала искрами, постепенно свариваясь в одно целое. Косталан внимательно приглядывал за работой, иногда сам брался за молот.

При свете факелов и плавильных печей работа продолжалась почти всю ночь. К утру беспрерывная молотьба закончилась, подмастерья сели зачищать стык. Правда, в разговорах кузнецы и литейщики теперь все чаще называли его швом.

Проверял мастер все сам. Опытные литейщики с возрастом слабели глазами, а молодым парням столь важное дело не доверишь по вполне понятным причинам. Из мастерской резчиков, что украшали стволы бомбард узорами и рисунками, принесли увеличительное стекло — самое лучшее из всех, какие нашлись. Косталан внимательно, по мельчайше-

му кусочку длиной в ноготь, осмотрел весь сварной шов, проверяя качество соединения. Но ни синих полос, означающих, что металл перегрелся при ковке, ни грубой зернистой массы, какая бывает, когда «суповое» железо остывает слишком рано и неравномерно, не обнаружилось. К огромному облегчению, как самого мастера, так и всех остальных.

Первый этап завершился — готовый котел зловещим черным шаром возвышался посреди двора мастерской. Косталан приказал разжигать маленькие печи для разогрева скрепляющих полос, а сам сел писать Зрачу Креганону победную реляцию. Не без намека: в любой удобный для него момент, слуга Ока снова без колебаний нарушит их договор, поэтому кузнец и сам решил, что не слишком связан обязательствами.

И решил потребовать встречи с Юнари.

Письмо было уже почти готово, когда к нему постучался Лебанури:

— Преступники больше не нужны, Косталан-са?

— Нет, все. Забирайте своих друзей.

Веко опять проигнорировал подколку, а на просьбу прислать курьера — согласно кивнул и вышел.

Прямо из ворот кузни каторжников под усиленным конвоем погнали на Рудничный тракт. Под вечер, в двухстах перестрелах от города командир каравана приказал остановиться на ночлег. Небольшой овраг недалеко от дороги показался ему удачным местом.

Преступникам приказали сесть, освободили одну руку, раздали мисы для вечерней порции похлебки и... расстреляли из самострелов. Всех.

Косталан об этом так никогда и не узнал. Впрочем, даже если и узнал бы, вряд ли смог повлиять на их судьбу.

Солнце уже закатилось, Небесный Диск нервно полз к востоку, а ответ от Креганона все не приходил. Тем временем кузнецы отлили все пять стягивающих полос, остудили в воде для вящей крепости. Косталан проверил качество металла и... разразился проклятиями.

Четвертая по счету полоса оказалась бракованной: в железе отчетливо виднелись небольшие пузыри и узенькие каверны — зачатки трещин. Видимо, кто-то не вовремя налег на мехи, в расплав попал лишний воздух, а потом, вместо того, чтобы дать металлу растечься, его сразу же охладили.

Опытный мастер так ошибиться не мог. Да и подмастерья тоже: железная полоса едва ли не самый простой вид выплавки, ему учат практически сразу, на первых уроках, ведь квадратные чушки-крицы и длинные полосы — основа основ кузнецкого дела. Из полос выделяют почти все небольшие предметы — лезвия ножей, мечи, наконечники копий, лемехи мотыг и кирок, пластины доспехов...

Ошибка невозможна. Сотни одинаковых плавок приучают руки действовать самостоятельно, механически и бездумно.

Значит... работа запорота намеренно. С одной единственной целью: затянуть постройку пародела. Или в надежде, что никто не заметит повреждений, полосу используют по назначению, а в самый ответственный момент она лопнет, повредив котел.

Косталан собрал людей посреди двора:

— Кто готовил четвертую полосу?

Литейщики переглянулись, некоторые пожали плечами. Разве упомнишь, мол, каждый работал, где мог, все переплелось.

— Не знаете?! — в голосе мастера послышалась угроza. — Не верю! Мне что, вызвать Креганона?!

— Не нужно никого вызывать, Косталан-са, я уже здесь.

Зрачок Всевидящего Ока стоял у готовой громады котла в окружении Ресниц. Легионеры выглядели решительно — в присутствии высоких чинов они всегда чувствовали себя уверенными. Так уж повелось, с воровских еще времен.

Кузнец кивком поздоровался, постаравшись даже таким малозначащим жестом выказать максимально возможное презрение. Но в глубине души он не мог не признать — неожиданное появление Зрачка в этот раз совпало с его желанием.

Ресницы окружили кузнецов, уперли пики в землю, наклонив вперед тяжелые наконечники. Люди Косталана разом

оказались в кольце смертоносного железа, которое вполне возможно когда-то сами выковали.

— Мы разберемся, Косталан-са, — тихо сказал Креганон. — Спасибо за помощь.

Это был намек: не мешай, мол. Возмущенный приказным тоном, мастер не двинулся с места. Сказал:

— Мне нужно поговорить с вами, Креганон.

— Зрачок Креганон... — прошипел один из легионеров.

— Хорошо, — согласно кивнул офицер. — Я зайду к вам чуть позже. Вот только выявим предателя...

Косталан вернулся в небольшую каморку, где обычно просматривал чертежи. Теперь он и спал здесь, иронично называя комнатку кабинетом.

Он расстелил на столе рисунок водоподъемного колеса, к которому возвращался в редкие свободные минуты. Но работа не шла — мастер ясно представил, как люди Креганона, не найдя саботажников, заламывают руки ни в чем не повинным литейщикам, вяжут за спиной локти, вешают колодки на шею и тащат прочь со двора. Остальные смотрят на них со смешанными чувствами: облегчение, жалость и ненависть слились в причудливый коктейль. А в голове неотступно бьется одна мысль, одна на всех — кто будет следующим?

— НЕEEEEET!!! — закричали во дворе. — Это не я!!!

Загоготали легионеры.

— Куда? Стоять!!!

Звон железа, смачные удары по чему-то мягкому. Сдавленный крик.

Косталан выскочил из комнаты и успел разглядеть, как Ресницы выводили через ворота двух литейщиков — старика-отца, признанного мастера и его сына, не слишком умного, но сильного и умелого молотобойца. Молодой парень шел согнувшись, с трудом переставляя ноги. Лицо его было в крови.

— О чём вы хотели поговорить со мной, Косталан-са?

Зрачок стоял совсем рядом на расстоянии вытянутой руки.

— Ваше умение появляться незаметно поражает. Талант или многолетняя практика?

— Работа, — лаконично отрезал Креганон.

— Эти двое... они признались?

— Нет, все отрицают. Но плавку четвертой полосы производили именно они.

— Откуда вы знаете?

— Сверили показания всех остальных. Поверьте, у нас есть опыт в подобных делах. Ваши люди рассказали, где был каждый из них и кого видел рядом с собой. Все сходится, кроме этих двоих. Они пытались свалить вину на парня по имени Сантори, того литейщика, который сбежал. Якобы это он тайно проник сюда и запорол плавку.

— Чушь!

— Я тоже им не поверил. Ничего, на Доске Правды они выложат все. Но это несущественно, Косталан-са, главное, что мы избавили вас еще от двоих саботажников.

— Да, но теперь мне опять понадобятся новые люди. Старик, кстати, отлично разбирался в цветовом калении железа, после мастера Хинновари он — лучший. Где теперь взять нового?

— Ну, найти хорошего мастера все же проще, чем строить новый котел. Незаменимых людей нет, — цинично закончил Зрачок и неожиданно сменил тему. — Так о чём вы все-таки хотели поговорить со мной?

— Что? — кузнец с трудом отвлекся от мрачных дум. — А! Я хочу видеть Юнари. Привезите ее сюда!

— Не могу, Косталан-са. Мы же договорились.

— Однако с тех пор вы неоднократно дополняли и нарушали «договор», — с нажимом произнес Косталан. — Или я не прав?

Креганон пожал плечами:

— Я всего лишь старался верно служить императору. В том, что я был резок с вами, виноваты только вы сами и ваше упрямство. Почему я решил ограничить свободу Юнари, вы знаете. Или лучше было бы оставить ее дома?

— Нет, но...

— Вот именно — «но», Косталан-са. Вы пытаетесь углядеть во мне злодея, а я просто делаю свою работу. И к тому же делаю хорошо, лучшим доказательством чему — вы сами.

Вы живы, имеете возможность спокойно работать, ваша подруга в безопасности. Не будь я столь ревностен в исполнении своих обязанностей, кого-нибудь из вас давно бы похитили или убили.

— Хорошо, хорошо, — мастер махнул рукой, — вы умеете красиво говорить и играть словами. Это я понял еще во время нашей первой встречи. Тем более, что кое в чем вы правы. Надеюсь, моя работа также убедила вас, что я готов трудиться во благо Соцветия и не собираюсь продавать чертежи шпионам Солмаона. Но я могу хотя бы увидеть ее?

Зрачок долго молчал. И только когда тишина стала совсем уж невыносимой, он произнес:

— Думаю, это можно устроить. Я обещаю вам.

— Я... я не знаю, стоит ли вас благодарить, Креганон... — кузнец запнулся. Говорить «спасибо» человеку, которого он считал личным врагом и которого дважды едва не задушил?

— Не стоит, Косталан-са. Я знаю, что вы обо мне думаете, и благодарность вряд ли будет искренней. Возвращайтесь к работе. Как только вы запустите пародел, я отвезу вас к Юнари.

По приказу самого Всевидящего Ока кузнецов стали обыскивать по несколько раз в день. Утром, по приходу на работу, чтобы — не приведи Небесный Диск — не прихватили с собой чегο-нибудь с тайным умыслом, и вечером, дабы не могли вынести из мастерской деталь пародела или черновой вариант чертежа. Впрочем, досмотр касался только тех, кого на ночь отпускали домой — в основном, старых, заслуженных мастеров. Большинство же литейщиков, молотобойцев и подмастерьев ночевали в кузнях. Их перевели на казарменное положение вместе с Косталаном.

Правда, от обысков это не спасало — легионеры устраивали их внезапно, на перерывах, а то и во время работы.

Но, несмотря на саботаж, бесконечные обыски, несмотря на то, что людей забирали иногда прямо из мастерской и никто из них так и не вернулся, через два дня разогретые до красного каления полосы свернули в кольца, сварили и натя-

нули на котел. Остывая, они крепко сжали корпус, сделав его еще прочнее.

Оставалось вывести желоб для выпуска пара, приделать к нему прочную дверцу — и пародел готов.

В день испытаний первой модели, своего детища Косталан проснулся рано. Рассвет еще только разворачивал на востоке свои непобедимые полки, вызолотив солнечными лучами половину неба.

Кузнец наскоро умылся, перекусил сухими хлебцами и фруктовой пастой, что остались с вечера. С грустью вспомнил Юнари, ее великолепную стряпню, добрые руки и... «Коста, милый».

Ничего, если сегодня все пройдет удачно, они скоро увидятся.

Косталан попросил Небесный Диск не отворачивать от него свой лик и хотя бы немного помочь. Мельком подумал, что надо будет пригласить потом Солнечного жреца и освятить пародел. На всякий случай. А то найдется в императорском дворце какой-нибудь ревностный блюститель веры, обвинит в колдовстве — и все. Бесполезно будет доказывать на суде Ересей, что верен Небесному Диску и Пресвету. Солнечные не любят, когда про них забывают. Арнарау Фейдасский слишком поздно это понял: по указанию жрецов легионеры Ока замуровали его заживо в собственном изобретении — в чане с быстротвердеющей строительной смесью. А через каких-нибудь десять лет раствором минерала «кость земли» с добавкой яичных скорлупок и kleящей смолы спокойно пользовалось все Соцветие.

Котел стоял на возвышении — черный, давящий и одновременно свой, известный до последней царапины. Косталан подошел к нему, положил ладони на шершавый бок. Пародел не отозвался на прикосновение, без воды, огня и пара он выглядел мертвым и неподвижным. Но мастер знал, как обманчиво такое впечатление. Уже совсем скоро языки пламени лизнут гладкие черные бока, а внутри забурлит, изойдет паром кипящая вода. Две извечно враждующие стихии соединятся, рождая новую, невиданную силу в помощь немощным человеческим рукам. Несмотря на все патриотические заве-

рения Креганону, мастер продолжал считать, что создает пародел в первую очередь для блага людей, а не для их уничтожения.

Если, конечно, все рассчитано правильно.

Если нет ошибок в конструкции.

Если враги не проявят себя снова и не попытаются разрушить котел.

От нетерпения Косталан начал расхаживать по просторному двору мастерской, заново просчитывая в уме, все ли готово, и что еще из многократно проверенных частей стоит проверить еще раз.

Наконец проснулись литейщики, загомонили, в воротах легионеры уже обыскивали раннюю пташку — первого из мастеров, расчетчика Ринтагавора. Старый математик тоже вложил в пародел немало труда, волновался за него, проворочался всю ночь, но так и не смог заснуть. Седина в волосах, седьмой десяток пошел, а нетерпелив, как мальчишка. Вроде вон того молодого мастера-изобретателя, что яростно меряет шагами двор. Два сапога — пара. Сейчас еще и главный литейщик Енгарно заявится... А! Вот и он, легок на помине.

Скорее всего, Всевидящему Оку тоже не терпелось. Солнце поднялось совсем невысоко, может, на три ладони от горизонта, как в кузни пожаловал Зрачок Креганон. С ним приехал невысокий пожилой чиновник с золоченой серьгой в ухе и нарукавным знаком личного посланника императора. Ресницы кланялись ему чуть ли не до земли, литейщики приветствовали несколько более сдержанно, но тоже эмоционально: шутка ли — сам Беспристрастный Свидетель, глаза и уши императора, да продлится вечно его правление!

Не зря, значит, лютовали слуги Ока — дело-то и впрямь выходит не простое, государственной важности.

Зрачок подошел к Косталану:

— Доброго дня, Косталан-са!

— Доброго... — проворчал кузнец. Совсем промолчать он все-таки не смог — слишком важный день сегодня, зачем очернять его ненавистью?

А вот Свидетелю мастер поклонился. Тот кивнул в ответ, как и подобает в таких случаях: вижу, мол, приветствие

и тебе, добрый мастер. Сам понимаешь, сейчас мне не положено проявлять эмоции, я должен оставаться беспристрастным, чтобы доброе расположение или неприязнь не смогли повлиять на мой рассказ императору.

— У вас все готово? — спросил Креганон. — Тогда начинайте. Всевидящее Око, советники и сам император, да продлится вечно его правление, ждут от нас вестей. Негоже заставлять их ждать слишком долго.

Косталан кивнул, махнул рукой:

— На-ачали!!!

Подмастерья скорой ногой натаскали в котел воду, другие сложили под ним целую гору поленьев маслистого дерева. Кузнец специально выбрал именно его — он жара выделяется горючая смола, всыхивает сама, и в итоге дрова горят раза в полтора дольше обычных, ровно и надежно.

Еще вчера Косталан мечтал самостоятельно зажечь огонь на первых испытаниях. Но сейчас передумал. Вытащил из-за пазухи кресало, протянул расчетчику:

— Ринтагавор-са, вы самый почтенный человек среди нас. С вашими годами не сравнится никто. Вам и честь.

Краем глаза кузнец заметил, как удивленно приподнялась бровь у Креганона. Может, думал, что ему предложат зажечь огонь? Нет, вряд ли. Скорее всего, не понял, почему это изобретатель доверил другому то, что по праву принадлежит ему. Наверняка, и объяснение нашел, сообразно своей извращенной соглядатайской логике.

Мастер Ринтагавор целое мгновение, показавшееся Косталану вечноностью, смотрел прямо на него. В уголках глаз старика кузнец заметил блестящие слезинки. Потом расчетчик коротко поклонился, кряхтя, присел перед котлом и чиркнул кресалом. Искры брызнули на поленья, те сразу засияли и, спустя совсем немного времени, весело потрескивали. В чистое, по-утреннему прозрачное небо поднялся столб сизого дыма.

Сзади кто-то неистово молился Небесному Диску — его красный, всевидящий глаз как раз появился над горизонтом. Косталан и сам поймал себя на том, что губы шепчут слова покаяний и просьб.

Ринтагавор завороженно стоял и смотрел на пламя, сжимая в руке кресало. Мастера позвали, но он, казалось, ничего не слышал. Два подмастерья, испросив разрешение у Косталана, осторожно взяли старого расчетчика под руки, увели под сень навеса, принесли скамеечку. Он сел, все так же неотступно наблюдая за пляской огня и крепко зажав кресало в кулаке.

Внутри котла постепенно нарастал глухой шум, потом забурлила вода. Пародел закипел.

— Пора! Открываем желоб! — сказал литейщик Енгарно. Руки мастера жили своей беспокойной жизни — он то стискивал их, то теребил бляху с молоточками, знак своего цеха, то нервно почесывал подбородок.

— Рано, — ответил Косталан. — Чем больше воды обратится в пар, тем теснее ему будет внутри. А значит, тем больше окажется его сила.

Шум становился все сильнее, котел начал вздрагивать и покачиваться.

— Присоединяйте груз! — скомандовал Косталан.

Подмастерья в толстых кожаных рукавицах — чтобы не обжечься, заткнули выходной желоб толстой железной чушкой, привязали к ней груз и перекинули веревку через попечную балку постамента.

Креганон обернулся к мастеру:

— Что это?

Жгучий огонек интереса в его голосе нельзя было не услышать.

— Эту часть мы называли толкателем. Пар внутри рвется наружу, но мы откроем ему лишь узкий желоб, отчего сила увеличится многократно. Пар устремится вперед, двигая толкатель перед собой. Тот, в свою очередь, потянет груз, привешенный на веревке, и мы сможем узнать, какова сила пародела.

— Сколько весит груз?

В первое мгновение Косталан даже не сообразил, кому принадлежит этот скрипучий, лишенный всяких интонаций голос. Потом сообразил.

— Сто алинов, Беспристрастный Свидетель. Немногим больше взрослого человека.

— Вы думаете, пар сможет поднять такой вес? — не-доуменно спросил Зрачок Креганон. — Легкий, невесомый пар?

Несмотря на внутреннее напряжение, Косталан усмехнулся. «Да, есть в Поддисковом мире такое, над чем ты не властен. И что не поймешь никогда, как не напрягай свой палаческий умишко!»

— Сейчас увидите.

Котел дрожал, как крыша дома при небольшом землетрясении. Шум бурлящей воды усилился настолько, что мешал разговаривать.

Косталан шагнул вперед, развел руки в стороны — разойдись, мол — и взялся за веревку, открывающую заслонку выпускного желоба.

— Ну! — прохрипел Енгарно. Он стоял красный, как заходящий Небесный Диск. У мастера-литейщика всегда были нелады с кровью, лекари называли эту болезнь загустением. От долгой работы или, как сейчас, от сильного волнения, его кровь густела, начинала течь медленнее, отчего Енгарно становился похожим на перезрелый плод солнечного дерева.

— Х-ха! — выкрикнул Косталан, с силой потянул веревку. Она поддавалась с трудом, и ему пришлось повиснуть на ней всей тяжестью.

Заслонка со звоном выскочила из пазов, но этот звук услышал только сам мастер, потому что стоял рядом. Перегретый пар рванулся наружу с таким ревом и грохотом, что с окрестных деревьев снялись птицы, а люди, стоящие вокруг на какое-то время просто оглохли.

Толкатель полетел вперед, словно от хорошего пинка, потянул за собой стоалиновый груз. Тяжеленная чушка легко, как человеческий волос, взлетела на высоту балки, перемахнула через нее, замерла на мгновение в самой верхней точке траектории, а потом рухнула на землю, разметав аккуратную поленницу запасных дров.

Такого эффекта не ожидал даже сам изобретатель. Косталан посмотрел на здоровенную железную дуру, которая только что летала, словно птица, помотал головой и заорал во все горло.

Крик подхватили остальные, заглушив даже змеиное шипение выходящего пара. Подмастерья и литейщики поможе обнимались, ворили, будто детишки на площадке для игр. Мастера Енгарно и Рингагавор, не сговариваясь, подошли к изобретателю и одновременно поклонились. Не как равному, а как ученики своему учителю.

Косталан смущился, подскочил к ним, обнял, заставил выпрямиться и сам склонил голову, словно нерадивый сын.

— Я бы ничего без вас не смог, благородные умельцы. Спасибо, мастер Енгарно. Спасибо, мастер Рингагавор.

«Благородные умельцы» — так на древнем наречии называли только настоящих искусствников, способных, по преданию, подковать домашнего жука-усача или связать сотни железных нитей в неведомый узор при помощи одного только молота.

Мастер-литейщик что-то пробормотал в ответ, смахнув украдкой набежавшую слезу, а расчетчик заплакал почти в открытую, не стесняясь. Бесцветные старческие глазалучились силой и молодостью, как в те давние времена, когда молодой Рингагавор впервые пришел на двор императорских кузней.

Зрачок Креганон подошел, как всегда незаметно. Косталан даже вздрогнул, услышав голос слуги Ока. Но в его словах слышалось только неподдельное восхищение. От привычной жесткой иронии и издевки не осталось и следа.

— Поздравляю вас, Косталан-са! Поздравляю от всей души! — восторженно сказал он. — Не зря я в вас верил и защищал перед Всевидящим.

— Спасибо, Креганон, я...

— Не говорите, что тронуты моей похвалой, не поверю. Мне больше по душе честный мастер Косталан, который однажды чуть не убил меня, чем искусный льстец.

Кузнец хотел сказать, что Всевидящее Око мог потерять своего самого верного слугу как минимум дважды, но промолчал. Сейчас он как никогда раньше почувствовал, сколь ничтожна может быть ненависть к человеку, который изначально не достоин сильных эмоций. Ненавидеть можно настоящую личность, а кто такой Креганон? Заплечных дел

подмастерье Всевидящего Ока, угрожавший Косталану, пока тот был подозреваемым в крамоле. Зрачок играл с ним, как хотел, пока мастер находился на положении арестанта, вынужденный строить свою мечту взаперти. Теперь, когда машина есть и действует, когда заинтересованный император присыпает на первые испытания Беспристрастного Свидетеля, когда есть все шансы, что молодой изобретатель может подняться высоко, купаясь в лучах славы и благожелательного внимания, Креганон лебезит перед ним, выказывая одобрение.

Совсем как Веко Лебанури недавно. Может, у них так заведено?

Кузнец вздохнул. К сожалению, не только у них. «Нисходящего — толкни, восходящего — лизни», — сказал как-то мастер Саригано, вразумляя молодого ученика. Пошутил вроде. Но странное выражение его глаз Косталан запомнил навсегда. Они словно бы говорили: пойми, парень, истина — не всегда то, что высказывается вслух.

«Эх, Саригано-ансей, где ты сейчас? Хорошо, если на руднике. По обвинению в измене могли и к очистительному сожжению приговорить ...»

— Скажите, Креганон, а где сейчас мастер Саригано?

Зрачок не изменился в лице, все так же продолжая улыбаться, разве что появилась дополнительная морщинка на лбу — показатель суровости, да улыбка стала немного безжизненной.

— Странно, что в такой момент вы интересуетесь судьбой преступника.

— Оставьте. Вы прекрасно знаете, почему я вас об этом спрашиваю. Саригано — мой учитель, мы вместе начинали делать машину. Именно он ее так назвал, я предполючию слово «пародел». В день, когда она заработала, я хотел бы стоять с ним рядом. Если он действительно преступник...

— Вы считаете, что мы можем осудить невинного?

— Я ничего не считаю, Креганон. Бросьте эти ваши ловушки и неожиданные вопросы. Я просто спросил — где он?

— На рудниках. Не волнуйтесь — не в забое. Мы же не звери, понимаем, что не в его возрасте рубить камень киркой. Он руководит прокладкой новых штреков.

Косталан кивнул. По тону Креганона тяжело понять — врет он или нет. Похоже, говорит правду. Легкой тебе работы, Саригано-ансей...

— Спасибо.

— Не за что. Поймите, Косталан-са...

И тут снова подал голос Беспристрастный Свидетель.

— Сто алинов ваш пародел поднял без труда. Почему вы взяли именно столько для первого опыта?

— Я поначалу сомневался, какой груз вешать. Может, десять или двадцать алинов для начала? Но потом вспомнил случай, который и подсказал мне идею машины. Я тогда как зачарованный смотрел на крышку котелка с похлебкой, что прямо-таки плясала под действием пара. Его там было совсем ничего — и винную чашу целиком не наполнить, а крышка весила не меньше алина.

— Каков же предел по тяжести груза? Как вы думаете?

— Не знаю. Для этого, — Косталан указал на пыхтящий котел, из которого все поднимались наверх струйки пара, — примерно раза в три больше, двести пятьдесят, триста алинов. Для разового опыта, как сейчас. Если же сделать возвращающую заслонку и выпускать пар постоянно, то чуть поменьше, алинов двести.

— А что будет, когда выкипит вся вода?

— Пародел придется остановить. Но это же только модель. В движителе, который мы разрабатываем с мастером Ринтаговором, отработанный пар будет охлаждаться, возвращаться по трубам обратно в котел и снова использоватьсь. Таким образом, машина проработает сколько угодно долго, пока не закончатся дрова.

Беспристрастный Свидетель кивнул, завернулся в обшлаг рукава и прикрыл свой значок. Что означало: я увидел все, пора ехать на доклад к императору.

— Заполняйте котел! — скомандовал Косталан подмастерьям. — Да смотрите, не обожгитесь паром!

Повернулся к Креганону и сказал:

— Не пора ли вам выполнить свое обещание?

Зрачок немного помялся, кивнул:

— Да-да, конечно. Только с вами поедет Веко Лебанури, мне нужно сопровождать Беспристрастного.

«Да мне все равно! — подумал кузнец. — Что портовый налетчик, что трактирный воришко!»

— Только вам придется завязать глаза. Вы не против?

— Это почему вдруг?! — взвился Косталан.

— Чтобы вам не пришла в голову крамольная мысль однажды прокрасться к своей подруге и вырвать ее из наших грязных лап, — ерничая, проговорил Зрачок. Потом резко посерезнел и закончил фразу самым обыденным тоном: — Поймите, мастер, нет знания — нет соблазна. Вы не убежите искать Юнари, не зная, где она. Останетесь здесь. И — соответственно — останетесь живы и на свободе, ибо за стены кузней Солмаону хода нет. Я боюсь за вас, Косталан-са, у меня такая работа.

«Ты действительно боишься. Только совсем не того, о чем говоришь. Ты боишься, что я найду ее и убегу, не построив тебе смертоносный флот паровых кораблей!»

Повозка долго тряслась по ухабам, то и дело поворачивая, из чего Косталан заключил, что его возят по городу кругами, стараясь запутать. Наконец скрип колес сменился ровным стуком — повозка въехала во двор, выложенный каменными плитами.

— Приехали, мастер! — сказал Веко и снял повязку с глаз.

Двор ему рассмотреть не дали, два дюжих легионера (где только таких нашли?) потащили его вверх по ступеням дома. Единственное, что молодой изобретатель успел применить — замшелый фонтан посередине и увитую выонком стену без единого окна.

Долгие, почти бесконечные коридоры — Косталан даже удивился, неужто его привезли в Мраморный город? Только там есть такие огромные дома.

Наконец Веко Лебанури остановился перед ничем не примечательной дверью и сказал:

— Стоп! Пришли!

Он вошел внутрь, но тотчас появился обратно:

— Тсcc! Она спит. Идите, мастер. Только не испугайте ее.

— Разберусь! — мотнул головой Косталан. — Сколько у меня времени?

Бывший вор-аристократ по кличке Скользкий улыбнулся:

— Вообще-то Зрачок Креганон обещал прибыть к заходу. Может, раньше.

— И он не сказал вам, когда нужно вернуть меня назад? — недоверчиво спросил кузнец.

— Нет, мастер. Он просто забыл. Сами понимаете, Беспристрастный Свидетель занял всего его помыслы.

— А вы?..

— Что — я? Я не могу брать на себя ответственность. Мне приказали доставить вас сюда, и я это сделал. Дальше все решает Зрачок Креганон.

Косталан благодарно кивнул. На миг ему даже сделалось стыдно за то, что он все время подначивал Лебанури. Вне бдительного ока начальства он, оказывается, не такой уж плохой человек.

Он вошел в дверь, откинул шитую занавесь.

Посреди широкой и просторной комнаты стояла разобранная постель невероятных размеров. На ней, свернувшись клубком и поджав ноги, спала Юнари. Покрывало валялось рядом — она как обычно ворочалась ночью и сбросила его на пол.

Мастер сел рядом, накрыл девушку покрывалом, подоткнул края. Больше всего на свете ему сейчас хотелось сжать ее в объятиях, но во сне Юнари выглядела такой беззащитной, что Косталан не осмелился ее тревожить.

Вдруг она пошевелилась, улыбнулась во сне и прошептала:

— Коста, милый...

Он ласково погладил Юнари по плечу, наклонился и поцеловал в щеку. И, видимо, уколол щетиной, к которой за последнее время уже успел привыкнуть. Она ойкнула, попыталась отмахнуться, скорее всего, посчитав мастера каким-нибудь кусачим насекомым.

Широко распахнула глаза и радостно закричала:

— Коста! Это и правда ты?

— Я, милая, — сказал он. — Я с тобой.

С восторженным визгом она бросилась ему на шею, обхватила руками и ногами, крепко прижала к себе, явно не собираясь больше никуда отпускать. Косталан хотел что-то сказать, но ему не дали: Юнари, плача и смеясь одновременно, целовала его без остановки, куда придется. Кузнецу пришлось говорить короткими фразами, как перебежками, в недолгие мгновения пауз, когда девушка останавливалась, чтобы передохнуть и вытереть слезы.

— По... подожди, я... небрит, да и... умыться не успел... примчался к тебе... сразу из мастерской.

— Мне все равно, выбрит ты или нет, Коста. Ты мне любым нужен. Я же люблю тебя.

У мастера закружилась голова. Опять, совершенно некстати, вспомнились красивые фразы из древних книг. «Им многое нужно было сказать друг другу!»

Но разве три простых слова, что чаще всего произносят в Поддисковом мире и сильнее всего жаждут услышать — это много? Всего лишь три слова, способные перевернуть мир и раскрасить жизнь самыми яркими цветами. Так значит, все-таки — много?

Если бы Косталан знал всю правду, то вероятнее всего никогда бы не стал благодарить Лебанури. Он бы просто задушил его.

Креганон не забыл отдать приказ. Отнюдь. Наоборот, он оставил очень четкие и подробные распоряжения и потребовал от Века беспрекословного исполнения. Зрачок Всевидящего Ока хотел, чтобы легионеры выждали за дверью немногого времени, а потом — вломились в комнату Юнари и вытащили оттуда Косталана. В каком бы виде он не оказался; в этом месте Креганон глумливо усмехнулся. Грубо оторванный от своей подруги, кузнец сделает все, чтобы побыстрее вернуться к ней. Он станет покладист, послушен и больше никогда не посмеет перечить самому Зрачуку!

Но в планы людей, хороших и плохих, как обычно вмешалась судьба. Неумолимая и беспристрастная, она расставила все по местам.

Косталан даже не успел привыкнуть к тому, что Юнари снова сидит у него на руках, не успел вспомнить, как она пахнет и какие красивые у нее волосы. Он целовал их и не мог поверить, что все происходит наяву, что они снова вместе.

Он еще не успел расстегнуть рубашку, чтобы вспомнить цвет ее кожи. И жесткие мозолистые ладони так и не смогли ощутить тепло ее тела.

В дверь постучали.

— Мастер! Косталан-са! Откройте! Скорее!

Кузнец осторожно положил девушку на кровать, поцеловал. С видимым сожалением оторвался от сладких ищущих губ и недовольно проворчал:

— Что еще там стряслось?

В коридоре с ноги на ногу переминался Веко Лебанури.

— Мастер, беда! С котлом неладно!!! Трещит по всем швам! Только что прибыл гонец, говорит, две полосы слетели!!!

— Проклятье!!! — Косталан саданул кулаком в стену с такой силой, что она загудела. — Какой безрукий неумеха за ним присматривает?! Куда смотрит Енгарно?

— Мастер ушел домой, сейчас у котла одни только подмастерья...

— Готовьте повозку! — крикнул мастер и нырнул в комнату. — Юнари, милая, мне опять надо ехать.

Она сникла, как опадающий лепесток.

— Это очень важно?

— Не важнее тебя, милая. Но за постройкой машины следит сам император, я не могу его подвести...

— Да, я помню, этот офицер, знаешь, такой, с лицом пустынной лисицы, сказал, что ты выполняешь очень важный заказ...

— Креганон? Он был здесь? Когда?

— М-м... не помню. Вчера? Или позавчера... не помню, Коста. Он хороший, рассказал, что у тебя все в порядке и что ты скоро приедешь...

— Не верь ему! Слышишь, Юнари! Не верь и не слушай!

— Почему? Он такой честный и добрый.

— Косталан-са! — позвали из-за двери. — Повозка готова.

Мастер подошел к девушке, крепко поцеловал и попросил:

— Жди меня, ладно? Я вернусь, как только смогу. Но обязательно вернусь! И не верь Креганону!

Если бы Косталан поговорил с Юнари подольше, то наверняка заметил бы странности в ее поведении, выпадение дат и заторможенную речь. Но сначала он просто радовался тому, что они снова вместе, а потом — слишком торопился и не вслушивался в интонации.

Когда он вышел, девушка опустилась на кровать. Всхлипнула несколько раз, но не заплакала.

«Надо взять себя в руки. Коста ушел ненадолго. Он вернется, раз обещал. Как в прошлый раз. Сказал, что вернется — и вернулся. Очень быстро, через несколько дней всего лишь. Я подожду, я послушная. А офицеру Всевидящего Ока не буду верить, раз Коста так просит...»

Она протянула руку к столику у изголовья и взяла чашу с ягодным настоем.

В воротах мастерской их встретили испуганные подмастерья.

— Что произошло? — на ходу спросил Косталан.

— Ну, мы... — замялся паренек постарше, оставленный в ночной смене за главного.

— Не мямли! Отвечай толком!

— Мы поддерживали огонь, как вы распорядились. Ханток, — подмастерье кивнул на перепуганного мальчишку с красными пятнами ожогов на руках, — изредка открывал заслонку. А потом ее заклинило. Как мы не старались — втроем навалились — не могли открыть. Послали за вами, а тут как раз веревка оборвалась. Голыми руками-то не возьмешься. Пробовали палкой подцепить или кочергой — ошпарились только. Ну, тогда решили загасить огонь. Залили пламя, растащили поленья, но было поздно.

— Что — поздно? — с замирающим сердцем спросил Косталан.

И тут он увидел. Котел стоял на постаменте покосившись, одна полоса, разорванная пополам, отлетела в сторону, вторая тоже разошлась, но осталась висеть. Издали котел теперь напоминал большого и толстого человека с непомерно маленькими руками. «Руки» были опущены вниз, наверное, от отчаяния. Вблизи мастер разглядел новые повреждения — сварной шов кое-где разошелся, из дыр сочилась вода, стекала по горячим бокам и капала на землю.

Изувеченный пародел плакал.

Всю ночь Косталан просидел над чертежами, так что утром, когда он рассказывал ситуацию спешно прибывшему Креганону и обоим старшим мастерам, у него уже была на готове новая идея.

— ...заслонку заклинило, но машина работала еще какое-то время, внутри скопилось огромное количество пара, поэтому котел и не выдержал — изнутри давило слишком сильно.

— Вы подумали, как впредь избавится от подобных аварий?

— Да, подумал. Надо будет внести небольшое изменение в конструкцию выпускного желоба. Сделать у основания дополнительный запорный механизм, вроде плотины на оросительных каналах. Видели когда-нибудь?

— Доводилось...

— В случае необходимости, если, например, пар внутри котла перегреется слишком сильно, можно открыть механизм, выпустить часть пара наружу и снизить таким образом внутренний напор.

Но при повторном запуске случилось самое страшное.

Котел заново сварили по шву, залив сверху для крепости слоем мягкого железа. Да и полос надели не пять, а целых восемь.

К сожалению, этого оказалось недостаточно.

Сначала все было так же, как и в первый раз — подмастерья заполнили котел водой, принесли дров и разожгли огонь. Пародел запыхтел, вода забурлила.

Косталан внимательно смотрел на шов — не разойдется ли? Но внешне все выглядело вполне normally,стык казал-

ся надежным, полосы держали крепко. Котел грузно покачивался, пар ревел, пытаясь высвободиться.

— Попробуем испытать новый механизм.

Старшие мастера согласно кивнули. Разумно сделать это до того, как пар нагреется слишком сильно, иначе он вырвется наружу весь, и придется начинать опыт сначала, ждать, когда выкипит новая порция.

И на этот раз Косталан никому не доверил управлять запорным устройством котла. Сам взялся за веревку и потянул.

Ничего не произошло.

Мастера переглянулись.

— Наверное, пара еще слишком мало, — сказал Енгардо. — Подождем немного.

Котел меж тем качался все сильнее, шум и шипение пара становились все громче.

Косталан снова попытался открыть запор — и снова ничего не произошло.

— Подбросьте еще поленьев! — крикнул литейщик.

— Нет! — молодой мастер махнул свободной рукой. — Стойте! Не надо!

— Почему? Пара нет, значит, нагрев слишком слабый.

— Нагрев нормальный. Что-то не так...

Он смерил взглядом приплясывающий котел, посмотрел на веревку, дернул ее — она поддалась легко, без сопротивления. Чего не могло быть, если бы запор заклинило.

— Что-то не так... — пробормотал мастер себе под нос.

Внезапно в ровный грохочущий шум вмешались какие-то посторонние нотки. Сначала донесся тихий скрип, потом он усилился, загремел, превратившись в неистовый вой.

Косталан с ужасом смотрел, как прямо у него на глазах одна из скрепляющих полос дрогнула и начала расплзаться. Котел шевелился, как живой, его бока ходили ходуном. Несколько мгновениями спустя он начал раздуваться, словно черная, жирно блестящая туша великана-обжоры.

Молодой мастер закричал изо всех сил:

— Тушите огонь!!! Быстро!

Он все понял, но, к сожалению, слишком поздно.

Подмастерья бросились затаптывать огонь и растаскивать поленья.

Но Косталан, сообразив, что гонит их в самое опасное место, крикнул:

— Прочь!!! Все прочь!!! Бегите!

Он потянул за обе веревки сразу, надеясь открыть хотя бы заслонку выпускного желоба.

И в этот момент котел взорвался.

Оглушительный грохот и звон лопнувшего железа смешался со свистом рвущегося во все стороны пара. Раскаленные куски металла разлетелись по двору. Над головой Косталана про свистел рваный ломоть в пару десятков алинов и со всей силы вонзился в стену. Посыпалась каменная крошка. Площадку за волокло белесым туманом, горячим, как кипяток. Грохот стих, лишь где-то справа еще звенели по плитам железные осколки.

Совсем рядом страшно кричал молодой голос. Косталан шагнул на звук, прикрываясь от пара ошпаренными руками. Хорошо глаза целы, успел вовремя прикрыть, веки только саднит.

Непроницаемые клубы понемногу рассеялись, и мастер увидел странное существо, красное и раздувшееся, как гниющий труп. Оно с дикими воплями каталось по земле, и мастер не без удивления узнал тот самый крик, на который он шел. Не сразу Косталан понял, что перед ним человек. Голый, с раздувшимся багровым телом. Волосы и брови у него куда-то исчезли, а то, что он поначалу принял за лоскутья одежды, оказалось полосами окровавленной кожи. Они странным образом переплелись с равными клоками рубахи и штанов, и человек теперь больше походил на огородное чучело, к которому специально привесили разноцветные ленты, чтобы ветер шевелил их, распугивая птиц.

— Мастер! Косталан-са! Вы живы? — раздался откуда-то издалека крик Века Лебанури.

Кузнец не смог ответить — язык ворочался во рту с огромным трудом, он распух и болен. Видимо, в самый момент взрыва, мастер еще продолжал что-то кричать, и раскаленным паром ему вдбавок обожгло и рот.

— Вы живы? Слава Небесному Диску!

Скользкий возник из облаков пара, как призрак. Подошел к Косталану, мельком глянул на распухшее багровое тело. Оно уже перестало орать, и теперь лишь странно, не по-человечески, хрюпало.

— Кто это?

— Не знаю, — мастер заставил себя посмотреть, прикинул. Как-то не укладывалось в голове, что еще совсем недавно вздувшееся красное нечто было здоровым и полным сил человеком. — Судя по росту — Ханток, подмастерье. Позовите своих людей, пусть отнесут его к лекарю.

— Зачем? — спросил Веко неестественно спокойно. — Он только что умер. Лучше поможем тем, кто выживет.

Пар глушил звуки, но, прислушавшись, Косталан смог различить негромкие стоны справа от себя. Вместе с Лебанури они нашли раненого литейщика — куском железа ему распороло плечо. Кузнец наспех перевязал кровоточащий порез, разодрав на полосы рукав рубахи. Вдвоем они оттащили пострадавшего под навес, вернулись к котлу и почти сразу наткнулись на еще один труп. Косталан узнал его — весельчак Гинтанаро, молотобоец. В животе у него торчал острый как шип осколок железа.

— Сюда!!! Скорее сюда! Мастеру Ринтагавору плохо!

Старик лежал на земле, странно согнувшись и раскинув руки в стороны. Губы его улыбались, а широко раскрытые глаза смотрели вверх, в чистое осеннее небо.

Косталан не сразу понял, что с ним не так. Он даже подумал, что мастер просто почувствовал себя плохо от страшной жары и потерял сознание. И только когда кузнец присел на корточки, он увидел все до конца. Расчетчик оказался разрезан почти пополам — кусок металла распорол ему бок. Но крови почему-то оказалось очень мало. Может, железо было настолько горячим, что прижгло рану?

Вечером, когда кузнец сидел в своей каморке, бессильно уронив голову на руки, к нему заглянул мастер Енгарно. Он встал в дверях и бросил на стол почерневший от копоти обломок железа. На месте скола металл пошел радужными разводами.

— Не казните себя, Косталан-са. Вот виновник наших бед.

— Что это?

— Верхняя часть запорного устройства. Посмотрите.

Косталан взял железную чушку, покрутил в руках. Внезапно глаза его сузились, и он поднес обломок поближе.

— Видите? Кто-то залил отверстие расплавленным оловом. У нас его много храниться для выделки пушечной бронзы, уж полалина всегда найти можно. Расплавить — раз плюнуть в любой из наших печей... Потому-то вы и не смогли открыть запорное устройство.

Кузнец с тоской посмотрел на мастера Енгарно, устало прикрыл глаза и тихо спросил:

— Они все-таки добились своего. Скажите Веку — пусть вызовет Креганона.

— На связи, Ли. Что у тебя плохого?

— Добрый день, командир. Плохое у нас строго по графику — каждый день по двадцать четыре часа.

— Ну-ну, что за мрачные настроения?

— Обстановка влияет командир. Машина готова, они уже несколько раз запускали ее.

— Работает?

— Со скидкой на несовершенство технологии — очень даже неплохо. Мы дважды пытались сорвать испытания. Оба раза получилось, второй раз даже удалось взорвать котел.

— Молодцы!

Чжао Ли помрачнел — даже на небольшом экранчике трансивера можно было разглядеть, как вытянулось его лицо.

— Пять человек погибло, командир.

— Ну... мир их праху или, как здесь говорят, да согреет их Небесный Диск.

— Наш мелкий саботаж их не остановит. Надо придумать что-то другое!

— Например? Пристрелить изобретателя... как его... э-э...

— Косталан.

— Значит, пристрелить Косталана? Это мы уже проходили, разве нет? Да и без него они теперь прекрасно справятся, даже если мы выкрадем или уничтожим чертежи.

— Нет-нет, я не об этом! Может, наладить контакт с солмаонской разведкой? Они тоже крутятся вокруг, мы уже несколько раз записывали их переговоры и наблюдали встречи с агентами.

— Так, это интересно! Почему не докладывал раньше?

— Мы только-только на них вышли. Точных данных не было, а ты учили...

— Хорошо. Кто кого и чему учили — разберемся потом. Сейчас подумайте с Ю Фатом вот о чем: сможете ли вы подбросить солмаонским ребятам липовые чертежи, дезу или что-нибудь в этом роде?

— Можно попробовать. Они землю копытом роют, ищут в мастерских соглядатая. Но Всевидящее Око так основательно прорядил кузнецов после наших акций, что теперь даже если кто и готов был продаться — не согласится ни за какие коврижки. Ю Фат там еще не успел примелькаться, может попробовать выдать себя за ушлого подмастерья, жадного до звонкой монеты.

— Отлично! Передай Ю благодарность партии и правительства. — Игорь усмехнулся. Кто-нибудь другой и не понял бы шутки, но китаец... — Пока ничего не предпринимайте, жди от меня разработку. Я построю своих умников, пусть мозгуют. К вечеру, надеюсь, все будет. Поможем коллегам с севера, а?

Чжао Ли согласно кивнул.

— Помочь-то поможем, а толку?

— Увидишь. Мы здесь тоже сложа руки сидеть не будем. Работаем, в общем. И вот еще что — в конце недели общий сбор, корвет подойдет почти к самому берегу. Ю Фат пусть остается, подмастерье изображает, в крайнем случае, ребята со слежения помогут. Согласен?

— Да.

— Ну, вот и хорошо. Тогда до связи.

— До связи, командир.

Корвет пришел к месту сбора с опозданием на час — задержался из-за мощных осенних шквалов. Мирослав со Свеном уже прибыли, Квашнин пожал своим людям руки и

немедленно отправил на камбуз — греться. Час в бурном холодном море — это не шутки.

— Грот, горячий чай, в общем, все и побольше. Да еще пусть доктор Веснин вас посмотрит и отоварит антибиотиками какими-нибудь. Разведчикам болеть не с руки.

— А может по стаканчику русски вотка? — улыбаясь, спросил Хеглунд.

— Не положено. Особенно тебе, Свен, с твоим зверским акцентом. Надо говорить «водка», понял? Твердое «д».

— Водька?

— Уже лучше. Но водька вам все равно не положена: вы мне трезвые нужны.

Чжао Ли поднялся на борт через тридцать две минуты.

— Прости за задержку, командир. Никак не мог выбраться из города — Око опять лютиует, теперь все ворота перекрыл, — он усмехнулся. — Читал последнюю вводную и плакал. Пока с Ю Фатом письмо подделывали, чуть сами не поверили, какая у Косталана жуткая штука получилась. В Солмараване теперь спать перестанут.

— Спать — это мало, Ли. Вот когда они *все*, — Квашнин произнес это слово с нажимом, — ни о чем другом думать не смогут, тогда будет самое то. Ладно, иди в камбуз, погрейся, а потом двигай ко мне, будем думу думать и разговоры разговаривать, как впарить Солмаону нашу дезу. Сейчас только Дюваль с ребятами прибудет...

Но все трое ввалились в небольшую каюту Квашнина уже через десять минут.

— Командир, — смущенно произнес за всех Мирослав. — Мы тут поговорили немного и решили у тебя спросить.

Игорь приподнялся на локте.

— Так, — сказал он с подозрением. — Водька пили? Мировые проблемы решали?

— Проблемы решали, а водки не было, честное слово!

— И не решили?

— Нет, хотим с тобой поговорить, пока Дювала нет.

— Потому и не решили, что без водки. Эх, ребята, кто же за мировые проблемы без водки берется!

— А русские — только с водкой? — спросил Свен.

— Русские за все берутся с водкой, — убежденно сказал Чжао Ли.

Квашнин рассмеялся.

— Вам не понять. Ладно, пошли в кают-компанию, послушаем, что вы там надумали.

Когда все расселись, Игорь по лицам агентов понял, что разрядить обстановку не удалось. Шутки прошли, теперь все трое выглядели чрезвычайно серьезными.

«Так, — подумал Квашнин, — сейчас мне снова будут втирать о правах человека!»

— Кто первый надумал? Ты Свен?

— Нет, — сказал Чжао Ли. — Я. Но ребята согласны со мной. Мирослав, правда, считает, что кризис еще не наступил, но он не руководит группой, да и опыт агентурной работы у него поменьше нашей. Ну, а нам со Свеном терпеть просто невмоготу.

— Терпеть что?

— Долго мы еще будем подставлять под удар ни в чем не повинных людей, командир? Их пытают из-за нас! Они гибнут по нашей вине!

В принципе Игорь ждал чего-то подобного. Два месяца тяжелейшей операции, когда Чжао Ли фактически подставлял кузнецов Всевидящему Оку одного за другим, провоцируя обыски и аресты, опасная акция похищения кина Иррабана, оказавшаяся в итоге преддверием торга «кому продаться подороже», подкосили у агентов Тайной Службы веру в собственную правоту.

И тогда Квашнин рассказал им, рассказал все без утайки — перечислил основные наработки аналитического отдела. И начал с самой главной: прогноза военного столкновения земных колонистов с объединенной армией Солмаона и Чжандоу.

— Что? — удивился Мирослав. — Так быстро? Год и три месяца? Самострелы сильнее гауссовок и рельсовых пушек?

— Дело не в том, что сильнее, Миро. А в том, что у нас нет ни людей, ни оружия, ни патронов. Вот тебе простой расчет — рельсовая пушка выпускает до тысячи пуль в минуту, то есть порядка ста пятидесяти в секунду. На одного

человека нужно потратить как раз секунду, их здесь четыреста миллионов, значит, нам потребуется шестьдесят миллиардов зарядов. Примерно столько патронов для стрелкового оружия произвели все воюющие страны за пять лет Второй мировой войны. Расчет, конечно, утрирован и многое упрощает, но общий смысл понятен.

Агенты подавлено молчали.

Игорь продолжал. Разложил, как пасьянс все рекомендации аналитиков по предотвращению морской экспансии на Запад. Варианты оказывались малоперспективными.

— Конечно, еще можно поддержать деньгами и оружием недовольных и обиженных. Правда, только для того, чтобы установить с ними контакт, нам потребуется очень много времени — налаживать связи, завоевывать репутацию — и много людей, гораздо больше, чем есть сейчас. Местные сепаратисты, что в Чжандоу, что в Солмаоне, слишком подозрительны, да к тому же ненавидят извечных соседей-врагов едва ли не сильнее, чем собственную власть.

— И все? Других версий не было? — спросил Хеглунд.

Квашнин замялся. Прокрутил на столе трансивер, поднялся, зачем-то открыл иллюминатор. Все трое не отрываясь смотрели на него.

— Я вам никогда не рассказывал... Один... гм... уникум из аналитического отдела как-то предложил альтернативный вариант. «Идея» в твоем стиле, Свен, — замочить одного, а то и обоих императоров.

— Командир!!! — от возмущения швед потерял дар речи, только и мог, что открывать и закрывать рот.

— Что «командир»? Скажешь, не было?

— Ну... было, но я... я по глупости ляпнул, а ты...

— Вот и уникум тоже ляпнул. По глупости. Обосновал, конечно, в процентах все рассчитал. Мол, тогда в Солмаоне и Чжандоу начнется грызня за власть, соседи обязательно вмешаются в надежде урвать лакомый кусочек чужой земли — короче, заварушка пойдет знатная, на многие годы, и местным ребятам долго еще будет не до экспансии на Запад. Уникум гордый ходил, считал, что очень умно и правильно все придумал.. Ну, ему объяснили на пальцах. Примерно, как

я тебе недавно: кто нажмет на курок? Императоров местных охраняют слишком хорошо, а значит, стрелять придется издалека, по твоему плану — гауссовка с оптикой и так далее...

— Хватит, Игорь! — взмолился швед.

Хеглунду было стыдно, как никогда в жизни. И перед собой, и перед Ли с Мирославом, а особенно — перед командиром. Хватило же ума такое предложить! Теперь Квашнинолжнин поминать будет.

— Что, понял, как это выглядит со стороны? То-то. Мы не имеем права убивать местных. НЕ ИМЕ-ЕМ, — Игорь четко и раздельно произнес слова, делая ударения на каждом слоге. — Пусть иногда данное правило сильно осложняет операцию. Все равно. И дело здесь не только в высоких идеалах и в ценности человеческой жизни. Мы просто не сможем остановиться. Первый же отданый приказ о ликвидации, в конце концов, приведет к геноциду, а наши имена останутся в истории рядом с Кортесом, Гитлером и Пол Потом. Поймите, все достижения политкорректности, гуманизма и равенства тут же пойдут прахом. Если убить одного, каким бы гадом он не был, мы сразу же начнем сравнивать: а тот чем лучше? А этот? А уж этот — просто подонок, так и просит пулю в голову. Легионеры Ока? Уличная мразь, любители пыток, резюме — можно пристрелить. Капитан Гвардии Ложи? Убрать. Зрачок Всевидящего? В расход. В расход, в расход...

Мирослав и Ли сидели неестественно прямо, лица их застыли. Похоже, идеи, подобные плану Хеглунда, неоднократно приходили им в голову. Убрать всегда проще. Нет человека — нет проблемы. Да и не человек он вовсе, местный абориген, палач по должности, садист по характеру. Пристрелишь такого, мир чище станет.

Только сейчас, вслушиваясь в жесткие слова командира, они начинали понимать, как опасна такая дорога. Как легко сделать по ней первый шаг и как тяжело потом остановится, свернуть с проторенной колеи. Ведь так — проще! Зачем изобретать новые методики, планировать операции, когда можно решить все одни махом. Просто и дешево. Одним нажатием на курок.

— Ли, помнишь, совсем недавно мы спорили, кто из нас более нравственен?

— Да, командир. Я тогда сказал...

— Я помню. И не стал с тобой спорить. Но я сейчас о другом: мы сколько угодно можем сравнивать себя с местными. По любым параметрам. Кроме одного — они такие же, как мы, или только похожи? Потому что тогда мы посчитаем себя выше их и возьмем на себя право решать, кто из них достоин жить, а кто нет. И самым важным вопросом станет предел, через который нельзя перешагнуть. Скажем, сто человек убить можно, а сто одного — уже никак. Впрочем, история учит, что суровая и циничная дама, трусливо прозванная «необходимостью» плюет на любые пределы. Красиво и очень убедительно объясняя потом свои проступки. Знаете, парни, в 1932 году тогдашний аналог ООН — Лига Наций призвала запретить на войне оружие массового поражения, направленное против мирных жителей, а не солдат. Но не прошло и полутора десятков лет, как авиация государств, активнее всего ратовавших за тот запрет, превратила в руины десятки городов, завершив карусель уничтожения атомными ударами. И конечно весь этот ужас имел вполне разумное обоснование: подрыв экономической мощи врага и огромное моральное влияние, что, якобы, и привело к капитуляции, сохранив жизнь миллионам солдат с обеих сторон. Пилот одного из атомных бомбардировщиков через несколько лет покончил с собой. Не смог жить с тремя сотнями тысяч трупов на своей совести. А это двадцатый век, другое мировоззрение, другие нравы — того летчика считали героем, а сейчас бы назвали кровавым убийцей. Как и нас, впрочем, если мы переступим границы разумного.

— А если на нас нападут? Для чего тогда ты приводил расчеты производства зарядов для рельсовой пушки, — тихо сказал Ли.

— Это другое. Мы будем в своем праве: защищайся, иначе погибнешь. В начале века, когда с политкорректностью дело обстояло в полном порядке, общество вполне адекватно воспринимало отстрел террористов. Зуб за зуб — старую добрую месть, равно как и не менее старую самозащиту

никто еще не отменял. Но чем такая война закончится, я вам уже объяснил.

Они надолго замолчали. Из открытого иллюминатора доносился тихий шелест волн и негромкий стук газотурбинной установки. Корвет держался в заданном квадрате, подрабатывая машиной на малых оборотах, чтобы не сносило течением. Через три часа должна была подойти группа Дювала, опекавшая беглого географа.

Наконец Игорь заговорил:

— Вот так, Свен. Более простые решения есть, но они... слишком радикальные. Вроде того же политического террора, а то и биологической войны. Никто на это не пойдет, да и вы все, я думаю, не хотите обзавестись клеймом людей, развязавших геноцид. Так что давайте работать, как умеем, без истерики и рефлексий. Потребуется подставлять — подставим! Сделать из хорошего человека предателя? Пожалуйста! Подкупить? Не вопрос! Потому что иначе у нас всех остается единственный шанс: автоматический разведчик «Гефест». Через восемь лет сигнал с него дойдет до Земли. А еще через четыре года мы узнаем, есть ли у Эpsilon Эридана подходящая планета.

Архивные справки

Из агитационного послания движения "За НАШУ Надежду!".

...конечно, колонисты следят за положением дел на Восточном материке. В первые годы становления колонии руки до этого не доходили — выжить бы, — но постепенно руководство переселенцев задумалось о соседях. Фотографии и видеосъемка со спутников мало что могут рассказать о повседневной жизни Восточных империй, об их планах, политике, экономике и ресурсах.

Тайная Служба поначалу создавалась на Надежде с ведома и при прямой поддержке ООН для проведения грядущих спецопераций — кое-кто в Совбезе весьма опасался разногласий с китайцами. Однако постепенно в функции ТС вошла еще и «инопланетная» разведка — оперативная работа на

территории Восточного материка, благо внешне земляне практически не отличаются от жителей Надежды.

После нескольких лет сбора информации стало ясно, что в ближайшие одно-два десятилетияaborигены дойдут до межконтинентальных морских экспедиций и в конце концов обнаружат присутствие чужаков на родной планете. Дальнейшее развитие ситуации прогнозировать трудно. Межцивилизационный конфликт не просто вероятен — он наиболее естественен в данной ситуации, тем более что господствующий на Восточном материке Солнечный культ отличается изрядной ксенофобией. Несмотря на значительное превосходство в вооружении, земляне вряд ли смогут долго продержаться без постоянных подкреплений и подвоза вооружений из Метрополии. Триста тысяч человек, пусть даже и миллион — ничто против целой планеты. Да и что это будет за война с пополнением армии раз в пять лет! За это время может произойти многое, и не исключен вариант, когда следующий корабль с новой партией переселенцев застанет на месте процветающей колонии заросшие джунглями развалины или — что еще хуже, — орды аборигенов, завладевших смертоносными земными игрушками.

Конечно, на крайний случай есть ядерное и прочее столь же «окончательное» оружие, но... колонисты-соплеменники, а, возможно, когда-нибудь и ваши потомки, хотят жить на Надежде, а не устраивать на планете геноцид.

Любой разумный человек согласится с тем, что лучшая защита — это нападение. Нашим собратьям на Надежде нет смысла ждать, пока прибрежные воды не потемнеют от военных кораблей недружественных аборигенов. Пока империи на востоке не начали объединяться против общего врага, мы должны помочь...

Из предвыборной речи председателя Всепланетного союза гуманистов.

...О положении дел узнали на Земле. И уже который год не стихают бесконечные дебаты в ООН, демонстрации,

публичные самосожжения и прочие выступления оголтелых терра-патриотов из движения «За НАШУ Надежду!»

Как вы знаете, граждане Земли разделились на два равных если не по силе, то по влиянию лагеря. Мы, сторонники воссоединения с братьями по разуму хотим подарить народам Надежды блага цивилизации и ассимилировать, влить, так сказать, в жилы земного человечества новую кровь, чтобы вместе идти к процветанию и счастью. Наши противники же, эти ксенофобы из «ЗНН» и других похожих организаций выступают за поголовный геноцид «низшей» расы, чтобы очистить новые территории для переселенцев.

Когда-то, в эпоху колониальной экспансии на нашей планете конкистадоры-головорезы уничтожили уникальную ацтекскую культуру, потомки голландских переселенцев — буры — едва не извели под корень два африканских народа, английские колонизаторы вырезали коренное население острова Тасмания. Все эти зверства объяснялись высшими соображениями: экспортом достижений европейской цивилизации, выводомaborигенов из тьмы варварства, борьба с голодом и эпидемиями, насаждением «истинных» культурных ценностей. Апофеозом колонизаторской политики стало пресловутое «бремя» белого человека, вошедшее в лексикон с легкой руки старого расиста Киплинга: История развивается по спирали, но кто мог предположить, что нечто похожее возродится 170 лет спустя? Кто мог подумать, что после всех достижений расовой терпимости и политкорректности, много раз осмеянная и осужденная идеология «бремени» снова вылезет на свет божий, только теперь уже не белого человека, а землян в целом...

ЗАГОНЩИКИ

— Привет, Жан-Поль! Как служба?

— Скучища. Сидим в кабаке, контрабандистов изображаем старательно. Судя по всему, нам верят. Делают вид, что боятся, хотя, по-моему, им просто очень нравится, как мы платим. В этой глупши вообще платить не принято. У них и денег-то нет, натурпродукты на выпивку выменивают, бартером. Командир! Долго нам тут еще сидеть? Скоро паутиной зарастем! Свен с Мирославом гильдийцев гоняют, Ли и Ю Фат в Чжандоу воду мутят, а мы тут без дела прохлаждаемся.

Да уж, что есть, то есть — капать на мозги Дюваль умеет. На Земле, после пяти лет службы в Иностранном легионе, он пытался стать страховым адвокатом. Наверное, тогда его и научили нудить клиенту в ухо, пока тот не откажется от претензий. Но попытка успехом не увенчалась, потому Жан-Поль и записался в колонисты. Наверное, он, в конце концов, осел бы в Администрации, но, прослышиав про ТС, сам пришел наниматься в Службу. Опыт легионера стал бесценной находкой, а с некоторыми побочными эффектами приходилось мириться. Не бывает людей без недостатков. Главное, чтобы они достоинства не перевешивали.

А сейчас Дюваль со своими людьми сидел в солнном приграничном городке Ихтанамор, опекал Иррабана и маялся бездельем.

— Ничего, не расстраивайся. Без работы не останешься. Есть и для тебя кое-что. Я тут читал твой доклад...

— Какой?

— Номер семнадцать, двухмесячной давности. Ты сообщал, что на солмаонском посту сидит хитрый командир, который со всеми контрабандистами дружит, да еще вдобавок на чжаньскую разведку подрабатывает. Так?

— Да какой пост! Название одно. Местные говорят, его возвели как доходный дом для торговых гостей, когда гиль-

дия еще и не помышляла отделяться. Ну и заодно как станцию для имперских курьеров: отдохнуть, переночевать, скакунов сменить. А сейчас в нем сидит гарнизон, человек двадцать, делают вид, что собирают пошлину. Но по Ринтагайскому тракту торговые караваны ходят редко — слишком узкий. Так что имперцы больше контрабандистов опекают.

— А командир кто?

— Целый трехлучевик! Кайноль кин Ахнамара. Рассказывают, что его сюда сослали из столичного гарнизона за какие-то провинности. То ли трахнул не ту, то ли украл не там.

— Может, просто не поделился с кем надо?

— Не знаю, наверное. Он и здесь не успокоился. Про контрабандистов я уже говорил, да и чжаньцы ему хорошо платят. По этой дороге курьеры так и снуют: из Солмаравана в Морскую столицу по Ринтагайскому тракту самый короткий путь. Понятное дело, останавливаются на ночлег или просто скакунов сменить. Пока гонец спит, Кайноль послание переписывает. Может, и подливает чего курьеру, дабы сон покрепче был.

— Откуда такие подробности?

— Ха! Когда наш трёхлучевой патриот встречался с чжаньским агентом, я метрах в пятидесяти с камерой лежал и направленным микрофоном. Тут со скуки и не такое выкинешь!

— Без санкции?! Жан-Поль! Я знаю твою квалификацию, но ты подумал, что могло случиться, если б тебя заметили?

— Не заметили. В Легионе хорошие инструкторы.

Квашнин разозлился.

«А дисциплине в Легионе не учат, что ли?!»

— Твоя самоуверенность может плохо кончиться! Ты всех нас подставляешь!

— Прости, командир. Больше не повторится. Сам понимаешь, скучно здесь сидеть без дела, вот и лезу в самое пекло, — раскаяние в голосе Дювала отсутствовало напрочь.

Игорь подумал, что сейчас француз перестанет извиняться и перейдет к хвастовству. «Может, снять его с группы? С точки зрения безопасности — да, следовало бы, но кем заменить? Рихтер еще слишком неопытен, Энтони — безы-

нициативен, Стоквелл вообще адреналиновый наркоман, ему дай волю он из будничной работы Службы сплошные погони с перестрелками устроит».

— Зато мы теперь точно знаем, что Кайноль пашет на чжаньцев. Я даже заснял связного, который с ним встречался. Больше, правда, не будет. На посту хватает лишних глаз, а за выдачу шпиона или пособника пять золотых положено. Так что пришлось им придумывать схему похитрее.

«Ну вот, уже начал хвастаться. Так я и знал».

— Что за схема?

— На посту работает парень — дурачок, сын одной местной вдовы. Работает по принципу: подай, принеси, выйди вон. Ну, и за скакунами заодно присматривает. А им положено всегда быть в форме, чтобы курьер в любой момент мог заменить своего, уставшего, и скакать дальше по свои делам. Паренек скакунов в лес выводит — прогуляться, ноги размять. Так вот, когда у Кайноля есть, что сообщить интересного, он сует послание дурачку, а тот чжаньцам передает. В лесу, подальше от посторонних глаз.

— А как они узнают, что пришла пора встречаться?

— Ты будешь смеяться, командир... — Дюваль улыбнулся, довольный, что тему с несанкционированной прослушкой удалось замять так быстро. Авантюра же чистой воды! Видимо, Квашнин сегодня в хорошем настроении. В любом другом устроил бы зверскую головомойку.

— Ладно, это сейчас не важно. Главное, что командир поста действительно имеет выход на чжаньскую агентуру. Слушай внимательно, Жан-Поль. Я тебе сейчас скину пакет, в нем привет от аналитического. Кто у тебя реже всех выходит на улицу и не успел еще народу в округе глаза назолить?

— Стоквелл. У него ж акцент. Сидит в нашей комнатушке, язык учит.

— Отлично. Как раз с акцентом он легче всего сойдет за гильдейского курьера. Пусть остановится на посту, заночует. Будут подливать снотворное — хрен с ними, пускай. А в сумку ему положишь то, что в пакете. Там и текст, и стандартная форма свитка для официальной переписки.

— А потом?

— А потом проследишь дауна, посмотришь, с кем он встретится. Место, где он скакунов своих пасет, наверняка одно и то же. Если будет свободный канал, можно продублировать со спутника, но лучше все же подстраховаться.

— Ясно. Сделаем. А с чжаньцем что делать?

— Ничего. Пусть себе идет. Он письмо через границу понесет, обратно в гильдию. Здесь его Свен встретит.

— Как-то запутано все, командир. Может, просто подсунуть письмо дурачку? Передал бы — и все. А о том, где взял, да откуда, он уже через полчаса и не вспомнит.

«Насколько проще работать с Ли и Свеном! — подумал Игорь. — Элементарные схемы они просчитывать уже научились, Ли так вообще скоро в аналитический переведем. А Дюваль все простые решения ищет».

— Просто — не всегда правильно, Жан-Поль. Представь теперь, что чжаньцы отстегнули Кайнолью денег, спасибо, мол, за ценные сведения. Он, конечно, не откажется, но вряд ли смолчит, что на самом деле ничего не передавал. Жадность жадностью, но он зверь пуганый, судя по твоим рассказам, на каждый звук дергается. Что там за измену в его ранге положено?

— Поющая Пята, — француза передернуло.

— Вот-вот. Вряд ли он спит и видит, чтобы его на глазах у публики медленно давил раскаленный пресс. Потому подозревает всех и сразу же поймет: раз кто-то воспользовался его каналом, тайна раскрыта. Собственно, на то, что он до этого допрет, мне наплевать. Но и чжаньцы не дурачки, сообразят, что получили дезу. И вся операция насмарку. Причем не только твоя, но и еще три. В Соцветии выводы сделают быстро: раз в одном месте впарили липу, значит и остальные сообщения на эту тему, как минимум, подозрительны. Ясно?

Со стороны Кайноль кин Ахнамара казался человеком абсолютно несчастным, горько сетующим на коварную судьбу. Хороший, доходный пост разводящего дворцовой стражи

в Солмараване в одночасье пришлось оставить, когда вскрылись кое-какие амурные делишки. Фатальное невезение! Ладно бы он был записным сердцеедом, покорял дам направо и налево, тянул за собой тяжеленный груз скандалов и громких интрижек. Нет, ничего такого за ним не водилось. Просто несколько не слишком знатных аристократок меняли свое расположение на пропуск во дворец. Им казалось, что стоит оказаться рядом с самим императором и передать ему прошение, как все их проблемы немедленно разрешатся.

Кайноль их не разочаровывал. Раз женщина хочет — надо исполнить. Правда, Гравандер II терпеть не может просителей, но разве дворцовая стража в том виновата? Разводящий предоставлял шанс в обмен на умение зрелых матрон и неопытный пыл их дочек. Всего-то делов.

К сожалению, у одной из них хватило ума на вопрос дворцового распорядителя «как вы сюда попали?» просто-душно ответить правду. Кайнолю приказали объясняться, потом было унизительное разбирательство, позор и ссылка. Разжаловать его по дворцовому табелю о рангах не могли — три луча все-таки! — в башню не заточили, слава Небесному Диску, а казнить и вовсе не собирались. Суд чести дворцового караульного крыла по традиции вели старшие офицеры, каждый не раз делал что-либо подобное, а потому прекрасно понимал: сегодня осудишь на смерть ты, а завтра — тебя.

Приговорили к ссылке в невероятную глушь, на самую окраину державы, командовать пограничным постом.

Какой позор! Трехлучевой командующий захолустного гарнизона из двадцати человек!

В общем, Кайнолю кин Ахнамара оставалось только почувствовать, чем все и занимались, даже собственные солдаты. Поначалу, правда, они опасались, что новое начальство в свете недавних неприятностей решит нести службу кристально честно и прикроет многолетнюю кормушку — сбор дани с контрабандистов. Однако командир оказался человеком понимающим, даром что трехлучевик, наложенное дело нарушать не стал, а наоборот повел его с еще большим размахом. Доходы росли на глазах.

Пограничники и гарнизонная обслуга, зная, что у Кайноля в Солмараване осталась семья, которую нужно хоть как-то поддерживать, жалели его, а окрестные жители с обеих сторон границы на него чуть ли не молились. Он не мешал им, на многое закрывая глаза. Взять, например, скот: ну забредет, бывало, гильдейское стадо на солмаонскую территорию. Случайно. Рогачам с их куцым звериным умишком не объяснишь, куда можно идти, а куда нет. Пастух чуть зазевался, не усмотрел — все. Пропало стадо. При старом командире поста «нарушителей» немедленно конфисковывали.

Теперь рогачей загоняли в хлев пограничного поста, благо работал у Кайноля глуповатый паренек Калдис, который умел ходить за скотиной. Потом находился хозяин, с него брали смехотворный штраф — крестьяне меж собой судачили, что деньги те вряд ли достигают имперской казны — и отпускали домой вместе со скотом.

В общем, полная идиллия. Отец-командир, несчастный и злой на судьбу, верные солдаты, довольные крестьяне.

Так это выглядело со стороны. Впрочем, вряд ли местные удивились бы, узнав, что творится с курьерами на посту Кайноля. Нет, донесли бы обязательно, несмотря на всю добродоту и невредность нового командира — все-таки пять золотых на дороге не валяются. Но не удивились: каждый зарабатывает, как может.

С контрабанды трехлучевик имел не так уж и много: с трудом хватало на себя, на жалование паре слуг, вывезенных из столицы, да на посылку семье. Поэтому, когда на него вышел чжаньский агент, предложив ежемесячную плату (очень неплохую!) за копии всех документов, что везут в опечатанных сумах курьеры, Кайноль раздумывал недолго. Сначала он передавал наскооро переписанные свитки лично, потом — через недалекого Калдиса, когда человек из Соцветия пришел к выводу, что старый способ связи стал небезопасен. А от бедного дурачка, даже если очень захочешь, ничего не добьешься. Глуп, как пустой кувшин, да и говорить-то толком не умеет, мычит чего-то. Рогачи, говорят, его понимают. Диск с ними! Главное, чтоб имперская стража не поняла.

Иногда курьеры не появлялись на посту Кайноля по дюжине дней, а иногда — валили валом, по два-три человека зараз. С солмаонской стороны чаще, с гильдейской пожиже. Последних командир потрошил с большей охотой — чужаки все же! Но, положа руку на сердце, ему было наплевать, он и императорского посланника оприходовал бы, не моргнув глазом. Главное, чтоб платили.

Как раз сегодня, после трех дней затишья, наклевывалось очередное дельце. К вечеру из Морской столицы прибыл взмыленный гильдейский курьер, снял со скакуна поклажу и кинул поводья Калдису — поменяй, мол. Даже не стал с ним разговаривать, из чего Кайноль, наблюдавший за гостем в потайное окошко, заключил: он уже бывал здесь. Иначе откуда бы узнал, что бедный дурачок едва ворочает языком?

Курьер ввалился в дом, показал дежурному солдату проезжую и церемонно поздоровался с командиром поста:

— Да осенит вас теплом Небесный Диск, кин-маларо Три Луча!

Акцент резанул ухо. Кайноль едва заметно поморщился: когда же эти северные варвары наконец-то выучатся нормально разговаривать?

— Тепла и Света, благородный гость!

Курьер представился кином Ахтенажи, сказал:

— Я хотел попросить у вас сменного скакуна, дорогой кин, и ехать дальше. Но я очень устал. Весь день в седле. Можно заночевать у вас?

— Конечно, — глаза командира блеснули: остается! — По договору с гильдией мы оказываем гостеприимство ее курьерам. Ангайл!

Невысокий солдат, пухлощекий, с волосами цвета бездисковой ночи, вскочил, вытянулся и гаркнул:

— Я, Трехлучевой Кайноль кин Ахнамара!

— Проводи гостя в комнату. Если вы, — снова обратился к гостю хозяин, — хотите есть или выпить...

— Не откажусь. Только не слишком много, не люблю засыпать с набитым животом.

Наёмная кухарка из местных побежала готовить для курьера нехитрый ужин, а слуга Кайноля подал кину Ахте-

нажи воду для умывания. Пока гость приводил себя в порядок, он нацедил из бочки целый кувшин вина, поставил на поднос, добавил чашу. Сварливо проговорил, обращаясь к стряпухе:

— Ну, скоро там?

— Сейчас, сейчас...

— Ты что делаешь! — неожиданно закричал на него хозяин. — Опозорить меня хочешь?!

Слуга испуганно вжал голову в плечи:

— Я... я-я...

— ТЫ! Жмотом меня хочешь выставить? Или неряхой?!

— Вы ошибаетесь, мой кин! Я ничего такого...

— Да? А вот это тогда что? — и Кайноль указал пальцем на грязные разводы, тянувшиеся по бокам чаши. Кто-то схватил ее немытой пятерней, да так и оставил.

— Немедленно поменяй!

Слуга со всех ног бросился выполнять приказание.

Выждав момент, когда все отвернулись, Кайноль сыпал в кувшин щепотку снотворного. Ударная доза — рогача свалит.

Ночью, после третьей стражи, когда новая смена отошла подальше от поста, а вернувшаяся — спокойно заснула, командир прокрался в гостевую комнату, прикрыл ставнями окна, чтобы его не разглядели с улицы, и зажег светильник.

Курьер спал, вытянувшись на жесткой лежанке. Переметные сумы покоились в ногах, почтовый мешок с красной печатью Трех Лиан кин Ахтенажи держал под мышкой. Подстраховался, значит. Прежде всего Кайноль проверил кувшин — пустой, как и следовало ожидать. Значит, можно работать спокойно.

Он аккуратно отпарил над огнем печать, вскрыл мешок.

Удача!

Внутри, среди малозначимой переписки, лежал неприметный свиток, перевитый черным шнуром. Внешне похожий на обычную долговую расписку. Но это только внешне, уж кто-кто, а разводящий дворцовой стражи немало перевидел таких документов на своем веку. Это, конечно, послание рангом повыше, чем простая залоговая. Это — донос.

Черный шнур — знак того, что донос проверен и переведен, куда следует.

То есть это уже не донос, а вполне солидная информация, которую стоит принять к сведению и, желательно, к разработке.

Кто бы мог подумать еще несколько оборотов назад, что ему, трехлучевику, наследнику древнего рода, когда-нибудь придется переписывать чужие сплетни за жалкие гроши от желтокожих!

«Ладно, отставить причитания, посмотрим лучше, что там такое...»

Вопреки ожиданиям, содержание свитка оказалось совершенно неинтересным. Кайноль от разочарования даже зубом цыкнул, спохватился, посмотрел на курьера — нет, слава Небесному Диску, спит. Но и трехлучевого командира понять можно: собрался насладиться прикосновением к тайне, а тут скучота сплошная.

Речь шла о каком-то большом котелке в три человеческих роста, что можно установить на корабль и плыть с его помощью без парусов и весел. И якобы такую штуку строят в Чжандоу, о чем автор записки имеет честь сообщить.

«Тыфу, глупость! Детские сказки! Хорошо еще легенду о летающем змее сюда же не приплели. Или про глазастого мальчика с совой, что вечно влипал в какие-то передряги.

Хотя... — Кайноль даже писать перестал, пораженный внезапной догадкой. — А вдруг это шифр?! И письмо на самом деле имеет совсем другое значение?

Тебе-то какое до всего этого дело? Переписывай, запечатывай обратно сумку, да проваливай, пока курьер не проснулся».

Командир заскрипел писалом быстрее, копируя текст дословно, буква за буквой. Даже ошибки. И еще подумал: «Не забыть бы завтра с утра отправить слугу в город, на рынок. За тростником. Покапризничать, что давно, мол, не ел этой вкуснотищи, ступай, купи связочку, побаловать хозяина».

Одна связка — один свиток. А вечером Калдиса в лесу будут ждать.

* * *

«Нет, наверное, сегодня тоже не придет...»

С самого утра Илама чувствовала себя плохо. Пересталась на днях с одним клиентом, вдобавок почти сразу после извечного женского недомогания. И зачем только согласилась? Нет, жаловаться не на что — заплатил он даже больше, чем обещал. Но с головой у него явные и очень большие нелады. Не успела она раздеться, как он потребовал взбить волосы, свить из них пару рожек, встать на четвереньки, ржать и брыкаться. Изображать норовистого скакуна. А потом еще и сам верхом сел: кавалерист, чтобы ему сдохнуть! Пятками пришпоривал, ремень на шее затянул — узда, значит, — да так сильно, что аж глаза на лоб полезли.

Надо было, конечно, сегодня на работу не выходить. Отлежаться, перевести дух. Но тут примчалась Сансара вся в слезах — снова приходил ее бывший хозяин, избил по пьяному делу едва ли не до смерти, отнял все деньги, какие нашел, да еще забрал пару побрякушек. Подруга показала живот и бедра в сине-фиолетовых разводах. В таком виде, понятно, работать она не могла, а если бы и рискнула — первый же клиент, разглядев «украшения», выкинул бы на улицу. Хорошо если не в окно.

Пришлось отдать ей почти все, что было. Да и как не отдать, когда Сансара не раз помогала ей самой. Выходила, например, во время мора, когда Илама совсем еще соплячкой впервые появилась на улицах Морской столицы. В городе свирепствовала Черная Язва, девушки подцепила ее моментально: бесшабашная была, думала, что именно ей-то все нипочем, и пока более опытные подруги сидели по домам, отправилась работать. На третий день слегла, и если бы не Сансара, неизвестно еще не ушла бы, в конце концов, греться к светлому престолу Небесного Диска.

Но помочь помощью, а жить-то на что? Хочешь не хочешь, а пришлось выйти на Веселую улицу. Еще один день потных рук и масляно блестящих глаз, грязных трактирных лавок и дешевых матросских ночлежек.

«А что если и сегодня не...»

— Илама!

Девушка вздрогнула и обернулась.

«Это же его голос!»

— Саргамо!

Он шел прямо к ней, наискось через всю улицу, высокий, светловолосый, широкоплечий — истинный северянин, из тех, по которым грезят ночами богатенькие аристократочки. Такой сильный и такой неистовый. Щегольской вышитый плащ развеялся от быстрой ходьбы, ветер трепал золотистые кудри. Перевязь затянута так, чтобы рукоять палаша покачивалась точнехонько на уровне пояса, под правую руку. Выглядел он потрясающе — прямо как пресветлый посланец Небесного Диска перед битвой со злом.

Вот странно, а в первый раз он показался ей скучающим повесой, искателем новых ощущений.

Не стесняясь посторонних глаз, Илама кинулась на встречу, обняла, прижалась бедром.

— Благородному господину скучно?

— Бывает иногда, — неопределенно признался он. — А что, ты не занята?

— Для благородного господина у меня всегда найдется несколько приятных мгновений.

— Ну, раз так, пойдем к толстой Бреде? Давненько не радовали старуху...

С этими словами Саргамо привычным жестом обнял ее за талию.

— Только... — девушка замялась.

— Что — только?

— Я больше не возьму с тебя денег.

— Почему? — казалось, он обрадовался ее словам.

— Потому, что те, кто платят — мои клиенты.

— А я?

— Не хочу, чтобы ты был моим клиентом.

— А кем же тогда?

— Ну... я еще не придумала.

— Да? — Саргамо остановился, посмотрел девушке прямо в глаза, — совсем-совсем не знаешь, или все-таки есть какие-нибудь предположения?

Илама совершенно неожиданно для себя смутилась.

— Я еще не знаю. Но точно я знаю одно: ты никогда больше не будешь моим клиентом, а значит, никогда не сможешь меня ни купить, ни продать.

— Ты все никак не можешь забыть нашу первую встречу?

— Мне трудно забыть, Саргамо. Этот мерзкий кожевенник... бр-р-р... от него несло какой-то кислятиной. Пыхтел, сопел, гордился своей мужской силой, как племенной скакун. Приглашал меня к себе прислужницей, три монеты в день обещал. Ха! Три монеты я за раз получаю, бывает и больше. А чем я у него прислуживать буду, дураку ясно.

— И что ты ответила?

— Послала. Сказала, что за такие деньги к нему даже трактирная поломойка не пойдет. Он сначала грубить вздувал, смотри, говорит, не пожалей потом. Аристократик, мол, тебя попользует и выбросит, а потом начнется самое неприятное. Я посмеялась. Он уже собрался уходить, остановился в дверях, сказал: «Ну, если передумаешь, приходи». Дом называл и улицу. Так что, — кокетливо хихикнула она, — если ты меня обижать будешь, уйду кожевнику прислуживать.

— За три монеты?

Девушка провела пальчиком по ладони Саргамо:

— Всегда можно поторговаться.

— А со мной, значит, больше не хочется?

— Нет. Ты не похож на обычного клиента. Ты вроде делаешь и говоришь, как они, но немного по-другому. Поверь, мне есть, с чем сравнивать. И, — она немного понизила голос, — в постели ведешь себя не как все. Обычно мужчины либо стараются побыстрее получить свое, либо ждут, чтобы я отрабатывала уплаченное. Ни первые, ни вторые не думают обо мне. А ты...

Она покраснела и замолчала.

Саргамо решил ее подбодрить:

— Я...

— Ты другой, Саргамо. Особенный.

— В нашем роду принято уважать женщин.

— А-а, — цинично отмахнулась Илама, — только не говори, что все вы такие. Аристократов я навидалась достаточ-

но. Может, своих дам они и уважают, а меня... меня презирали до того, как заплатили, вдвойне презирали во время любовных утех и вдесятеро — после. Именно поэтому я больше не хочу, чтобы ты был моим клиентом. Ты — не они.

Аристократ улыбнулся.

— Хорошо, не буду. Но ведь я могу просто подарить тебе денег? Как друг? Не думаю, что ты настолько богата, чтобы отказываться от маленьких и смешных металлических кругляшь...

На мгновение ей показалось, что она увидела другого Саргамо. Не привычно холодного и ироничного со странными неподвижными глазами, не того, страстного, которого она сегодня будет обнимать (неужели уже в пятый раз? как много и как мало!), а третьего — незнакомого. Доброго, открытого, настоящего. Тому Саргамо было за что-то очень стыдно, за один большой и непоправимый теперь уже поступок.

«Может, он влип в какую-нибудь аферу? Купил там, на верху, советника или даже мастера Ложи, а теперь стыдится? Я заговорила о деньгах и случайно напомнила ему о том, что он хочет забыть...»

С недавних пор Илама пришла к выводу, что Саргамо влечут в Мусорный квартал темные дела. А решив так, ей немедленно захотелось его оправдывать — не тянул он на заговорщика или предателя. Такой скорее вызовет на поединок и рубанет палашом сплеча, чем будет плести интриги и строить козни.

До самых дверей доходного дома толстой Бреды они молчали. Каждый думал о своем.

Старуха встретила их приветливо, но уже не так подобострастно, как раньше. Человек привыкает ко всему. Жаль, что к плохому значительно быстрее, чем к хорошему. Саль ноглазому прислужнику хватило одной угрозы, чтобы он больше никогда не пытался ее снять, а его хозяйка разучилась пресмыкаться только на третий или четвертый раз.

— Слава Небесному Диску, вы снова у нас! Что желаете, господин?

— Как обычно, — буркнул Саргамо, кинул старухе серебро. — Моя комната свободна?

— Конечно, господин. Она ждет вас каждый день.

— Отлично. Пусть туда подадут все, что надо... ну, ты знаешь. Если меня будут спрашивать, надеюсь, ты помнишь, что надо делать. Проводишь гостя ко мне и принесешь еще вина. Ясно?

Толстая Бреда усердно закивала, отчего сначала заколыхался двойной подбородок, потом грудь, потом огромный живот. Как будто старуху охватил внезапный припадок трясучки. Тыфу! Противно смотреть!

— Пойдем, Илама...

Пока прислужник волок наверх бадью, да заполнял ее горячей водой, Саргамо снял плащ, бросил на стол перевязь с оружием, достал из-за пазухи какие-то свитки. Девушка напнурилась: выходит, ему снова понадобилось укромное месечко для своих глупых мужских разговоров. А уличная девка, страстная и умела, скрасит ожидание.

То же самое происходило и во время прошлых встреч — сначала они кувыркались в постели, и Илама начинала думать, что уж в этот раз «благородный господин» точно пришел к ней, но потом, когда покупная любовь заканчивалась, к нему неизменно являлся гость, обычно тот самый неприятный кожевенник. Иногда вместе с ним приходили еще люди. Мужчины садились за стол и напрочь забывали про нее. Ну, не то чтобы совсем. Они поглядывали на нее с обычным интересом самцов, не более того, а вот Саргамо вел себя так, словно и вовсе не замечал ее присутствия. Так, скользнет случайно взглядом, раз, другой — и все.

Конечно, она обижалась и вот так же, как сейчас, кляла себя за глупые фантазии.

«Ну вот, а ты навыдумывала себе невесть что! Сейчас тебе, такой богатенький и чистенький аристократик попрется в Мусорный квартал на Веселую улицу ради какой-то шлюхи! Ты права, у него просто какие-нибудь дела здесь. Побрякушки у портовых воров скапает, например, а кожевенник — посредник. Или хочет подсидеть мастера, говорят, они там, в Ложе, грызутся посильнее восьминогих шао в банке. Здесь же Саргамо собирает слухи: в Мусорном квартале много тайн припрятано. А может, просто встречается со своими

людьми, чтобы не привлекать внимания. Заодно и побаловать-
ся есть с кем».

Сама того не подозревая, Илама в своих предположени-
ях оказалась недалека от истины.

Не сказать, чтобы любопытство грызло ее со страшной
силой, но девушка твердо пообещала себе, что в этот раз
обязательно прислушается к разговорам Саргамо, постараест-
ся узнать, в чем же причина столь частых визитов на Весе-
лую улицу.

Ей не повезло с характером — для простой уличной дев-
ки она была слишком умна и слишком эмоциональна. Первое
помогало замечать многое из того, на что люди обычно не
обращают внимания, зато второе мешало делать правильные
выводы. Повинуясь силе чувств, она иногда многое преуве-
личивала. И не задумываясь, чем может быть вызвано стран-
ное двойственное отношение к ней Саргамо, Илама видела в
нем то холодное равнодушие, то пылкое влечение. Иногда
она даже пыталась убедить себя, что блестательный аристо-
крат влюбился в нее. Конечно, такие истории случаются
только в песнях да старых легендах, но ведь случаются же!

Она радовалась его появлению, потом отдавалась наслаждению, потом, заметив холодок отчуждения, клялась, что
никогда больше... Проходил день, она приказывала себе забыть обо всем, выкинуть из головы девичьи мечты о могучем
светловолосом северянине. Но через несколько дней он по-
являлся снова, и все начиналось сначала.

Со времени их последней встречи она уже почти не могла думать ни о чем другом. Каждый день, выходя на свое обычное место, девушка ждала прихода Саргамо, выглядыва-
ла знакомую фигуру. Два раза даже проигнорировала по-
стоянных клиентов — мелких портовых чиновников, — за что получила в ответ не один злобный взгляд. А потом еще и насмешки от Килии:

— Что, подруга, все ждешь своего аристократа? Нет, платит он, конечно, хорошо, но ведь на нем одном Подне-
бесный Свет не сошелся! Других тоже привечать нужно, а то в следующий раз не придут. Сегодня я твоих лысенъских при-
брала. А если бы и я, и Сансара были заняты? Кто бы их об-

служил? Боюсь, что эти наглые шлюхи — Янгира и Юсса. А они только и ждут, чтобы наших клиентов перехватить.

Илама отмахнулась — подруга любила поворчать. Но беззлобно, для видимости.

А сегодня Саргамо опять расстилает на столе какие-то свитки, вон прислужнику даже поднос с вином негде поставить. И толстой Бреде сказал, что гости будут.

«Надеюсь, в этот раз он не захочет меня в подарок отдать, — подумала девушка. — Хватит. Пусть лучше Килию зовет, уж она-то рада будет! Вприпрыжку прискакет».

— Подать что-нибудь еще, господин?

Хитрый прислужник давно уже просек: стоит задать кину Саргамо этот вопрос, как на пол тут же летит медная денежка. Особенно сейчас, когда господину не терпится завалить свою девку. Любая помеха его раздражает. Значит, постараётся побыстрее избавиться от чересчур услужливого слуги.

Так и получилось.

— Нет, проваливай! — грубо рявкнул аристократ, кинул монетку и чуть ли не пинком вытолкнул парня за дверь. — Закрыл ее и повернулся к Иламе: — Я скучал, — честно признался он, притянул девушку к себе и начал медленно раздевать.

Она прикрыла глаза.

Обычно она сама скидывала одежду и набрасывалась на мужчин — так полагалось по роли. В объятиях продажной девки не все чувствуют себя уверенно, приходилось брать инициативу на себя.

Но Саргамо хотел делать все сам. Раздевать, купать, вытираять, носить на руках.

«Что у него за дурацкий пунктик насчет чистоты?! Как будто я никогда не моюсь, или от меня разит, как от пьяного матроса! Да я третьего дня в термах полночи проторчала! Аристокра-ат... Будто не видела я вашего племени. Пухлогубые молокососы с гербами пахнут не лучше подзаборного попрошайки. Разве что пытаются отбить запах благовониями. Только хуже получается».

Сильные пальцы уверенно развязали поясок, сняли нацидку, стянули через голову рубаху. Потом Иламу подхвати-

ли на руки и осторожно опустили в воду. Когда ступня коснулась дна, девушка присела, чтобы оказаться в тепле по плечи, и блаженно зажмурилась.

«Хорошо, что она не видит меня сейчас, — подумал Свен. — Мигом бы все поняла. У слабого пола на это дело нюх, что на Земле, что, похоже, здесь, на Надежде. Она и так подошла слишком близко».

Чего скрывать, Илама нравилась Хеглунду. Нет, не экзотической женской красотой и не стихийным обаянием опытной дикарки. В ней Свен чувствовал что-то необычное, чего не водилось в ее соплеменниках.

Умение сопереживать? Желание помогать другим? Может быть. Странно, что с такой эмоциональной отдачей она подалась в «ночные бабочки». Впрочем, здесь все возможно. Швед наивно верил, что на Земле она стала бы врачом или, например, воспитательницей. А здесь...

Жуткий мир! В нем все вывернуто наизнанку. Иррабан, местный Колумб, вынужден скрываться от преследования сильных мира сего, изобретатель паровой машины, по докладам Ли, строит ее чуть ли не в тюрьме; а любимая девушка стала заложником его лояльности. Женщина-эмпат продает свое тело пьяной матросне, а бывшие воры и убийцы служат в тайной полиции.

Что-то подобное в разные времена случалось и на Земле, но чтобы все сразу...

Когда Свен дома читал книги по средневековью, эпоха представлялась ему несколько иначе. Благороднее, рыцарственнее, честнее. Квашнин и спецы из аналитического на многое открыли ему глаза, разъяснив, что официальная история далеко не всегда отражает истинное положение дел. И все же ужасы инквизиции, сегуната, конкисты и Столетней войны выглядели... пристойнее, что ли. Но стоило Хеглунду заикнуться о чем-то подобном, как Игорь мгновенно опускал его на землю, рассказав несколько особенно чудовищных эпизодов. И все же он не убедил Свена — швед остался при своем мнении. Все-таки рассказы — они всегда останутся

рассказами, а то, что приходится наблюдать, не говоря уже о личном участии, действует неизмеримо сильнее.

В первые месяцы работа в ТС представлялась Хеглунду чем-то вроде виртуального развлечения — заброска, встреча с агентом, получение сведений, возвращение на базу. Каждый этап был тщательно просчитан, а экипировка сводила возможность провала практически к нулю. Но с тех пор многое изменилось. Свен словно рухнул лицом в грязь на полной скорости, столько всякой дряни и мерзости довелось увидеть и пережить. С какими откровенными ублюдками пришлось иметь дело! Когда насмотришься на таких и поймешь, что здесь считается стандартом нормального человеческого поведения, то даже некоторые операции ТС — временами чрезчур циничные на взгляд Хеглунда — покажутся верхом благородства и политкорректности.

Еще совсем недавно — было дело, чего скрывать! — он считал всех местных грубыми, неотесанными дикарями. Людьми второго сорта. И солмаонцев, и гильдейцев, и даже чжаньцев, которых ни разу еще не видел воочию, только на видео. И пока Квашнин своей риторикой не поставил его на место и не разъяснил на пальцах всю пагубность такой логики, полагал вполне здравой идею отстрела неудобного географа.

Впрочем, те, с кем ему приходилось общаться, действительно не производили впечатления цивилизованных людей. Мелкие душонки, насквозь гнилые и продажные, способные на любую подлость ради горсти медных монет. Командир говорил, что в Чжандоу даже есть специальная профессия — доносчик. Уважаемая, кстати, не хуже любой другой. В гильдии и в Солмаоне это выражено не так явно, но, тем не менее, и здесь любой готов продать не только ближнего, но и свою страну, вообще любую ценную информацию за сходную сумму. Причем не важно кому — государству или иностранному шпиону. Кто предложит кусок пожирнее. Тайной Службе при полном непрофессионализме ее агентов именно поэтому удавалось столько времени обходиться без серьезных провалов и вести операции относительно успешно. Она просто больше платила.

Но ведь была еще и Илама...

Наверное, если бы Свена спросили, он бы не смог рассказать, чем же она так отличается от своих соплеменников. Долго бы маялся, пытаясь объяснить необъяснимое, с трудом подбирал слова, не факт, что смог бы. В общем, выставил бы себя на посмешище. Командир и так уже над ним насмехается, запал, мол, на девчонку с Веселой улицы.

«Ну, и запал! А что здесь такого?» — Свен-Саргамо улыбнулся. Протянул девушке руку, помог вылезти из импровизированной ванны. Когда она перекинула ногу через край и сделала первый осторожный шагок, он неожиданно дернул ее на себя.

Илама взвизгнула, потеряла равновесие и упала прямо в его объятия.

— Не бойся, — сказал он. — Я тебя спасу.

— Спасешь? — игриво переспросила она. — От скуки и любовных томлений?

— От всего.

«И в первую очередь от тебя самой, — добавил Свен мысленно. — Еще два-три года и ты погрязнешь во всем этом. Станешь обычной моряцкой подстилкой, полностью испоганишь свое тело, к тридцати будешь выглядеть на все семьдесят. Выйдешь на «пенсию», с трудом накопленные гроши вложишь в доходный дом и станешь вроде вон толстой Бреды, хозяйкой постоянного двора. Или «мамашей» веселого заведения. Нет, я тебя здесь не оставлю. Когда все это закончится, попробую уговорить командира вывезти тебя отсюда. Он, конечно, согласится, не сразу, но согласится. Должен же понимать... Игорь лишь разыгрывает перед нами умудренного жизнью циника. Правда, не без успеха, многие верят, да и я верил до недавнего времени. Но после того разговора, на корвете... я понял — ему во сто крат тяжелее, чем нам. Мы — Ли, Мирик, Дюваль и я — видим только часть картины, только то, что происходит вокруг. Командир видит все сразу и с разных планов. И отвечает за все тоже он. Нет, он не откажет...»

Конечно, Свен понимал, что зря тешит себя надеждами, выдавая желаемое за действительное. Командир вряд ли раз-

решит доставить в колонию местную девушку. Даже думать не хочется, к каким последствиям это может привести. Начиная от глупого любопытства, когда все свободные от работы соседи будут приходить пялиться на «дикарку», и заканчивая очень неприятными выводами для всей ТС. Мол, чем это вы там занимаетесь? На наши кровные средства себе из-за океана баб вызовите? Земные не дают, что ли?

Потому он и вел себя с Иламой так странно. В те немногие минуты, когда он мог позволить себе расслабиться и забыть обо всем, Свен просто был собой. Ему хотелось исполнить ее желания, оберегать и защищать, дать ей почувствовать себя женщиной, а не товаром. Но потом приходилось возвращаться в обыденный мир, жесткий и неприглядный, и он сознавал, что своим поведением может научить ее доверять людям и верить в сказки, а значит — сделать беззащитной перед мерзостью той жизни, к которой она привыкла. Тогда Илама просто погибнет, как улитка, внезапно лишенная нерушимого панциря.

И Свен специально показывал, что девушка ему не интересна, не обращал на нее внимания, грубо обрывал робкие попытки выяснить, что случилось, а в первый раз даже продал Иламу Рибауну, чего до сих пор не мог себе простить. Он видел, что ее ранило такое поведение, но все равно гнул свою линию. Зато, если он все-таки не сможет вытащить ее, она останется своей в этом мире. И через какое-то время, когда сотрутся воспоминания о высоком северянине с мертвymi глазами, все станет как прежде.

— Спасу, — повторил он и добавил по-шведски: — Клянусь, я все для этого сделаю.

Девушка даже и не старалась делать вид, будто поняла, что он сказал. Наверняка, на своем скамиррском языке. Мужчины бывают такими таинственными!

— Пойдем, спасатель! — Илама потащила его к кровати. На этот раз он не сопротивлялся.

Но им не удалось насладиться друг другом. Не прошло и одной стражи, как в дверь осторожно поскребся прислужник:

— Господин Саргамо, к вам гости!

Аристократ с сожалением оторвался от губ Иламы, провел рукой по груди.

— Отложим ненадолго, хорошо? Надо поговорить с Рибауном.

Илама нехотя завернулась в покрывало и сморщила носик.

— Опять этот прокисший кожевенник!

— Не бойся, — Саргамо чуть улыбнулся. — Он к тебе и близко не пойдет. Посажу его за стол, запах тебя не побеспокоит. Лежи здесь, изображай нетерпение. Пусть побыстрее уйдет.

— Это не сложно. Мне и изображать ничего не нужно.

Она потянулась, да так выразительно, что он захотел послать в неведомую даль всех кожевников мира, закрыть дверь на засов и провести с Иламой в постели пару дней. Саргамо зажмурился, стараясь избавиться от наваждения.

С трудом, но удалось.

— Так? — невинно спросила Илама.

— Нет, так, пожалуй, не стоит. Просто смотри на него, гримаску сострой, пусть поймет, что не нравится тебе и вообще — не вовремя.

— Ладно. Если ты просишь...

— Если ты хочешь, чтобы он побыстрее ушел... — в тон ей ответил Саргамо и легонько щелкнул по носу.

В этот раз Рибаун попросил о встрече сам. Он делал так и раньше, когда у него было, что предложить, или когда он хотел повысить цену. По рекомендации аналитического отдела Тайная Служба неизменно соглашалась — более ценно-го агента у нее в гильдии не было. В обоих смыслах.

Но Свен в глубине души не соглашался с аналитиками. Иногда следовало бы ставить кожевенника на место, а то скоро хватит через край. Пусть поймет, что не так уж и важен. Что не вся информация, которой он приторговывает, имеет одинаковую ценность. И если он и в дальнейшем будет доставлять малополезные сведения или вербовать ненужных людей, придется подумать о смене агента. А то, чего боятся аналитики, не случится — Рибаун доносить не пойдет. Не такой дурак. Сам завяз по уши. В Гвардии первым

делом бросят в Последнюю Башню его самого. А она потому так и называется, что выхода из нее нет. Никому.

Своей идеей Хеглунд ни с кем делиться не стал, зная, что командир моментально запретит любую самодеятельность.

Жаль.

Саргамо сел за стол за мгновение до того, как за дверью послышались шаги. Постучавшись, Рибаун осторожно заглянул внутрь.

— Проходи, садись, — немного ленивым, барственным жестом приветствовал его аристократ.

Кожевенник вошел в комнату, осмотрелся. Глаза его то и дело возвращались к распластертой на кровати Иламе. Под невесомым покрывалом угадывались многочисленные приятные округлости.

Девушка ответила равнодушным взглядом: кто такой, не помню, через меня вас таких тысячи прошло.

Рибаун нахмурился: «Что эта шлюха опять здесь делает? Аристократик снова хочет предложить ее в уплату? Нет уж, хватит! Ее острый язычок уже доставил ему немало неприятных минут. Чересчур говорлива для портовой девки».

Кин Саргамо кивнул на стол:

— Пей, ешь, рассказывай... У меня сегодня не так много времени, — и он кивком указал на девушку.

«Та-ак, похоже, красотка совсем его окрутила...»

Кроме Свена, которого он считал солмаонским агентом, Рибаун не первое лето передавал сведения и чжаньцам. Когда платили. Работал в две смены — и нашим и вашим. Ежедневная угроза провала щекотала ему нервы, возбуждала, как хорошее вино, но одновременно очень сильно мешала жить так, как хочется. Он уже ничего не мог делать в своей мастерской: постоянно дрожащие руки — плохой инструмент при выделке кож. Хорошо, помощники кое-как справлялись, хватало, чтобы поддерживать мастерскую на плаву. В каждом новом клиенте Рибаун сначала видел подосланного агента Гвардии Ложи и только потом — заказчика. Каждый вечер, возвращаясь домой, он до полусмерти боялся, что там его уже ждут. Что стоит открыть дверь, как железные пальцы вывернут руки, а железный голос скажет:

— Во имя и по распоряжению Ложи вы арестованы!

Земной психиатр в диагнозе сомневался бы недолго: ярко выраженная мания преследования. Сам же Рибаун просто считал себя разумно осторожным человеком. Пуганой вороной. Или — если использовать дословный перевод — пуганным сарехом, маленьким домашним грызуном.

Кожевенник сел за стол, налил себе вина. Достал из-за пазухи несколько свитков, бросил на стол, жестом пригласил Саргамо посмотреть:

— Вот все, что удалось раздобыть, благородный кин. По-моему, это должно вас заинтересовать.

Аристократ склонился над бумагами, торопливо просмотрел их. Первые две отбросил в сторону:

— Мусор!

Следующую прочитал внимательно, хмыкнул:

— Вот это уже лучше!

Выполняя просьбу Саргамо, Илама буравила кожевенника взглядом исподлобья. Даже подталкивала его мысленно: «Прочь, уходи! Забирай свои свитки и проваливай!»

Он что-то вполголоса разъяснял, спокойно и уверенно водя руками по документу, но внутри чувствовал себя неуютно. Присутствие девушки тяготило его, Рибаун до сих пор никогда не вел дела при посторонних. Да, с ним приходили люди, вроде того же копировщика Изнавара, но это были *его* люди, проверенные или купленные за хорошую цену.

Рибаун неодобрительно прищурился. Она, конечно, слишком глупа, как и все портовые девки, чтобы понять хоть малую крупицу из разговоров мужчин, но дознаватели Ложи, доведясь ей попасть к ним в руки, заставят вспомнить все до последнего слова. У них и немые рассказывают, а безголосые поют как птицы.

— Откуда вот это?

— Ко мне в мастерскую поступил заказ якобы от торгового курьера в Чжандоу — срочно обшить кожей несколько свитков. Непромокаемой, так, чтобы выдержали дорогу морем. Сами документы мне не показывали — сказали: государственный секрет. Тогда я послал подмастерье обмерить свитки. Считается, что он неграмотен, — кожевенник усмех-

нулся. — Читать он действительно не умеет, зато обладает уникальной памятью: вернувшись в мастерскую, он не только доложил размеры, но и нарисовал точную копию свитков.

— Неплохо. Имя курьера ты не запомнил?

— Лиантар.

— Как он выглядел? Описать сможешь?

«Солмаон... Чжандоу... — Илама едва заметно поморщилась. — Ох, уж эти мужчины со своими хитроумными планами! Да любая задумка молодой разносчицы на торгу на животреpещущую тему: «как бы окрутить богатого купца» куда как сложнее их заумных комбинаций!»

Она снова презрительно смерила Рибауна взглядом. Кожевенник дернулся, как от удара, покосился на нее уже с явным подозрением.

«Вот дубина! Неужели он никак не поймет, что видела я в погребальной яме всю их политику!»

На самом деле Иламе вдруг стало очень грустно оттого, что Рибаун отнимает у нее Саргамо. Конечно, скоро они закончат обсуждать свои дела, кислый кожевенник уйдет, но северянин уже не будет таким, как раньше. Он снова станет задумчивым, как будто он не здесь, не рядом с ней, а где-то далеко. Он будет все время думать о делах и больше не скажет ей: «Я тебя спасу!»

До следующего раза.

Фитили масляных светильников догорали, огоньки подрагивали, то опадая, то снова вздымаясь вверх — по комнате заплясали причудливые тени. Илама смотрела в потолок, разглядывая их бесконечную игру, и не замечала пристального взгляда Рибауна.

Саргамо передал кожевеннику кошель, тот принял его с поклоном.

— Неплохой улов. Но не более того. Надеюсь, в следующий раз ты порадуешь меня чем-нибудь повесомей.

— Непременно, благородный кин.

— Ладно, ступай. Если что, ты знаешь, как связаться.

Илама торжествующе посмотрела на Рибауна: получил, мол? Меня за три монеты купить хотел, а самого на моих глазах выпроваживаю. С подачкой на бедность.

Кожевенник понял ее по-своему, насупился, поклонился Саргамо и вышел, преисполненный самых черных подозрений. Руки его привычно дрожали.

Расставание с Иламой черным пятном легло на сердце. Конечно, девушка с жаром отозвалась на поцелуй, кивнула в ответ на «обязательно вернусь» и даже пообещала ждать. Но все равно Свену казалось, что он незаслуженно оскорбил ее, походя, не заметив, да так и оставил в опустевшей комнате доходного дома толстой Бреды.

«Ладно, недолго тебе осталось, девочка. Скоро я тебя увезу. Чего бы мне это ни стоило!»

Хеглунд в несколько прыжков пересек Веселую улицу, привычно скрылся в тени глухой стены, проверился, нет ли слежки. Вывернул наизнанку плащ, снял и сунул за перевязь дорогие побрякушки.

Быстро пробежал полкилометра по дну старой сливной протоки, зажав нос, чтобы не оставить на камнях содержимое желудка. Остановился у чахлого кустика огневца, пощипил рукой в корнях. Нащупал неприметную нишу и достал из нее тугой сверток, внешне похожий на ком грязного тряпья: самый последний нищий — и тот не позарится.

Свен выудил из свертка трансивер, пощелкал клавишами. Следящая система сообщала — рядом никого, можно переодеваться спокойно.

Под тряпками прятался бронежилет, весьма искусно сработанный под нательную рубаху. Хеглунд приладил его под плащ, затянул липучки и подмышечные ремни. Постучал себя по груди. Моноткань отзвалась глухим «ду-ду-ду».

«Вот и хорошо. Из гауссовки в упор не сразу пробьешь, а уж из самострела — тем паче. Даже синяков не насажает».

Оставалось еще одно дельце. Кружным путем Хеглунд побежал обратно в Мусорный квартал.

«А вот, похоже, и то самое место...»

— Стойте! — Свен услышал отчетливый скрип взводимой тетивы и про себя поблагодарил командира за то, что

заставил вскрыть схрон и надеть бронежилет. Солмаонский агент, мол, вряд ли лучится дружелюбием.

Если у невидимого собеседника дрогнет рука или не выдержат нервы...

Хеглунд замер, чуть расслабил руки, медленно повернул их ладонями вперед, показывая, что безоружен. И подумал, что Квашнин поручил эту миссию именно ему в том числе и в воспитательных целях. Командир долго не мог простить Свену тот самострельный болт, что едва не пробил бронежилет во время похищения Иррабана. Так и сказал: «Слишком лезешь на рожон». И теперь вот Хеглунду, потерявшему чувство реальности, невредно будет столкнуться с опасностью лицом к лицу. Главное, чтоб броню не забыл.

— Вы всегда так приветливы?

— Тихо! Вы один? — спросили из темноты.

— Как видите.

— Предупреждаю: как только увижу кого-нибудь еще, стреляем сразу. Мои люди держат под прицелом всю площадь.

Свен, которому три минуты назад следящая сбросила несколько фотографий прилегающий территории, чуть усмехнулся. Недоверчивый стрелок пришел на встречу один. ТС знала о нем почти все: Крастал верой и правдой служил в Морском арсенале гильдии. В привычных землянам терминах его можно было назвать глубоко законспирированным агентом. Откуда бы у него взялись «свои» люди здесь, в самом центре гильдейской столицы?

— Хорошо, — он пожал плечами. — Стреляйте, если найдете в кого. А пока, может, перейдем к делу?

— Сначала, давайте выясним одну вещь. Кто вы такой?

— Мое имя вам ничего не скажет.

— Пусть так, но должен же я как-то вас называть.

— Кин Саргамо.

Собеседник фыркнул.

— Что-то я не видел такой фамилии в родовых книгах Ложи.

— Это важно?

— Нет, но я предпочел бы разговаривать с человеком, а не с призраком.

— Вы меня видите, я вас — нет. Кто же из нас призрак?

— Но в отличие от меня, вы знаете гораздо больше.

Я же — ничего, кроме выдуманного имени.

— Слушайте, Крастал! Вы то слишком беспечны, то чесчур подозрительны. Если видите во всем ловушку, зачем согласились встретиться?

— Вы воспользовались способом связи, который знал только я и еще один человек. Сегодня утром я проверил: он жив, хорошо себя чувствует и абсолютно уверен в отсутствии слежки. Вряд ли он согласился работать на вас, чтобы вывести на меня. Но даже если и так — все равно гвардейцам подобное поведение не свойственно. Значит, вы преследуете собственные интересы. Потому я и спросил, кто вы такой.

— Кто я такой — не важно, Крастал. Важно, кого я представляю. Мой господин — один из мастеров Ложи.

— Да? И кто же?

— Вы думаете, я назову вам имя? Ошибаетесь. Скажу только, что он хочет сотрудничать с вами в виду общих интересов. Вы работаете против Соцветия...

Человек в тени шевельнулся.

— Осторожнее с самострелом. Так вот, он тоже не слишком любит желтых. Его симпатии на вашей стороне, потому что его капиталы пострадают, если в Ложе победят сторонники торгового союза с Чжаньдоу. Мастер Партэнно, которого пророчат в кандидаты на Высшее посвящение — противник моего господина. Если совместными усилиями нам удастся доказать его связь с Соцветием, польза будет обоюдной: вы получите массу полезной информации, а мой господин — прекрасную возможность свалить Партэнно. Как видите, я откровенен с вами.

— Если, конечно, говорите правду. Пока я не слишком склонен вам верить.

— Мы на это и не надеялись. Поэтому мой господин решил сделать первый шаг. Мы передадим вам кое-какую информацию, весьма полезную для вас. Безвозмездно. Вы проверите ее, сделаете все, что необходимо, и, если результат вас удовлетворит, мы встретимся снова. Согласны?

— Сначала я послушаю вашу информацию.

— О! Это не займет много времени. Через два дня с побережья уходит торговая галера в Чжандоу. На борту корабля кроме всех прочих будет один ничем не примечательный моряк. Собственно, сам по себе он нас не интересует — просто курьер. Но при нем будет находиться очень примечательный документ. Срочное послание чжаньского агента своему начальству. Не знаю уж, где вы найдете это тайное письмо — в двойном ли дне заплечного мешка или зашитым в одежду курьера. Но найдете обязательно.

— И что в письме?

. . . Точно не знаю. Мы и так копнули слишком глубоко. Вроде бы речь идет о каком-то новом котле в императорских кузнях Чжандоу.

И вот тут Крастал себя выдал. Конечно, его учили владеть собой, и если бы Свен мог разглядеть лицо, то увидел бы, что на нем не дрогнул ни один мускул. Но напряжение оказалось слишком сильным, тело солмаонца слегка покачнулось, и он немного подался вперед.

Сначала из темноты показался самострел — снаряженный болт смотрел в землю, но рука на спусковом рычаге явно не дремала. Потом и сам Крастал вышел на свет, оказавшись невзрачным лысеющим дядькой с обычным, слегка унылым лицом и несимметричной щеточкой усов над верхней губой. Типичный клерк, тихий и неприметный, а потому — вне подозрений.

Свен приветствовал его легким полупоклоном.

— Я вижу, вас заинтересовала моя информация?

— Предположим. Но мне нужны более точные сведения.

— Название корабля, имя и внешность курьера? Без проблем. Если, конечно, мы договоримся о сотрудничестве.

Собственно, в помощи солмаонской разведки земная ТС не нуждалась, главное — сдать чжаньского курьера, остальное не так важно. Но чтобы не вызвать подозрений, Свен готов был спорить и торговаться хоть до утра. Иначе у излишне недоверчивого Крастала моментально возникли бы подозрения: с чего это вы такие добрые, господа?

Вопреки, ожиданиям Хеглунда торг не затянулся. Сказать точнее — он даже и не начинался. Дальнейший разговор

все больше касался гарантий и способов связи. По молчаливому согласию Крастала Свен понял, что крючок попал по назначению — его заглотнули вместе с половиной лески.

Высокие договаривающиеся стороны... договорились.

— Корабль называется «Рассекающий», принадлежит купцу Ахравану, торговцу древесиной и шелком. Курьер нался матросом, внешность самая заурядная: средний рост, невыразительное лицо, черные волосы. Отличительные признаки — небольшой шрам на шее, родинка на правой голени. Зовут Лиантаром. Настоящее имя неизвестно.

«Лиантаром он представился Рибауну, а на корабле его наверняка зовут по-другому. Наш пропахший кожами друг подсуетился быстро, но все равно не успел. К тому моменту мы уже два дня знали, где и с кем поедет послание. Спасибо следящей».

В самом конце беседы Крастал равнодушно спросил:

— Почему вы выбрали для встречи именно это место? Здесь безопаснее?

— Мусорный квартал? — Свен улыбнулся. — Совместно приятное с полезным. На Веселой улице самые умелые девочки.

«Все-таки хочет выяснить, кто я такой. Ну-ну. Даже если он начнет выспрашивать, кто меня здесь видел, ничего определенного не узнает. Толстая Бреда скажет, что я прихожу развлекаться с девочками. Иногда один, иногда с друзьями... Перекупить ее будет сложно — мое серебро ей по вкусу. Да и не станет она ради нескольких монет терять постоянный заработок на дорогом госте, кине Саргамо. Может, и предупредит еще — вы знаете, благородный господин, а вас тут искали, да-да, такой невысокий, лысоватый, с усиками...»

Они расстались довольные друг другом. Крастал — уверенный, что обязательно узнает настоящее имя этого Саргамо вместе с его покровителем и в случае чего сдаст обоих гвардейцам Ложи. А Хеглунд скинул на ретранслятор краткое сообщение: «операция завершена».

«Командир оказался прав: этот Крастал — слишком подозрительный парень. Что неудивительно при такой нервной работе. Если бы я просто передал ему послание, он не пове-

рил бы ни единой букве. А так он непременно задействует свои каналы, информация пойдет наверх, и Лиантар до Сочетия не доедет. Его возьмут, тихо и аккуратно. Конечно, в «послании», которое вез Стоквелл, мы изрядно преувеличили мощь и военную ценность паровой машины... — здесь Свен усмехнулся, вспомнив содержание письма, — ...но благодаря усилиям Ли и сегодняшней акции информация дублирует друг друга, да вдобавок еще и подана так, что усомниться в ней почти невозможно».

— Ну, представь, — объяснял Квашнин три дня назад, во время обсуждения операции, — твоя страна разрабатывает новое оружие. Чрезвычайно мощное и чрезвычайно секретное. И вдруг ты перехватываешь вражеское сообщение, в котором довольно подробно описывается внешний вид ноухау, параметры, краткое описание, включая историю изготовления и испытаний. Короче, все то, что даже сами работники не знают до конца, не говоря уже о тебе. Что ты подумашь?

— И думать нечего. Утечка. Надо срочно искать стукача.

— Именно. Получив от нашего трехлучевого друга копию доноса солмаонского агента, гильдейская президентура Чжандоу встала на уши. Как?! Где?! Откуда?! Ясное дело, они тут же настроили свое послание, где изложили полные ТТХ машины и намекнули самым прямым текстом: ребята, у вас утечка, ищите, кто это там такой сверхинформированный. А мы в свою очередь, сдадим это послание вместе с чжаньским курьером солмаонской контрразведке. Хотя «контрразведка» — это слишком громкое слово, им здесь до нее еще расти и расти, сам знаешь, самый перспективный метод по раскалыванию агентов у них — это Доска Правды и Говорунчик. Но интерпретировать факты они более-менее научились. В Чжандоу курьера так и не дождутся, а в Солмарафане появится еще один кирпичик в легенду о сверхмощном движителе для гигантских и непобедимых кораблей.

— Командир, это Дюваль. У нас тут одна проблемка.

— Что случилось, Жан-Поль?

— Географ хочет с тобой встретиться. Он уже несколько раз интересовался, когда же, мол, прибудет кин Кориал. Настойчивый...

Квашнин хмыкнул.

— Неужели? Иррабан недоволен нашей помощью?

— Да как тебе сказать... — изображение на дисплее трансивера дернулось — видимо, Дюваль пожал плечами. — Вообще-то нет. Не упускает случая поблагодарить: где бы я сейчас был, и все такое. Но, по-моему, обстановочка начинает его тяготить.

— Ну, он все-таки аристократ. Не привык к деревенскому быту.

— Не в этом дело. Мне иногда кажется, что он на нас косо поглядывает. Как арестант на охрану, перед тем, как слизнуть.

— Ну и хорошо.

Ответ командира заставил Дювала удивленно вскинуть брови:

— В смысле?

— Пусть бегает. Обратно в гильдию он точно не вернется, побоится. Значит, решит двинуть в Солмараван или в Соцветие. Первое вероятнее, потому что он там многих знает, в Академии учился, переписку вел с тамошними умниками. Значит, постараётся добраться до кого-нибудь из них, спрятаться там, переждать, обстановку изучить. Если посчитает, что коллега достоин доверия, откроет тайну, попросит поработать посредником. Ну, или сам предложит свои услуги. «Непобедимый император, вверяю себя Вашему милосердию и справедливости, которые известны даже за пределами Земли Тысячи Побед...» Дальше в таком же духе. Сам можешь представить.

— А нам что делать?

— Наблюдать спокойно. Если Иррабан попытается бежать, не препятствуй. Главное — не упусти его из виду. Я как-то объяснял Свену и Ли, что Иррабан — наш джокер в колоде. Похоже, пришло время вбросить его в игру. Конечно, лучше было бы самим предложить его, обменять на какую-нибудь ценную информацию. Но сей-

час уже не до того, в Чжандоу слишком круто все завертелось.

— Хорошо, понял.

— Связь по расписанию, будет что срочное — в любое время. Вдруг наш географ захочет поиграть в «казаки-разбойники»...

— Во что?

— Неважно. В «нас не догонят». Можешь ему помочь даже. Про пожар я, помнишь, что говорил?

— Да. Считаешь, стоит его пугнуть?

— Если через три-четыре дня сам не слянет — валай. Чтоб пострашнее было: огонь, дым, враги под окнами зубами скрипят, ножи точат. Вы, значит, мужественно отбиваешься от превосходящих сил противника, а он под покровом темноты...

— Понял, понял.

— Дай ему уйти и — по коням.

— Ты этих рогатых кошмариков лошадьми называешь?

— А как их еще называть? Баранами, что ли?

Дюваль рассмеялся.

— Ладно, специально для тебя, Жан-Поль, — по барам. Главное, трансивер включите на постоянную передачу, чтоб мы в любой момент знали, где вы. Зарядок хватит?

— Не знаю, командир. Может и не хватить. Не проще будет географу в багаж маячок подбросить? Если надо, следящая его в пять секунд запеленгует!

Игорь вздохнул. «Сколько можно! Объясняй — не объясняй, все бестолку».

— Угу, — с нарочитой иронией сказал он, — следящая, она такая. А еще есть веселые парни из имперской стражи, которые вполне могут Иррабана изловить и обыскать. И случайно обнаружить в его вещах нечто занимательное. В те же пять секунд. Или сам географ, например, полезет в переметные сумы и с удивлением обнаружит нечто, чего туда не клал. А он человек любознательный, очень заинтересуется неожиданной находкой.

— Не подкалывай, командир, я все понял.

— Хорошо. До связи.

* * *

Кин Иррабан с тоской посмотрел в окно. Все тот же скучный пейзаж: размытый осенними дождями деревенский тракт, унылая серая равнина до горизонта, покосившаяся ограда запущенного дома.

Он, блестящий выпускник императорской Академии Солмаона и известный географ, вот уже полтора оборота безвылазно торчит в этой глухи. Кин Кориал, спасший его от ареста в ту памятную ночь, куда-то запропастился, так же, как и его напарник — кин Саргамо. Иррабан подозревал, что благородные господа сейчас ведут отчаянный торг с Солмараваном и Соцветием за его голову.

А кин Риндгайл, вежливо, но твердо пресекавший любые попытки географа снести с внешним миром, все больше напоминал ему тюремщика. С недавних пор его даже из дома перестали выпускать, мотивируя запрет тем, что вокруг шныряет слишком много местных, могут и углядеть беглого ученого. И стоило тогда спасаться от гвардейцев Ложи, чтобы сменить один каменный мешок на другой, пусть и более просторный?

Солнце уже закатилось, окрасив розовым тяжелую пелену облаков на западе. Небесный Диск едва царапал горизонт.

Иррабан вздохнул, присел на край разобранной постели. Он хотел еще немного поработать этим вечером, поправить ошибки и неточности своего труда, но веки потяжелели, в голове шумело, как после молодецкой ночной попойки с академическими друзьями.

Мысль, ворвавшаяся в тягучую пелену полудремы, словно взорвалась внутри, от чего Иррабан пришел в себя, как по волшебству.

«Меня опоили! Усыпили, чтобы без помех передать покупателям!»

Он вскочил, схватил со стола полупустой кувшин с вином, принюхался.

Сонным отваром не пахло и в помине.

— Похоже, я начинаю видеть заговор там, где его нет, — пробормотал он вслух. — Действительно, надо поспать. Эта

комната и неизменная картинка за окном вгоняют в сон в сто раз надежнее любых снадобий.

Иррабан закутался в покрывало и незаметно для себя заснул.

В полудреме ему казалось, что он снова путешествует по северным землям, нанося на карту береговую линию Промерзлых морей. С безбрежного белого поля задувает ледяной бриз, но слуга уже разжег костер, укрывшись от ветра за холмом. Потянуло дымом, вроде бы даже затрещали горящие поленья.

«Хорошо!»

Кто-то потряс его за плечо. Наверное, пришли сказать, что ужин готов и благородного господина просят отведать.

— Кин Иррабан! Кин Иррабан, просыпайтесь!

Географ открыл глаза, не сразу сообразив, где он и что происходит. В первое мгновение он даже испугался и едва не запачкал покрывало — над ним склонился человек с палашом в руках. Бесформенный в темноте и оттого просто огромный.

— Кин Иррабан!

Только теперь он узнал его по голосу: Риндгайл, негласный тюремщик.

«Но почему он с оружием? Что?! Нападение?»

Географ широко раскрыл глаза, заворочался, пытаясь выпутаться из покрывала. Вдохнул полной грудью и понял, что огонь ему отнюдь не приснился. Пахло гарью, в полуоткрытую дверь прокрался сизый дымок, который стелился по полу, в окне разливалось красное зарево. На улице что-то кричали.

— Быстрее, кин Иррабан! На нас напали. Чжаньцы. Бегите на задний двор, седлайте скакуна — и ходу! А мы постараемся их удержать. Скорее же, если вам дорога жизнь!

Ученый соскочил с постели, суетливо принялся собирать разложенные на столе записи. Темнота мешала ему, он нащупал кресало, светильник и попытался высечь огонь. Сноп искр на короткий миг осветил комнату, фитилек затлев алым глазком.

— Вы что?! — крикнул Риндгайл. — Гасите немедленно!

В тот же миг в оконную раму что-то глухо бухнуло два раза подряд. Третий болт прорвал пленку рыбьего пузыря и с силой впечатался в противоположную стену.

От неожиданности географ уронил светильник, тот закатился под стол и погас.

— Нет времени, кин Иррабан! Уходите!

— Но мои записи...

— Уходите! Быстрее! — Риндгайл схватил ученого в охапку, сунул в руки плащ, переметные сумы с едой и деньгами. Последнюю географ так еще ни разу и не открыл.

Человек, которого Иррабан про себя звал тюремщиком, потащил его вниз по лестнице. Первый этаж оказался весь заполнен дымом. С улицы доносился звон оружия, короткие команды, крики. Окна зияли прорехами, тут и там в полу торчали самострельные болты. Обмотанные паклей головки горели чадным пламенем, роняя вокруг пылающие капли. Занавесь, разделявшая комнаты, превратилась в тлеющие рваные полосы.

Риндгайл толкнул ученого в сторону.

— Бегите, кин Иррабан! И будьте осторожны! Они бьют зажигательными стрелами!

И тут же скрылся в дыму. Скрипнула дверь, звуки битвы усилились. Новая порция болтов вгрызлась в стену дома короткой дробью. Кто-то застонал.

— Бей желтушников! — отчаянно закричал голос со скамиирским акцентом.

Географ колебался недолго: в тот момент, когда снаружи долбанули в дверь чем-то тяжелым, он рванул к противоположному выходу. В считанные мгновения оседлал своего скакуна — того самого, на котором уже бежал однажды из осажденного дома, — вскочил в седло и, дернув поводья, помчался на север, оставив за спиной пожар и звуки битвы. Вслед ему запоздало хлопнуло несколько самострелов, огненный росчерк пронесся совсем рядом, еще два болта tkнулись в землю чуть впереди.

Поздно. Птичка ускользнула.

Иррабан с раскаянием подумал о своих спасителях. Эти люди уже второй раз рискуют ради него жизнью, возможно

сейчас — в последний. Неизвестно сколько там чжаньцев, может сотня. Людей Риндгайла перебьют ради того, чтобы он, Иррабан, снова остался на свободе.

— Он скачет на северо-запад, командир. Мы идем следом в трех километрах.

— Да, мы видим вас. Понятно теперь, куда он едет.

— Куда?

— В предместье Солмаравана, небольшой городок под названием Тихая заводь.

— Похоже на кладбище.

— С твоим юмором, Жан-Поль, надо в Хоуп-ИТВ выступать. Это не погост, а вполне респектабельное местечко, для не очень бедных. Точнее — для очень не бедных. В городке живут торговцы, имперские советники, бывшие фавориты.

— Гм... Его ж там повяжут в пять минут!

— Судя по всему, он направляется к своему старому однокашнику, естествоиспытателю кину Лиганова. Как мы и предполагали. Он у нас теперь и на Три Лианы в обиде, и на Чжандоу, думает, небось, что вас всех перебили. Деваться ему некуда, вот и решил предложить свои услуги Солмаону. Проследи его, и возвращайтесь на побережье. Корвет вас заберет.

— А кто будет за географом приглядывать?

— Оставь Рихтера. К утру прибудем мы с Мириком. Попробуем сдать Иррабана и тем, и другим. Солмаован и так его ждет не дождется, да и чжаньцам не мешало подкинуть подсказочку.

Троє суток Квашнин упорно старался стравить имперцев друг с другом, используя Иррабана, как приманку. Солмаон направил в Тихую заводь специального посланника с внушительным эскортом. Полномочия у него были самые широкие: от любезного приглашения географа ко двору до немедленного ареста, если вдруг заартачится.

Кин Лиганова успел три раза раскаяться, что согласился принять у себя Иррабана. Имперский посланник в твоем дворе — отличный повод для пересудов и сплетен. И никто, конечно, не поверит в хорошие новости, все соседи в один голос заявят: его приезд — преддверие ареста. И не отмоешься потом, каждый встречный будет смотреть с подозрением, большинство старых друзей отвернется от тебя, а те, что побогаче, вообще откажут от дома.

Иррабан уехал с посланником, естествоиспытатель взялся их провожать до самого Солмаравана, а когда вернулся, обнаружил, что в доме все перевернуто. Полы вскрыты, мебель порублена в щепы, и даже резные декоративные панели, которые он привез из горских княжеств, варварски отодраны от стен — агенты Чжандоу искали бумаги географа.

Квашнин тоже проводил Иррабана до столицы, передал сведения чжаньцам, а для уверенности встретился еще и с Рибауном. Тайная Служба давно знала, что кожевенник работает и на Соцветие, в разговоре с ним Игорь как бы случайно упомянул беглого ученого. Рибаун вдруг куда-то заторопился, наскоро пересказал кое-какие новости, одна из которых повергла землянина в шок.

А через день, когда с императорского двора Иррабану доставили личное приглашение Гравандера II, чжаньцы дерзко переиграли солмаонскую разведку. Географа практически не охраняли — предложения императора были слишком щедрыми, чтобы опасаться побега. На всякий случай к нему приставили двух соглядатаев, обязав следить за всеми передвижениями ученого.

Утром их нашли на задворках постоянного двора с перерезанным горлом.

Кин Иррабан исчез.

Игорь вернулся с материка почерневший от усталости и сразу же вызвал к себе командиров групп. Коротко рассказал им о побеге Иррабана, о похищении, но агенты сразу же заметили, что команда гнетет совсем другое.

— ...но когда наш благородный географ прибыл в столицу, и ему назначили аудиенцию у самого императора, его прямо из-под носа солмаонской разведки выкрали шпио-

ны Чжандоу. Прямо с постоянного двора, где он остановился.

— Но это же хорошо! Ты же сам говорил: «Мы выбросим козырь в игру, когда придет время». Разве нет? — спросил Ли.

— Да, говорил. Но сейчас чаша весов чересчур качнулась в сторону Соцветия: они строят машину, а теперь и географ у них же... Они могут максимально форсировать исследования, опасаясь противодействия Солмаона. И двигатель, и путь на запад вполне могут быть подготовлены уже к концу зимы. Если, конечно, Гравандер II не сделает ответный ход.

Агенты ждали продолжения, но Квашнин замолчал. Он как будто давал понять, что разговор закончен — взял со стола трансивер, набрал код и сказал в микрофон:

— Свен, зайди ко мне. Срочно.

— Мы больше не нужны, командир?

— Ребята, не уходите. Сейчас Свен придет... — неожиданно попросил командир.

Дюваль и Ли переглянулись: Квашнин не часто говорил таким тоном.

Хеглунд появился через несколько минут, когда напряжение в кабинете достигло максимума.

— Всем привет! — задорно провозгласил он с порога. — Наклевывается новое дельце, командир? Хорошо! А то я уже соскучился.

По рекомендации аналитического отдела шведа решили временно попридержать в резерве. Подозрительный Крастал усердно копал вокруг Веселой улицы, пытаясь выйти на таинственного кина Саргамо. Ничего путного он пока не нашел, но рисковать все же не стоило.

— Свен... — неестественно спокойно сказал Квашнин. — Сядь, Свен.

Швед осторожно опустился на стул.

— Что случилось?

— Вчера вечером на Веселой улице гвардейский патруль обнаружил труп. Труп девушки... Ее опознали. Это был Илама, Свен.

— К-кто?! — заикаясь, спросил Хеглунд. От внезапно прилившей крови его лицо исказилось и превратилось в неподвижную маску.

— Илама.

— Н-нет, я с-спросил, кто... ее убил?!

— Говорят, уличные грабители. Она возвращалась от подруги и...

— Я не успел, — тихо сказал швед.

— Что?

— Я хотел увезти ее и... не успел.

Он опустил голову, посмотрел на свои руки. Несколько раз разжал и сжал кулаки. Игорь поднялся из-за стола, хотел обнять Хеглунда за плечи. Тот резко отклонился в сторону, словно дав понять: не трогайте меня сейчас.

Дюваль и Ли с жалостью смотрели на него.

— Све-ен... — тихо позвал Жан-Поль.

— Ничего, — сказал Хеглунд. — Со мной все в порядке.

Он резко вскочил, обвел стены помутневшим взглядом и выбежал из кабинета.

— Я догоню, пока он что-нибудь над собой не учинил, — сказал Дюваль и бросился следом.

— Это правда? — спросил Ли.

— Что?

— Про грабителей.

Квашин на мгновение замялся.

— Нет, Ли. Иламу убил Рибаун, кожевенник. Якобы за то, что слишком много знала. Свена долго не было, она заслонившись и помчалась в мастерскую к Рибауну, он ей по глупости однажды адрес оставил. Илама частенько видела их вместе, подумала, что кожевенник может что-то знать. А он решил, что его выслеживают, слишком уж приметно девушка крутилась около мастерской, могла всех выдать. У Рибауна с головой явно не все хорошо, паранойя цветет буйным цветом, вот и зарезал любопытную.

Китаец беспокойно оглянулся на дверь, как будто ожидал, что Свен все слышал и сейчас ворвется в кабинет, начнет крушить мебель.

— Врет?

— Может, и врет. Скажем, она ему просто не дала. Решила, что кроме нашего Свена никто ей больше не нужен — и не дала. А он оскорбился: как же так, портовая шлюха имеет наглость ему отказывать? И саданул ножом под ребро. Но... я в это не верю. С его осторожностью он на себя не стал бы труп вешать, если б не имел на то серьезных причин.

— А Свену ты почему не сказал?

— Господи, Ли! Подумай сам, что сделает Хеглунд, узнав правду? Наплюет на все инструкции, вооружится до зубов и отправится в Морскую столицу восстанавливать справедливость. Во-первых, наиболее близкой к провалу ситуации я себе и представить не могу, а во-вторых, Рибаун пока слишком ценен для нас.

Ли передернуло. Он поднял голову, с отвращением посмотрел командиру прямо в глаза:

— И ты ему заплатил? Зная обо всем, заплатил? Когда-то ты говорил, что Служба, мол, не продает своих! А это тогда как называется?!

Квашнин поднялся, положил руку китайцу на плечо. Тот хотел было ее сбросить, но Игорь цепко ухватил его за предплечье и встряхнул:

— Не сверкай на меня глазами, Ли! Да, я заплатил ему! И ни словом не обмолвился про гибель Иламы! И Хеглунду не сказал, кто на самом деле убил ее! Ты это хотел услышать? Или то, что мне было противно не меньше твоего?! Только ты услышал все с моих слов, а я сидел за одним столом с убийцей, пил с ним, разговаривал! И я не меньше твоего хотел разрядить ему в голову самострел... — Он сник, снова сел в кресло, сцепил руки за головой: — Но я не имел права, Ли. От нас и только от нас зависит, будут ли земляне жить на Надежде через сто лет. Мы не имеем право на ошибку, на жалость или — если уж на то пошло — на месть. И я тебе снова скажу то же самое, что уже говорил недавно: нам пора забыть про щепетильность и высокие идеалы. Забыть, как бы это не было тяжело.

Архивные справки.

Из обзорной лекции «Политика Земли и современное положение на Надежде».

...Военными Генштаба ООН, а также некоторыми высокопоставленными чиновниками национальных правительств (например, Евросоюза и САСШ) неоднократно высказывалась идея противоположного плана. Предлагалось не истребить, а наоборот — оставить в покоеaborигенов Надежды, естественно, под негласным контролем землян, используя их в качестве пропаганды инопланетной угрозы. Своего рода пугала для простого обывателя, не слишком разбирающегося в межцивилизационных противоречиях. По утверждениям военных под давлением «чужой» угрозы прогресс — в первую очередь оружия — движется семимильными шагами.

СМИ и политические противники ехидно намекали, что генералы заботятся не о прогрессе, а в первую очередь о себе. В «холодной войне» сaborигенами Надежды ордена и чины зарабатывать куда как проще, чем в наше спокойное время, а на гонке космических вооружений можно очень неплохо погреть руки.

Кроме того, опасения правозащитников, что все это на многие годы станет прекрасным поводом ввести жесткое правление с военным положением, милитаризацией общества и цензурой, сделали идею генштабистов абсолютно непопулярной.

Но, так или иначе, большинство национальных и международных политических партий выводят специальным пунктом в своей предвыборной программе или вечный мир на Надежде, или тотальную «зачистку» планеты (в зависимости от пристрастий большинства избирателей своей страны), и обещают добиваться нужного решения в ООН.

Дебаты не смолкают уже не седьмой год, появилось даже несколько новых религиозных сект, вроде «Очищения» и «Света Господнего душам заблудших», не говоря уже о «специализированных» террористических организациях.

Пока на Земле спорят, колонисты Надежды, вполне разумно опасаясь за свое будущее, вынуждены перейти от

пассивного наблюдения к обороне. Шесть лет назад по предложению аналитического отдела колониального правительства силами Тайной Службы запущена программа «Стагнатор» (с молчаливого согласия Метрополии) — в противовес форсированнию развития аборигенов, и как альтернатива полному уничтожению.

Не обладая значительными людскими и материальными ресурсами для военного противостояния и даже для специальных акций, Тайная Служба разрабатывает ряд мер, способствующих торможению прогресса в области механики, астрономии, судостроения на Восточном материке. Кроме того, действующим полевым агентам Тайной Службы приказано всеми силами препятствовать опасному сближению Восточных Империй. По всеобщему молчаливому согласию лучше всего будет снова столкнуть вечных противников в военном противостоянии, ибо тогда ресурсы пойдут не на исследования неведомых земель, а на вербовку солдат, осадные машины и снабжение армий...

ГОЛОВОРЕЗЫ

Узнав о взрыве и вызванных им разрушениях, в кузни после целого дня пути из столицы прибыл советник императора, тот самый отставной кавалерийский тысячник — Адитамаро. Он осмотрел место катастрофы, спросил о потерях. Поначалу отказывался верить, что все это натворил обычный водяной пар. А поверив — восхитился настолько, что не чинясь, звал молодого мастера «ансеем», сиречь «наставником»:

— Вы гениальный мастер, Косталан-ансей! Вы еще сами не понимаете, что изобрели! Ваш пародел не только прообраз движителя для кораблей или повозок, он — основа нашей будущей мощи! Залог полного поражения бледнозадых варваров! Любой полководец может только мечтать о столь разрушительном оружии! Куда там нашим бомбардам и катапультам...

— Но, командир тысячи крыльев...

— Зови меня по имени, мой мальчик! Ты заслужил!

— Простите, Адитамаро-са, я хотел, чтобы мой пародел поднимал воду на верхние террасы поливных полей...

Советник, от восторга утративший свою обычную солдатскую прямоту и грубость, не стал в этот раз поминать собачий кал и вонючих крестьян. Идея чудо-оружия, которое сделает Соцветие непобедимым, так захватила его, что он был готов на любые уступки.

— Обязательно поднимет! Конечно! Всепременно! Вот только утихомирим раз и навсегда северных ублюдков, чтобы не повадно было зариться на наши земли, да разведаем, что там — на западе, и, клянусь Небесным Диском, пародел станет водоносом!

Доклад тысячника вкупе с недавним рассказом Беспрестрастного Свидетеля явно произвел впечатление в столице. Через день после отбытия Адитамаро гонец на взмыленном скакуне привез «красный» приказ — знак личного одобрения

императора. В нем надзиравшему за работами Зрачку Креганону предписывалось ускорить строительство нового котла. А следующим шагом должна стать отливка опытного варианта движителя.

Успех сулил Косталану повышение на два чина и по жизненную пенсию. О чем офицер Ока не преминул сообщить мастеру:

— Видите, Косталан-са, наш император, да продлится вечно его правление, всегда награждает своих подданных за верную службу. Дело за вами.

Ему очень хотелось обрадовать кузнеца, завоевать, наконец, если не его доверие, то хотя бы приязнь. Конечно, лучше было выпустить девчонку, но кто поручится, что мастер просто-напросто не сбежит с ней?

Косталан не принял предложенного тона.

— Странно, что вы так заботитесь обо мне, — мрачно сказал он. — Наверное, в случае успеха и вам немало достанется. Что же? Новый чин? Должность в Совете?

Улыбка на лице Зрачка застыла, превратившись в гримасу.

— Вас это не касается. Думайте о себе и...

— Знаю, знаю, — кузнец смерил его взглядом, — об одной особе, хорошо известной нам обоим. Знаете, Креганон, я и так думаю о ней каждый день. И горе вам...

Он осекся. Веко Лебанури, стоявший рядом, довольно ощутимо ткнул его в бок: молчи, мол.

Да уж, угрожать самому доверенному слуге Всевидящего Ока действительно глупо. Ребячество. И Юнари не спасешь, и сам себе обеспечишь очистительное сожжение.

Креганон несколько мгновений молчал, ждал продолжения. Даже вперед наклонился, чтобы не упустить ни слова.

«Эх, вмазать бы ему сейчас от души!» — подумал мастер.

— Не волнуйтесь так, Косталан-са. Она в хороших условиях, за ее безопасность отвечают мои лучшие люди. Девушка ни в чем не нуждается. Кроме вас, — Зрачок осклабился. — Каждый день спрашивает. Не разочаровывайте ее.

Кивнув на прощание, он направился к выходу. Кузнец смотрел, как он уходит, яростно сжав кулаки.

Ничего, все вокруг в один голос говорят, что он, Косталан, в фаворе у императора. Что по завершению пародела он поднимется очень высоко и теперь, после исчезновения мастера Хинновари и гибели расчетчика Ринтагавора, вполне может стать главным распорядителем государственных кузней. А то и младшим членом императорского совета. Вот тогда и посмотрим, кто будет смеяться последним, Зрачок Креганон! Долго ли вы усидите на своем месте, если в докладной записке новоиспеченный советник посетует на излишне активную деятельность солмаонских шпионов и саботажников? Да еще добавит, что некий высокопоставленный офицер Всевидящего Ока вместо того, чтобы бороться с ними, тратил время и силы на аресты ни в чем не повинных людей.

— Он говорит правду. С Юнари все в порядке, Косталанса, — произнес Лебанури вполголоса, чтобы не услышал Креганон, который еще не успел отойти далеко.

— Где она? Ради Небесного Диска, скажите!

— Я не могу...

— Хотя бы намек! В Мраморном городе?

Веко едва заметно кивнул.

— В канцелярии Ока? Помогите же! Прошу вас!

Офицер молча покачал головой и только когда Зрачок скрылся за воротами, тихо добавил:

— Не имею права, Косталан-са. Могу сказать только одно — существует специальная тюрьма для личных узников Всевидящего Ока. Внешне она выглядит, как обычный особняк. Условия содержания разные, но, поверьте мне, ваша девушка действительно не чувствует себя пленницей. Впрочем, вы и сами все видели.

Он замолчал. Косталан схватил его за руку, воскликнул:

— Где этот дом, Лебанури! Скажите!

— Все, больше я ничем помочь не могу. Я и так сказал слишком много.

Из налоговой канцелярии прислали нового расчетчика — плешилого мастера Игнаури. Нелюдимый и малоразговорчивый, он молчаливо щурялся на чертежи, быстро щелкал костяшками на решательной доске и выдавал результат. Втроем,

вместе с мастером Енгарно, они внесли небольшие изменения в проект: чуть изменили конструкцию заслонки, добавили целых два запорных механизма, чтобы впредь не допустить аварии, подобной той, самой первой. Вместо пускового желоба Косталан решил приделать рабочую камеру с двумя толкателями. Когда выпущенный на свободу пар сдвинет первый, второй встанет на освободившееся место. Следующая порция сдвинет и его, одновременно возвращая назад первый толкатель. И так — до тех пор, пока не погаснет огонь в топке или не закончится вода.

Чтобы ускорить работы, Косталану выделили еще людей. Теперь на строительстве пародела трудилась большая часть всех работников государственных кузней. Лишь один орудийный двор лениво ковырялся со старыми бомбардами, подготавливая поврежденные пушки к переплавке. Зато на главной площадке дым, что называется, стоял стеной, потные литейщики, голые по пояс, несмотря на осеннюю сырость, плавку за плавкой отливали части нового котла.

Зима наступила сразу, как будто решила показать всем, кто теперь в Соцветии полновластный хозяин. После почти целого оборота бесконечных осенних дождей выглянуло солнце, но не успело ни прогреть, ни хотя бы подсушить грязный чавкий кисель, в который превратилась земля — на следующий день ударили холода. Глина немощеных проулков, круто, как у хорошего гончара, замешанная сапогами, копытами и колесами повозок, разом затвердела, улицы исчезли, обернувшись нагромождением ухабов и колдобин. Шлифованные камни мостовых покрылись ледяной коркой — на радость детворе и на проклятия взрослым. Даже лужи промерзли до дна — явление для Соцветия и вовсе небывалое.

Жрецы предсказывали, что зима в этом году будет долгой и морозной — мол, из-за влияния Небесного Диска, мир отойдет на большее расстояние от Солнца, чем обычно. Но кто внял их увещеваниям? Кто утеплил дом, прикупил на торгу северные меха или озабочился заготовкой дров? Хватило бы на еду семье, а до холодов еще дожить надо!

Солнечные редко ошибаются, им верят, благодарят дорогими подношениями, но столь резкого наступления зимы никто в городе не ожидал.

Дрова на рынке подорожали почти втрое, став не помошне Глиняному и Бамбуковому кварталам. Император, да продлится вечно его правление, приказал раздать две дюжины огромных подвод с хворостом. Этого бы все равно не хватило, но, по крайней мере, помогло бы людям пережить непривычный холод. Распорядитель государственных складов почему-то разгрузил хворост ночью, у Водовозной площади — работа закончилась только под утро. Бронзовое было созвало людей к огромной куче топлива: подходи, бери, кто сколько унесет! В это время мужчины уже ушли на службу, дома оставались только жены и дети, а много ли они смогли поднять? Но бобылям и того не досталось — куча иссякла подозрительно быстро, задолго до того, как они вернулись с работы. Знающие люди говорили: если все, что вывалили на площадь, снова сложить по подводам — и на полтора десятка-то не хватит, не говоря уж о двух дюжинах.

Хворост потом видели на рынке по новой, тройной, цене. Народ злословил, что складскому распорядителю хватит теперь на седьмую любовницу — чиновник слыл большим охотником до плотских забав. Наговаривали, конечно. Кто знает, может, люди сами надумали распродать дармовое добро, решив, что звонкая медь все же лучше, чем дерево, которое сегодня есть, а завтра — сгорит в очаге.

Но, так или иначе, бедняки в Глиняном квартале все равно замерзали. Чтобы хоть как-то обогреться люди выбрали с берега все выброшенные морем обломки дерева. Заросли тростника в плавнях незамерзающей Арчинзеи — и те давно уже потрескивали в очагах. В огонь полетели даже зловонные кипы водорослей. Горели они плохо, все больше чадили, да и запах от них такой, что хоть на улицу нос высовывай, зато не стоили ни одного мелкого грошика.

А потом пошел снег. Морские шквалы снова принесли непогоду, окутав все побережье белым пуховым покрывалом. Порт, корабельную стоянку, дома, улицы и площади — все, даже ослепительные громады Мраморного города, завалило

непроходимыми сугробами. Целая армия уборщиков с лопатами и скребками по утрам выходила расчищать улицы. К вечеру им обычно удавалось освободить от снежного пленя несколько основных проездов. Утром все приходилось начинать с начала.

Но ни осенняя распутица, ни морозы, ни снегопад не могли остановить работы в литейной мастерской. Лихорадочная суэта теперь не прекращалась даже ночью. Над главной площадкой установили навес, а чтобы он не рухнул под тяжестью выпавшего снега, подмастерья каждое утро лазили наверх очищать его. Они же скальвали лед с дорожек — мера вынужденная, введенная после того, как один из работников поскользнулся и рассыпал по всему двору корзину с крицами. Металл подготовили для варки «супового» железа, несколькими плавками подряд очищая его от шлаков и лишних примесей. Но чушки вывалились в грязь, и осторожный мастер Енгарно приказал все переделать, несмотря на горячие протесты Косталана:

— Енгарно-ансей! Это же целый день лишней работы! Зачем? Вымоем в жгучем настое, да оботрем — и можно пускать крицы в дело!

Теперь он торопился как мог, надеясь побыстрее завершить проект. Молодой мастер все реже вспоминал о первоначальной идее — гигантского водяного колеса, движимого силой пара. Потом... Сейчас главное построить им всем этот движитель. Что стоили повышения в чинах против возможности наконец-то увидеться с Юнари, побывать с ней! Ради нее он сделает что угодно, а уже потом, когда на его стороне будут сила и власть, можно разобраться с Креганоном.

— Нет, Косталан-са, — голос литейщика отвлек его от посторонних мыслей. — Не стоит торопиться. Вы знаете, как четко отмерял старый Саригано все ингредиенты для «супового» железа. А если мы что-то упустим? Если грязь попадет в плавку?

Скрепя сердце, молодой мастер вынужден был согласиться, обозвав про себя Енгарно перестраховщиком. С того дня у них начались разногласия: опытный литейщик делал все по правилам, заставляя иногда переделывать работу не-

скольких дней, если находил какой-либо изъян. А Косталан гнал и гнал вперед, часто закрывая глаза на мелкие недоделки. Как и раньше, он сам проверял итоговые результаты, но критический взгляд все чаще изменял ему.

Енгарно поправлял снова и снова:

— Косталан-са, так нельзя. Вы вчера одобрили все три изготовленные полосы, но вот здесь, смотрите, явный изъян в металле. Я приказал переделать.

— Зачем? В новом варианте мы решили сделать не пять полос, а целых двенадцать! Крепость одной ничего не решает!

— Зато слабость одной решает все. Вы не хуже меня знаете старую пословицу, что циновка рвется там, где самая ненадежная соломинка. А что если котел разойдется по шву, который скрепляет именно эта ненадежная полоса? Вы молоды, Косталан-са, а юности свойственно увлекаться. Но не торопите результат. Все должно быть четко выверено, иначе мы снова окажемся у груды железных обломков.

Каждая новая задержка злила молодого мастера, выбивала его из колеи. Ведь они все дальше и дальше отодвигали срок окончания работ. А неумолимому времени не прикажешь остановиться. Три оборота на исходе — скоро с него спросят результат. И даже не хочется думать, что может случиться, если пародел к тому моменту не будет закончен.

В конце концов, Косталан не выдержал и пожаловался Веку Лебанури. Они немного сблизились за эти дни, вынужденные работать бок о бок. Кузнец еще не избавился от явной неприязни к бывшей и нынешней профессии Скользкого, но постепенно привыкал к нему как к человеку. Они редко разговаривали о чем-либо, что не касалось пародела, но в нечастые минуты откровенности Косталан узнавал историю Лебанури, аристократа по рождению, завсегдатая припортовых трущоб в бесшабашной и распутной юности.

В ответ молодой мастер рассказал о разногласиях с Енгарно:

— Он слишком придирчив ко всему, слишком. Это переходит всякие границы. Я даже не могу объяснить, чем он ру-

ководствовался, когда приказал переделать вчерашиюю плавку или забраковал одну из скрепляющих полос. Он словно завидует нашему успеху, намеренно сбивая подковы моим скакунам.

Красивый речевой оборот — из книг — должен был подчеркнуть степень возмущения, отприск аристократского рода, пусть и разорившегося, оценит красоту слога.

Но Веко уделил больше внимания самой жалобе, воспринял ее всерьез, засобирался и к вечерней заре уехал с докладом к Зрачку Креганону.

А утром, как только мастер Енгарно явился в кузни, его окружили легионеры:

— По велению Всевидящего Ока вы арестованы!

Литейщик удивленно проговорил:

— Небесный Диск! За что?!

— Вам объяснят. Стойте смирно!

Ресницы обыскали мастера, вывернули руки. Он попытался освободиться, но слуги Ока держали крепко:

— Не сопротивляйтесь! Этим вы только усиливаете свою вину!

Когда Енгарно выводили со двора униженно согбенного, со связанными локтями и колодкой на шее, Косталан предпочел отвернуться. Литейщик крикнул:

— Косталан-са!!! Я ни в чем не виноват! Скажите им!!!

Молодой мастер опустил голову — чего кривить душой и говорить, что не ожидал такого поворота. Нет, когда он сетовал на Енгарно Веку Лебанури, то предполагал, конечно, что офицер даст жалобе ход наверх, и литейщика, скорее всего, арестуют. Но не так же! Не на глазах у всех! Косталан думал, что мастера возьмут дома, как его самого когда-то, промурыжат несколько дней в канцелярии Ока, да и выпустят. А у него пока появится возможность спокойно закончить отливку без постоянных придирок Енгарно.

Вышло не так. Через день в кузнях появился Зрачок Креганон, сияющий, как умытый дождем Небесный Диск:

— Я знал, что мы сработаемся, Косталан-са!

— Неужели? — удивленно переспросил кузнец, который был уверен в противоположном.

— Именно! Вы не только ведете работы к победному, я надеюсь, концу, но и сами занялись отловом солмаонских шпионов!

Мастер похолодел:

— Что? Енгарно оказался предателем?!

— Да, он во всем сознался. Брал деньги за то, что всеми доступными способами сдерживал изготовление котла. Хуже того! Он признался в подготовке новой аварии, а потом — когда его допросили с пристрастием — еще взял на себя вину за первую.

— Значит...

— Именно он залил оловом запорное устройство.

— И что теперь?

— Уже — ничего. — Креганон сделал ударение на слове «уже», помедлил, наблюдая реакцию собеседника. — Сегодня утром изменник предан очистительному сожжению.

— Ли? Слышишь меня?

— Да, командир. Что за срочность?

— Немедленно вызывай Ю Фата! И уходите из города! Понял?

— Понял. Но зачем?

— Уходите!!! Как можно дальше!

— В чем дело, командир?

— К вам идет солмаонская эскадра. Мы видим ее с «пятерки» — три канонира и штук пятьдесят десантных галер.

Брови Чжао Ли взлетели вверх, он побледнел, точнее посерел, желтая кожа сделалась совершенно бесцветной.

— Они хотят штурмовать город?

— Не знаю. Но людей на галерах более чем достаточно. Плюс три тяжелых речных канонира. Береговой охране придется нелегко. Уходите к точке вброса, я вышлю за вами корвет. Колоны опять будут ворчать о перерасходе топлива, ну да хрен с ними!

— Но... Это же война, командир!!!

— Еще не знаю, Ли, — ответил Игорь, щелчком тумблера вырубил связь и договорил в гулкой пустоте кабинета: — Но очень на это надеюсь.

* * *

Первыми тревогу забили на маяке, что венчал шип узкой каменной гряды, уходящей в море на полтора десятка перестрелов. Ночью там зажигали огромные чаны с горючим маслом, а сменный дежурный через короткие промежутки времени бросал в них точно отмеренные порции специальных добавок, окрашивающих пламя в тот или иной цвет. Толченой льнянки для зеленого огня, если проход в залив чист и свободен, ситника — для красного, если штурмовые волны яростно кидаются на скалы, препреждая доступ в узкую горловину бухты.

Днем с верхней — открытой — галереи просто следили за морем, высматривая, не терпит ли бедствие в прибрежных водах купеческий корабль. Хотя какая торговля зимой!

Должность наблюдателя считалась не пыльной — платили хорошо, а работать особо не требовалось. Разве что холод донимал. Ночью еще куда ни шло: люди грелись у сигнальных чанов, а вот коротким зимнем днем промозглая сырость проникала сквозь любую самую толстую одежду. В народе морских дозорных презрительно именовали «мерзлыми задами», намекая на сидячу работу и вечный холод.

Но именно они, два наблюдателя дневной смены, как бы ни дразнили их соседи и друзья, заметили опасность раньше всех.

— Смотри, что это? Никак наши возвращаются? — спросил дозорный помоложе.

Второй высунулся наружу, приложил руку к глазам, заслоняясь от солнца. Он иногда подрабатывал в порту плотником, бывал на военных кораблях, нахватался там кое-чего. Потому и понял все сразу, в отличие от напарника.

— Солмаон!!!

— К... кто?

— Это корабли бледнозадых! Тревога!!!

Трясущимися руками молодой поджег сигнальный чан. Масло полыхнуло ярким чистым пламенем.

— Тревожную смесь!! Ну же! Быстрее!

И не дожидалась действий напарника, сам зашарил по полкам.

— Он здесь... здесь... — бормотал молодой, стаскивая запылившийся короб. От неуклюжего движения тот рухнул на пол, треснул и раскрылся, рассыпав нужный порошок.

— Урод безрукий! — крикнул бывший плотник. — Собирай!

Ухватил горсть черных крупинок и швырнулся в огонь. От чана немедленно повалил жирный густой дым. Молодой заикался.

— Ну! Давай еще!

Столб, поднявшийся над маяком, в порту и в крепости заметили почти одновременно. Зрительные трубы наблюдателей разом уставились на море, выискивая опасность. Как только из-за мыса показался округлый нос первого солмаонского канонира с ненавистным сине-золотым вымпелом, в доках немедленно забили тревогу. На плацу крепости уже строились стрелки охранного гарнизона. Из открытых дверей арсенала потянулись упряжки скакунов с метательными машинами. Катапульты выстраивались ровными рядами у подножья угловой сторожевой башни. Здесь, со специальной артиллерийской площадки можно было держать под прицелом весь залив и прилегающую часть моря на десяток перестрелов.

Гонцы на самых выносливых скакунах уже скакали к Южным и Императорским воротам — везли тревожную новость в столицу и в Мецу, зимнюю базу флота.

Тревожный набат застал Косталана в очень важный момент — заканчивалась подготовка формы для отливки рабочей камеры. Он наскоро проверил толщину стенок, все углы, размеры и остался доволен. Вот, можно же одновременно делать все быстро и без ошибок. Жаль только, что мастер Енгарно больше никогда этого не увидит.

Косталан, наверное, и не обратил бы внимания на дальний перезвон — мало ли что происходит в крепости, может, сигнал на построение или учебная тревога — но тут в воротах кузни загомонила стража. Молодой мастер недовольно поднял голову на шум. Теперь рядовые Ресницы лебезили

перед ним, старались услужить, иногда достаточно было простого взгляда, чтобы они убрались подальше.

Но не в этот раз. Косталан увидел, как Лебанури раздает какие-то приказания столпившимся вокруг него легионерам. Пятеро уже бежали в глубь кузней, к отвальному скату. Еще двое закрывали калитку, подпирали ворота бревнами и перевернутыми тачками.

Удивленный странными приготовлениями мастер хотел было окликнуть Веко, но тот уже сам шел к нему.

— Что вы тут устроили, Лебанури? Снова ищете шпионов?

По испуганному лицу и дрожащим губам офицера Косталан понял, что тому не до смеха. Руки бывшего вора тискали короткий берестяной цилиндр, время от времени поблескивающий какими-то стекляшками. Кузнец никогда раньше не видел такой маленькой зрительной трубы, обычно их делали длиной в рост человека, а то и в полтора, чтобы сгладить неизбежные из-за качества линз искажения.

«Для такой коротенькой трубы увеличительные стеклашлифовали дней десять, наверное. И стоит она поболее, чем моя лачуга в Глиняном квартале!»

Веко сунул цилиндр за перевязь, потом снова достал, опять покрутил в руках.

Случилось что-то очень серьезное.

«Гм... Зрачок Креганон попал в опалу? Умер, не приведи Небесный Диск, император, да продлится вечно его правление?»

— Да в чем дело? Скажите толком!

— На подходе солмаонская эскадра! — выпалил Веко на едином дыхании.

Косталан вздрогнул:

— Война?! Опять?!

— Не знаю. Только что прибыл гонец из крепости. Приказали закрыть все входы и выходы, никого не выпускать. Кроме рабочих орудийного двора.

Кузнец кивнул: литейщики бомбард кроме всего прочего еще и отменные артиллеристы — только глупец пренебрег бы их умением. Но пушек в кузнях почти нет, пол-оборота

назад как раз вывезли последнюю партию для приграничных крепостей. Вряд ли успели отлить больше двух-трех штук. Да и те — еще не испытаны, а значит ненадежны. И зарядов нет, все в арсенале оружейного двора.

Как оказалось, об этом подумал не только он. С орудийного двора прибежал мастер Орнавами — мастер-оружейник и отличный канонир.

— Что случилось, вечнобдительный Веко?

Ну да, конечно! «Вечнобдительный». Косталан давно отвык от подобных обращений, он уже и забыл, как можно до полусмерти бояться слуг Всевидящего Ока. Младших он просто презирал, а Креганона — еще и ненавидел, как ни старался убедить себя в обратном.

— Война, мастер, — ответил кузнец за Лебанури. — К городу приближается солмаонская эскадра.

Лицо Орнавами побелело, но сам пушкарь, надо отдать ему должное, охать и ахать не стал — сориентировался почти мгновенно:

— У нас, на орудийном дворе, есть три готовые бомбарды.

— И вы сможете стрелять? — с надеждой спросил Веко.

— Нет. Зарядов не осталось. Но, насколько я знаю, других орудий в городе нет... — он замялся, не решаясь советовать самому офицеру Всевидящего Ока.

Косталан ухватился за его мысль практически сразу же.

— Лебанури, пошлите гонца на оружейный двор. Пусть пришлют заряды.

Веко растерянно посмотрел на кузнеца:

— Нужно распоряжение Зрачка Креганона...

— Нет времени! Пока вы свяжетесь с ним, да будете ждать ответа — Солмаон возьмет город! Не медлите! Шлите гонца! Уверен, Зрачок потом одобрят ваше поведение и даже, возможно, представит к награде. Мастер Орнавами! — слова Косталана заставили пушкаря встрепенуться. — Сколько вам нужно?

— Полсотни ядер и три дюжины зажигалок.

Слуга Ока поколебался еще несколько мгновений, но все-таки подозвал к себе легионера — хитроватого прощелы-

ту со смышенным лицом, явно бывшего шулера или мошенника. Отдал короткий приказ.

— Куда доставить заряды, мастер?

Артиллерист задумчиво осмотрелся.

— К площади перед входом. Там удобная позиция, к тому же расстояние и угол наводки по многу раз выверены во время испытаний. Мы сможем стрелять очень точно.

— А огненная смесь? — спросил Косталан.

— Не надо, наших запасов хватит.

— Все понял? — спросил Веко, снял витой шнур, знак своего чина и передал легионеру. — Это отдашь распорядителю оружейного двора. Нет времени готовить письменный приказ.

Гонец кивнул и умчался. Лебанури достал из-за пазухи богато вышитый, но несколько грязноватый платок и вытер испарину на лбу. Несмотря на кусачий зимний холод, ему было жарко.

Оривами не уходил. Стоял, переминаясь с ноги на ногу, проклинал собственную нерешительность. «Это же слуга Ока! Подлый, жестокий и беспринципный. Сейчас он похож на ч ловека, обстоятельства вышибли его из привычной колеи. А вот отобъем бледнозадых, небось, разом припомнит смелые речи и непочтительное поведение!»

Лебанури все понял, ободряюще кивнул и спросил:

— Что-то еще, мастер?

— Да, вечнообдительный Веко. Еще нужны люди, чтобы оттащить орудия. Обычно их перевозят на специальных подводах, но сейчас придется волочь на руках.

— Хорошо, я прикажу Ресницам пригнать подданных вам в помощь.

— Пусть возьмет наших, — сказал Косталан, — все равно без дела маемся.

— Нельзя! У меня личный приказ Зрачка — не выпускать за ворота никого из ваших людей, Косталан-са. Они могут попасть в руки врага и выдать тайну пародела.

— Но одними только регалиями и распоряжениями уважаемого Креганона, — кузнец подбавил в голос весь яд, на какой только был способен, — защитить город невозможно.

А люди давно уже все попрятались. Пока ваши легионеры найдут хотя бы десяток, будет поздно. Или вы хотите дать в помощь мастеру Орнавами своих Ресничек?!

— Легионеры охраняют кузни!

Удивленный пушкарь с раскрытым ртом переводил взгляд с одного на другого. Слова Косталана казались ему неслыханной дерзостью, за которую, по его мнению, должна была последовать кара — неминуемая и страшная. Как можно разговаривать таким тоном со слугой самого Всевидящего Ока! На миг мастер Орнавами даже забыл о приближающемся вражеском флоте.

Однако Веко Лебанури почему-то не страшал смельчака страшными карами, а даже... оправдывался!

«Неслыханно! Выходит, не зря говорят, что молодой мастер Косталан забрал себе невиданную власть и даже легионеры Ока ему подчиняются? Ну и ну!»

Кузнец стукнул кулаком по ладони:

— Плевать на приказ! Солмаон скоро начнет нас с вами в дермо растирать, а мы все будем о приказах спорить!

— Плевать на приказ Зрачка Креганона?! — в ужасе переспросил Лебанури. — Нет-нет, я не могу...

— Ну, хорошо, — сказал Косталан, поняв, что спорить с ним бесполезно. Скользкий уперся в границы своих полномочий и ничего сверх делать не будет. — Пусть возьмет подмастерьев. Они ничего не знают, а значит — не выдадут.

— Но...

— Берите, мастер. Видите, вечноудильный Веко согласен.

И повернулся к своим — литейщики собрались в кучу и возбужденно переговаривались. Новость дошла и до них. Кузнец крикнул:

— Подмастерья на оружейный двор! Делайте все, что прикажет мастер Орнавами.

И в этот момент с моря донесся дробный перестук — гребцы разом втолкнули весла в бортовые уключины. Над бухтой повис слитный многоголосый вопль, боевой клич Солмаона: «Ай-ийияяя-я!!»

— Они уже здесь, — просто сказал Лебанури.

Косталан бросился на лесенку пожарной башни, с которой раньше следили за всей огромной территорией кузней — нет ли где огня?

Верхние ступени отчетливо заскрипели, площадка качнулась — в последнее время башней пользовались редко. Кузнец с трудом удержал равновесие, махнул сверху мастеру Орнавами: начинайте, мол, и посмотрел на море. Через пару мгновений к нему присоединился и Веко Лебанури, протянул зрительную трубку:

— Так лучше видно, Косталан-са...

Солмаонская эскадра в залив входить не стала. Мастер Хинновари как-то рассказывал Косталану, что в бухте много рифов, а в самом безопасном месте лет десять назад от души навалили камней: три ночи возили. Да еще затопили сожженный во время последней войны канонир. Корабль сгорел до остова — о ремонте нечего было и думать, так что его просто нагрузили балластом по самые борта. Зато теперь с насоку в бухту не ворвешься — Солмаон, оседлав быстрые и маневренные гильдейские галеры, пробовал дважды. Обе попытки провалились, севшие на мель корабли методично, как на учениях, расстреляли из катапульт и бомбард. Тогда имперцы решили выведать тайну фарватера, наводнили город шпионами, но отыскать его так и не смогли. Оно и понятно — стоянка купеческих галер располагалась на внешнем рейде, а тайну секретного прохода в доки для военных кораблей в Соцветии хранили пуще глаза.

Еще бы! Здесь базировалась Эскадра Черноклювого Яструба, оседлав самую узкую часть залива и преграждая доступ в устье полноводной Арчинзеи. Здесь — единственное удобное место для порта на всем Нарсетском побережье.

К сожалению, после подписания очередного мирного договора с Солмаоном, Черноклювые корабли ушли в Мецу, на зимнюю стоянку. Никто не ждал нападения, и порт остался практически беззащитным.

В третий раз солманонцы решили сработать по-другому — что-что, а учиться на своих ошибках они умели. Флот

подошел к пляжам восточного мыса. Течение намыло здесь огромную песчаную косу, полого уходящую под воду. Идеальное место для высадки. Идеальное... если бы не предусмотрительно насыпанный по кромке обрыва земляной вал с бойницами и приветливо торчащие навстречу незваным гостям заостренные зубья частокола.

Сверху, с пожарной башенки, Косталану и Лебанури было хорошо видно, как спешно занимали оборону стрелки Сочетия. Как будто кто-то открыл затворки плавильной печи, и на чистый белый снег хлынул переливающийся поток расплавленного металла. Зимнее солнце, отражаясь от бронзовых пластин панцирей, блестело по-праздничному ярко, слепило глаза.

План высадки не стал сюрпризом для командующего гарнизоном. Людей бы ему побольше...

— Молодцы! — возбужденно шептал Веко, потирая руки. — Молодцы! Сейчас кому-то надерут его бледное северное седалище!

Косталан промолчал. В военном деле он разбирался не слишком хорошо, однако и не специалисту было ясно, что Солмаон обеспечил себе подавляющее превосходство в силах.

— Зачем они здесь?! Опять война? Но почему здесь, а не на границе? — спросил Лебанури. — Даже если им и удастся захватить порт, к вечеру, если не раньше, подойдут Черноклювы и запрут бледнозадых в порту!

Кузнец посмотрел на него в упор.

— Вы еще не поняли, дорогой Веко? Солмаон пришел за нашим пароделом. Им надоело вредить нам по мелочам, и они решили забрать все!

Лебанури-Скользкий от удивления открыл рот и несколько мгновений не мог вымолвить ни слова. Слова Косталана сразили его наповал.

— Но это же война! — сдавлено произнес он наконец. — В ответ на это нападение советники императора сложат у трона красные палочки! Все до одного!

— Вы так боитесь воевать?

Риторический вопрос. Боится ли воевать трактирный вор, подавшийся в палачи, чтобы избежать очистительного

сожжения? Конечно, а как же еще! Он вообще не умеет драться — больше привык полагаться на ловкие пальцы и грозное имя Всевидящего Ока, от которого у рядовых подданных сразу же возникает дрожь в коленках.

— Нет, но...

«Тум-м-м! У-у-уххх!»

С подножья сторожевой башни в лихорадочном темпе взмыленных подающих заухали катапульты. Ременную петлю срывало с упора, скрученные жилы стремительно распрямлялись, бросая рычаг вперед до столкновения с рамой. Глухой удар («тум-м»), и лежащий в авоське булыжник в полсотни алинов летел вперед («у-у-уххх») как из хорошей пращи. На воде то и дело вставали красивые водяные фонтаны. Удачно попавшим камнем расщепило борт одного из малых кораблей. Переполненный, он почти сразу же перевернулся, черные точки людских голов в перемешку с обломками замелькали в волнах. Две ближние галеры налегли на весла, утопающим бросали веревки, протягивали шесты и крючья. Новый заряд разметал всех в стороны, вода густо окрасилась красным.

Косталан вздрогнул, отнял от глаз зрительную трубку и вернул ее Лебанури. Тот жадно приник к окуляру.

Несмотря на бомбардировку, флот подошел ближе и встал в дюжине перестрелов от берега. Три больших корабля выдвинулись вперед. Косталан смотрел на них с недоумением: раньше ему никогда еще не доводилось видеть речных канониров. Плоская, почти круглая, палуба, невысокие борта, две высоченные мачты без единого паруса — да, это они, знаменитые артиллерийские корабли Солмаона: вон на палубе в строгом беспорядке громоздятся метательные машины самого угрожающего вида. Удивительно, как северяне рискнули провести по морю сугубо речные корабли. Дождались, наверное, тихой погоды, да воспользовались помощью гильдейских навигаторов — где-где, а в Трех Лианах отменно знают все течения и рифы у побережья.

И все равно операция чрезвычайно опасная, на грани разумного риска. Видать, очень уж хотелось солмаонским командирам создать превосходство в артиллерию, чтобы

взять город в любом случае, несмотря ни на какие случайности.

Что ж, это им удалось.

Лебанури мрачно разглядывал вражеский флот, потом опустил свою оптику и растерянно протянул:

— Да, сила... На каждом канонире штук по двадцать тяжелых катапульт, пехотные баллисты еще. Десятка четыре я точно насчитал. Втрое больше, чем у нас. А там еще и легкие, этих вообще без счета. Где же они столько всего набрали?

В его голосе явственно слышались растерянность и страх.

И тут канониры нанесли свой первый удар. Чудовищной силы залп — все шестьдесят бортовых катапульт выбросили здоровенные каменные глыбы. Первые же попадания разнесли в пыль три чжаньских метателя. Некоторые снаряды разбились со звучным хлопком, и вокруг, шипя и вгрызаясь в почерневший снег, разлились небольшие озера огня.

— Тысяча проклятий! — закричал Лебанури. — Жижара!

Заживо сгорающие люди страшно кричали, заглушая рев пламени и несмолкающий «у-у-уххх» уцелевших катапульт. Огненные реки потекли вниз по склону, снег шипел и испарялся, клубы пара затянули подножье сторожевой башни.

Процент точных попаданий все же был невысок, иначе солмаонцы в десять залпов уничтожили бы всю артиллерию обороняющихся. Снег вокруг почернел, в девственных сугробах зияли провалы, вокруг догорающих лужиц жижары, исходили паром грязно-серые кипящие лужи воды. Подточенная огнем снежная шапка мыса не выдержала и с шумом обрушилась вниз, вызвав небольшую лавину.

Чжаньские артиллеристы не отступили, показав выучку. Огненную смесь, пожирающую все на своем пути, тушили, набрасывая сверху накидки, снег, заливали водой. Уцелевшие катапульты перетаскивали на новые позиции, и все начиналось сначала. Подносчики доставляли новые заряды — круглые железные шары размером с человеческую голову в плетеных авоськах. Между залпами образовалась пауза, артиллеристы мудрили что-то с новыми зарядами, из-за дыма и

пара, затянувшего полплощадки, было плохо видно, что происходит внизу.

«Тум-м-м! У-у-уххх!»

Внизу под мерные команды «раз-два, взяли! ну еще, взяли!» подмастерья-литейщики тащили по оружейному двору все три недавно отлитые бомбарды. По пять-семь человек на тяжеленную бронзовую дуру. Им едва удавалось сдвинуть их на несколько шагов. Потом все начиналось сначала. Молодые крепкие парни выбивались из сил, но продолжали тянуть орудия вперед. Кому-то пришла в голову мысль подставить катки, но дерево не выдерживало веса бомбард, плющилось, крошилось в щепы.

Наконец людские упряжки выволокли пушки из ворот. Мастер Орнавами приказал помощникам установить их прямо на площади, согнанные легионерами жители окрестных домов спешно копали рядом с орудиями спасательные щели.

— Ну что они там возятся?! Перебают же наших, пока они раскачиваются!

Косталан не стал отвечать. Разве объяснишь в двух словах, что установка осадной бомбарды на позицию — дело хлопотное и чрезвычайно сложное. Камора у нее сделана в виде приставного дна с углублением, которое заполняется липкой мякотью огненной смеси. В Солмаоне недавно научились ее высушивать и засыпать через воронку прямо в камору. Артиллеристам Чжандоу приходилось работать с тем, что есть.

Мастер Орнавами делал все как положено, то и дело поглядывая на море и подгоняя своих помощников недвусмыслистенными жестами. Легионеры не скучились на тычки.

Бомбарды могли стать большим подспорьем для защитников города — изготовленные совсем недавно и ни разу не использованные, они выдержат до ста выстрелов каждая (если не взорвутся сразу, конечно), а для скоротечной артиллерийской перестрелки это совсем немало. Тем более, что на борту канониров вообще нет тяжелых осадных орудий — палуба, сколько ее не укрепляй, просто не выдержит страшную отдачу при выстреле.

Веко тронул Косталана за плечо, указал вниз.

Упряжки взмыленных скакунов с бешеною скоростью неслись по главной улице Самшитового квартала. Первая уже влетела на площадь, лихо затормозила, едва не перевернувшись. Мастер Орнавами ткнул рукой в ближайшую бомбарду, что-то неслышно прокричал. Помощники выстроились цепью, один забрался в повозку и начал сноровисто выбрасывать наружу тяжеленные чугунные шары. Заряды поплыли по рукам. С оружейного двора привезли сохранившиеся с последней войны запасы.

С последней — или теперь уже надо говорить «с прошлой»?

Мастер-канонир свое дело, несомненно, знал назубок. Во все три ствола уже вкатили по тяжеленному ядру, укрепили камору и тщательно замазали щель глиной. Первую бомбарду уже подпирали снизу бревнами и камнями, чтобы приставную камору не сорвало при выстреле. Орудие наводилось на глаз, опытный Орнавами возился с прицелом, то вынимая, то подставляя клинья, пытаясь придать стволу необходимый угол возвышения. Наконец, канонир вставил в запальное отверстие длинный фитиль, поджег, заорал изо всех сил и замахал руками. Жители, подталкиваемые легионерами, попрятались кто куда — за стены домов, заборы, в дренажные канавы и протоки. Артиллеристы укрылись в щелях рядом с орудиями.

— Куда это они? — удивился Лебанури.

— От выстрела бомбарду может разорвать. Мастер знает, что делает.

С нестерпимым грохотом орудие выбросило сноп пламени, чуть подпрыгнув на импровизированном лафете. Косталан мельком глянул, не разорвало ли его — нет, бомбарда стояла целой и невредимой, — и сразу же перевел взгляд на море, проверить результаты выстрела.

За кормой ближнего канонира поднялся водяной столб, набежавшей волной залило часть палубы. Немедленно зашевелились весла — корабль взял вправо, стараясь сбить Орнавами удачный прицел.

Артиллеристы зарядили разом все три бомбарды, мастер по очереди наводил их.

Солмаонские канониры воспользовались паузой и дали новый залп. К счастью, из-за вынужденного маневра первый корабль потерял точную наводку, и все его заряды ушли мимо. Но остальные два накрыли площадку с метательными машинами целой серией точных попаданий.

Впрочем, и северянам тоже досталось. Чжаньские катапульты в долгую не остались, несколько зажигательных снарядов разбились о палубу, разлив свое смертоносное содержимое и мгновенно подожгли несколько метателей. В едком дыму заметалась пожарная команда, суетливо зачерпывая кожаными ведрами забортную воду. Горящие люди катились рядом, пытаясь сбить с себя пламя, две охваченные огнем фигуры, шатаясь, добрались до борта и прыгнули в море.

— Вот так!!! — вне себя от радости выкрикнул Косталан. После недавнего взрыва в мастерской он ненавидел солмаонцев едва ли не сильнее чем Креганона.

— Что это за огненные снаряды? — спросил Веко Лебанури.

— Зажигалки. Там внутри специальная смесь, она горит очень жарко и растекается, как вода. Ни одну дырку не пропустит. Если удача нам улыбнется — подожжем канонир! Хотя бы один. Иначе не сладить...

Бомбарды рявкнули хором. Три огненные дуги прочекертили небо и обрушились на корму ближайшего канонира. Планшир разлетелся в щепы, подломилась и рухнула задняя мачта. В запутавшихся снастях безвольно обвис синезолотой штандарт.

Но корабли, не обращая внимания на пушечный огонь, упорно продолжали дузль с катапультами на берегу. Сверху хорошо было видно, как разлетались в щепы клювастые метатели чжаньцев. Заслонщики Смерти — несколько невеселых парней в кожаных накидках до колен — то и дело оттаскивали с площадки раненых артиллеристов. На их место тут же становились новые, чтобы тоже через залп-другой со столом баюкать размозженную ногу или, отлетев от удара на пару метров, хрипло хватать воздух пробитыми легкими.

Канониры Солмаона серьезно превосходили обороняющихся в артиллерию — невероятная плотность огня приноси-

ла свои плоды. Чему, к сожалению, не в малой степени способствовал командир гарнизона. Будь на его месте опытный боец — он бы сымпровизировал, приказав оттащить пару катапульт к началу тропы, ведущей к башне, и стрелять на весом. Место там неровное, с берега просматривается не так хорошо, как плоская, открытая всем ветрам и взорам, площадка у подножья.

Но малоопытный командир старался придерживаться канонов и упорно гнал людей к катапультам. Артиллеристов, а самое главное — метателей, становилось все меньше. Бомбарды с площади изредка плевались огнем и добились-таки небольшого успеха, разворотив в паре мест палубу одного из канониров. Но орудий было слишком мало, а скорость стрельбы — удручающе низкой, чтобы нанести нападающим серьезный урон.

Солмаонцы палили вразнобой, зато часто, благо целиться было несложно. Корабли искусно маневрировали веслами — как бы танцуя на волнах из стороны в сторону. Чжаньские снаряды все чаще бесполезно падали в море, поднимая лишь тучу брызг.

Лебанури ругался на чем стоит свет Поднебесного Диска:

— Раздери их седалище! Ты посмотри как они, поганцы, четко правят. Ювелиры, прямо. Проклятье! Еще два-три залпа, и бледнозадые всех наших перебьют! Откуда их принесло... умельцев таких. Как бы не личные камнеметчики императора, элита, Яростные Ветры.

Трех залпов не хватило, но на пятом — замолчала последняя чжаньская катапульта. «Кожистые» санитары оттаскивали с площадки, усеянной обугленными обломками, немногочисленных выживших. Почти все они были ранены или обожжены.

На кораблях быстро сообразили, что артиллерия обороняющихся больше не отвечает. С моря донесся пронзительный немузикальный сигнал. Малые корабли окружили канониры, в одолженную у Лебанури смотровую трубу Косталан рассмотрел, как морская пехота спешно покидает широкие палубы канониров, пересаживаясь на галеры. Юркие кораб-

лики отходили перегруженными, едва не черпая бортами воду. Впрочем, особая маневренность им теперь была не нужна — катапульты молчали, а редкие выстрелы бомбард не представляли опасности. Орудия не успевали взять на прицел быстро движущиеся цели. Метров за пятьдесят от берега десантные корабли вывалили в ледяную воду десант — сотни четыре, не меньше. На освободившихся палубах спешно строились самострельщики.

Но первыми в бой вступили чжаньские стрелки, наконец дождавшиеся своего часа. Многие даже высунулись из-за наверший частокола, чтобы лучше целиться. Прибрежная полоса вскипела от сотен утяжеленных болтов. В передней цепи десанта воины валились в прибрежные волны десятками.

Солмаонские канониры подошли ближе и перенесли огонь на мыс. В доли секунды гребень вала встал на дыбы и рассыпался морозными комьями земли, когда на него обрушилось не меньше полусотни здоровенных бульжников.

Имперцы работали четко, следя хрестоматийному плану десантной операции — подавить с моря береговую артиллерию, высадить десант и уже с близких дистанций прикрывать его огнем. Не давая противнику стягивать резервы к месту прорыва и, вообще, всячески осложняя ему жизнь. Только так можно произвести удачную высадку, иначе противник раздавит десант, как надоедливого жука-усача, зажав у прибрежной полосы между водой и береговым укрепрайоном.

Яростные Ветры прекрасно знали свое дело — камни колотили по гребню вала с неутихающим азартом. Измочаленные колья разлетались во все стороны, в некоторых местах вал заметно осыпался. Уцелевшие под смертоносным градом чжаньские стрелки попрятались в укрытие, сидеть навесом, но самые отчаянные продолжали, высунувшись на секунду-другую из-за гребня, посыпать болт за болтом в наступающих.

Но, несмотря на слабое сопротивление, десант продвигался вперед медленно. Мешал скользкий песок пляжа —

прошлой ночью опять подморозило, и волны прибоя оставили после себя хрустящую ледяную корку. Десантники, те, что смогли пережить железный ливень и не остались в прибрежной волне, с трудом, то и дело оскальзываясь, некоторые даже на четвереньках, неудержимо лезли на берег. Откуда-то из-за вала сухо хлопнула многозарядная баллиста. Шестерых наступающих смело, словно волной, — сила удара отбросила их метра на полтора назад.

Ответный залп, свист — и в тылу у чжаньцев захлопали последние зажигательные снаряды с канониров. Огненные ручейки, сливаясь в один большой сокрушительный поток, потекли вниз, в траншею стрелков. Шипение тающего снега, треск и гудение пламени потонули в многоголосом человеческом вопле. Люди сгорали в считанные мгновения, не успевая даже подумать о спасении. Всего лишь около десятка стрелков немыслимым прыжком сумели взобраться на противоположный скат окопа.

А с берега уже накатывался слитный рев сотен глоток — имперский десант шел побеждать. Перепрыгивая через траншеи, смердящие паленым человеческим мясом, солмаонские пехотинцы рубили обороняющихся. Разрядив свои самострелы, те остались практически безоружными и тщетно пытались закрыться руками или даже сдаться в плен. Короткий взмах клинка, еще один и еще... и последний стрелок рухнул с разрубленной грудью, заливая кровью снег, грязно-серый от хлопьев гари и каменных обломков.

Морская пехота Солмаона не оставляет живых. Тому порукой их девиз: «Впереди огненная стена, позади — могильная тишина!»

— Все, — сказал Веко Лебанури. — Город они теперь возьмут. Теперь каждый сам за себя. Простите, Косталан-са...

Кузнец успел заметить, как рука Скользкого метнулась за пазуху, и выбросил навстречу кулак. Тонкий и узкий, как жало, клинок вместо сердца пробил мастеру плечо и застрял в нем. Боль парализовала руку, Лебанури воспользовался паузой и толчком в грудь отбросил от себя Косталана. Удар о

перила пожарной башенки вызвал новый взрыв боли, в глазах потемнело, и кузнец медленно осел на пол. Веко нашупал на поясе ножны парадного кинжала, выдернул его и наклонился над мастером. Рот его кривился:

— Ничего личного, Косталан-са. Мне приказано убить вас, если возникнет угроза похищения. Думаю, сейчас та самая ситуация.

Кузнец слушал молча и не шевелился. Лебанури подумал, что он потерял сознание, усмехнулся: меньше проблем, мол, и потянулся ножом к горлу. Внезапно Косталан схватил его руку цепкими пальцами, сильно сжал, так что Веко вскрикнул от боли и выронил кинжал. Когда-то кузнец таким же движением сломал прочную деревянную трость распорядителя Коцеру. Сейчас хрустнули тонкие косточки запястья, Лебанури жалобно вскрикнул, и в этот момент ноги мастера со всей силы ударили его чуть ниже колена. Толстенные деревянные подошвы кузнечных сапог — чтобы не обжечься о раскаленные заготовки или капли расплавленного металла — раздробили Веку берцовую кость. Он пошатнулся, завалился на спину и, перегнувшись через перила, полетел вниз на почерневшие плиты кузнечного двора.

Косталан вырвал из плеча клинок, одним движением слетел вниз по лестнице, пинком отшвырнул с дороги подбежавшего легионера.

«Юнари? Где Юнари? Надо спасать ее!»

В настежь распахнутых воротах никого не оказалось, лишь валялись у стены несколько пик и парадные накидки Ресниц. Так же, как и их командир, младшие слуги Ока вспомнили главный принцип воровского прошлого: «каждый сам за себя». И разбежались, спасая свои жизни. Охранять и защищать кузни не остался ни один.

Бомбарды на площади все еще стреляли, но жители, здраво рассудив, что если легионеры бегут прочь, то битва проиграна, и надо думать о себе, исчезли в проулках и проходных дворах.

— Уходите, мастер Орнавами! — крикнул Косталан. — Десант уже в городе!

Старый пушкарь хитро прищурил опаленные брови, кивнул на свою батарею:

— Мои орудия пока целы. Незачем отступать.

— Они убьют вас!

— Они в любом случае меня убьют, — спокойно сказал Орнавами, и Косталан понял: это правда. — Но прежде им еще надо до меня добраться.

Он повернулся к своим немногочисленным помощникам и закричал:

— Разворачивай орудия! В круг! Ствол ровно! Вдоль земли!!

Пушкари ставили бомбарды на прямую наводку — оружие самообороны тяжелой артиллерии. Последний довод побежденных.

— Я бы остался с вами, мастер Орнавами... — со стыдом сказал Косталан, зажимая рукой рану в плече. Она пульсировала, словно клинок все еще торчал в ней, и кто-то жестокий и хладнокровный изредка проворачивал его, усиливая боль. — Я бы остался... но мне...

— Бегите, Косталан-са! Бегите как можно дальше. И молитесь, чтобы я попал к светлому престолу раньше, чем бледнозадым удастся развязать мне язык. Мы же знаем, что они пришли за вами. Бегите! — он развернулся к орудиям и скомандовал: — Заряжай! Разрывными!

Косталан мчался по узким улочкам Самшитового квартала к Мраморному городу и повторял про себя последние слова мастера Орнавами. Сначала кузнец думал, что солмаонцы хотят выкрасть пародел — и только. Что подтверждалось планом атаки: после успешной высадки десанта канониры перенесли огонь на город. А кузни до сих пор стояли целыми и невредимыми, хотя по всем правилам военной науки беспокоящий огонь бомбард давно следовало подавить. Но... рядом с ними не упало ни одного заряда. Атакующие явно берегли свой будущий трофей. И его, изобретателя, теперь — после неожиданного нападения Лебанури и слов артиллериста — Косталан в этом почти не сомневался. Шпионы, буквально осаждавшие кузни два последних оборота, конечно, знают о молодом мас-

тере все — возраст, внешность, где живет и у кого может прятаться.

Орудия снова взревели — даже на таком расстоянии их громовой голос заглушал крики людей и гул пожара. Мастер Орнавами еще отстреливается, хотя, похоже, его импровизированная батарея осталась единственным очагом сопротивления. Что ж, пока он держится, у Косталана есть шанс найти Юнари и уйти прочь из города. Не собираются же незваные гости задерживаться здесь до утра? Гонец уже наверняка добрался до Мецы, Черноклювая эскадра снялась с якоря, ловит парусами яростные зимние ветра и к середине ночи будет здесь. А в морском сражении канониры — обуза, а не подмога, против юрких галер они бессильны. Их возьмут на абордаж в считанные мгновения, это ясно любому, кто хоть немного понимает в военном деле.

Солмаонцы пригнали тяжелые речные корабли, чтобы обеспечить превосходство над береговыми батареями. Столкновение с флотом Соцветия явно в их планы не входило. А значит, как только десант найдет то, за чем его послали, враги немедленно уйдут на север. Можно попробовать переждать. Ну, а за пределы города северные варвары не пойдут. Опасно. Два крыла непобедимой чжаньской кавалерии в два счета разделяют морских пехотинцев на салат.

А город пыпал. Зажигательные снаряды падали густо, как созревшие плоды солнечного дерева. Вокруг горели десятки домов, кое-где их еще пытались тушить, но в основном люди просто бежали прочь от пылающих руин, похватав немногие ценные вещи. Из нижних кварталов вверх, настойчиво и неудержимо, поднимался слитный гул человеческих голосов. В нем слилось воедино все: плач, женские крики, стоны раненых и обожженных. И как припев этой песни смерти все ближе и ближе звучал клич солмаонской морской пехоты: «Ай-ийаяяя-я!!»

С палуб галер, уткнувшихся носам в песок, спешно прыгали самострельщики, канониры высадили на берег даже абордажные команды — северяне наводнили город, как стаи пустынных цикад, уничтожавших все на своем пути.

Косталан не видел, как десант разделился на несколько больших групп.

Первые три, ни на что не обращая внимания, тяжело побрысили, грохоча доспехами, ко всем трем воротам города. Южные и Западные они заняли без проблем, разогнав перепуганных легионеров блеском железа и парой самострельных болтов, но на Императорских пришлось повозиться. Привратная стража из десятка ветеранов неожиданно оказалась упорное сопротивление. Морские пехотинцы потеряли шестерых, прежде чем пал, поднятый на три пики разом, последний защитник. Теперь все дороги оказались перекрытыми, даже юркий и незаметный сарех не проскочит. Впрочем, это уже не имело никакого значения — те, кто мог бежать, упражденные заранее, давно покинули город. Те же, кто не мог, сгорали сейчас вместе со своими домами или гибли под ударами тяжелых абордажных палашей.

Самая большая часть десанта, ведомая двумя чжаньцами в бедной одежде, направилась прямиком к кузням. А остальные рассыпались по городу. Они врывались в здания, убивали каждого, кто попадался под руку — мужчин, женщин, детей, стариков. И, побросав трупы в домах, поджигали их. Если, конечно, к ним еще не успел добраться жадно разрас-тающийся пожар.

Шпионы вывели солмаонский отряд прямиком к воротам кузней.

Мастер Орнавами давно ждал этого момента. У заряженных бомбард он стоял в одиночестве — подмастерья и помощники давным-давно разбежались, а тех немногих, что решили геройствовать по молодости лет, он с бранью прогнал сам.

Когда из-за ограды появились первые ряды полированых панцирей морской пехоты, артиллерист пригнулся, опустив к земле брызжущий огнем фитиль.

Стрелять нужно в упор, наверняка. Шары из пористого железа, со специальными насечками разрывало при выстреле, и к цели летел рой смертоносных металлических обломков. Жаль только, дальность оставляла желать лучшего.

Вот десантники уже ворвались на площадь и бегут, крича и переругиваясь, к воротам кузней.

«Пора!»

Артиллерист выпрямился во весь рост, поджег одновременно все три фитиля и громко закричал от радости:

— Нате!!!

Самострельный болт просвистел где-то у самого уха, еще один ужалил в руку, но это уже ничего не меняло.

С чудовищным грохотом все три бомбарды выбросили сноп раскаленных осколков и, не выдержав, взорвались. Нападавших смело с площади смертельной метлой, некоторых пригвоздило к стене, кого-то буквально изрезало на куски осколками.

На месте импровизированной батареи курилась огромная воронка. Сверху падали металлические обломки, сыпался пепел и черные крупинки несгоревшей огненной смеси.

Опасаясь, что не выдержит пыток, мастер специально снарядил бомбарды тройной порцией, чтобы орудия неминуемо разорвало. Орнавами хотел уйти к Светлому Престолу пушкарем, а не кричащим и захлебывающимся словами куском мяса на пыточном столе.

Что ж, старый мастер мог быть доволен. Он прихватил с собой тридцать, а то и сорок солмаонских десантников.

В Мраморном городе царила могильная тишина. Отчаянные крики из нижних кварталов сюда не долетали, а сами жители, конечно, давно уже успели эвакуироваться. Чистые, еще не испятнанные пеплом, сугробы и полированные стены домов создавали впечатление, что никакой войны нет, кругом — тишина и спокойствие. Только тяжелый запах гари, что уже успел добраться и сюда, диссонансом вплетался в идеальную картину.

Молодой мастер бегом поднимался вверх по улице, отыскивая взглядом подходящий дом. Тогда, во время последнего свидания с Юнари, Ресницы Ока не многое дали ему разглядеть: высоченный забор, запущенный двор с фонтаном и увитые выонком глухие стены. Сейчас он искал именно та-

кие — без единого окна, изъеденные трещинами и потемневшие от времени.

Раньше ему всего лишь дважды приходилось бывать в Мраморном городе, так что он весьма смутно представлял расположение улиц. Ноги несли его вперед и вверх, прочь от горящих нижних кварталов и ближе к Юнари.

Он кружил по проездам и переулкам, петлял, по несколько раз попадая на одну и ту же площадь, но все никак не мог найти похожий дом.

«Не тот? Не тот. Не тот! Не тот!!!

А сзади неумолимо накатывалась волна солмаонской морской пехоты.

Командир штурмовой группы — однолучевой Севнаго яростно махнул рукой в сторону ворот кузней и смачно, с парой морских загибов, выругался.

«Проклятые бомбарды! Один залп, и я лишился пятой части своих людей! — подумал он. — А время уходит! Да уж, командующий эскадрой и так чрезвычайно скончен на похвалы, зато скор на расправу. Если еще и изобретателя не удастся найти...»

Севнаго оставил на площади десяток безлучевого Искандара, приказал собрать раненых и перекрыть все проходы. Чтобы никто не смог выскользнуть!

Подозвал к себе младшего из шпионов:

— Из кузни есть другие выходы?

— Скат для отработанной породы, маларо Луч!

— Человек сможет пролезть через него?

— Да... с трудом, но сможет.

— Возьми троих и покажи им это место!

— Исполняю, маларо Луч!

Однолучевой махнул палашом в сторону ворот:

— Вперед, ребята! Обыскать все, ничего не пропустить. Кого найдете — сгоняйте на площадь. Брать только живыми. Ясно?

— Ясно! — вразнобой ответили десантники. Они тоже торопились: после поимки ценного пленника, командующий эскадрой обещал отдать им город до вечерней зари. Времени в обрез.

— И осторожней там! Внутри могут ждать сюрпризы, вроде, — он мотнул головой в сторону площади, — вот этого. Стрелять только по рукам! Чтобы не мог поджечь фитиль! Бегущего — по ногам! Вперед!!!

Ведомые оставшимся шпионом, солмаонцы вломились в ворота. Солдаты рассыпались по двору, по двое-трое врывались в двери складов, литьевых, кто-то уже лез на пожарную башенку.

У подножья лежало изломанное тело в парадном мундире слуги Все видящего Ока.

— Кто это? — спросил Севного шпиона. — Надеюсь, не наш парень?

— Нет, это Веко Лебанури, начальник охраны.

— Почему он мертв?

— Не знаю, маларо Луч. Наверное, зарезал кто-то из своих. Вы же знаете, кого набирают в Легион Ока. Воров, убийц, насильников. Поняли, что запахло жареным, и сбежали. Командир попытался помешать, ну и...

— Ясно. Жаль, что он умер, — однолучевой десантник пнул труп Лебанури, — думается мне, что если бы мы смогли его порасспросить, он рассказал бы немало интересного.

Посреди главной площадки кузней под навесом громоздилось какое-то нелепое сооружение, черное и мрачное. Огромный железный шар, склепанный из двух половинок, покоялся на солидном основании. Его бока охватывали толстенные, грубо кованые полосы, справа висела раскрытая коробка странного механизма с двумя цилиндрами внутри. Больше всего они походили на колбасы, выложенные на прилавке мясника.

— Это и есть та самая штуковина?

Шпион кивнул.

— На бомбарду не похож, на повозку тоже... Проклятье! Он вообще ни на что не похож, разве что на огромный котел. И не выглядит опасным.

— Со стороны — да, маларо Луч. Но вы не видели того, что видел мой напарник. Первая модель взорвалась во время аварии. Пять человек погибло на месте, еще тринадцать ранено или обварило.

— Гм... А с виду не скажешь. И он действительно может сдвинуть с места корабль?

— Не знаю. Такого опыта еще не проводили. Но во время первых испытаний пародел без особых усилий смог поднять железную чушку в сто алинов. Мастер говорил, что и триста для него не предел.

Из дальнего угла двора донеслись какие-то крики. Опрокинув тележку, на середину выскочил молодой подмастерье и понесся к воротам. Сзади тяжело бухали сапогами морские пехотинцы:

— Стой! Стой, тебе говорят!

Севнаго снял с перевязи самострел, быстро взвел тетиву, наложил болт. Единым движением вскинул оружие, поймал бегущего в прицельную рамку и плавно спустил рычаг. Широкое, как наконечник палаша, лезвие резануло парня по ногам. Чуть ниже правого колена появилась широкая рана, тут же поросшая бахромой кровавых капель. Подмастерье пошатнулся, сделал еще шаг, нога предательски подломилась, и он упал лицом в снег. Почти сразу же попытался вскочить, но сзади уже набегали десантники, его моментально скрутили и потащили к командиру.

— Мастерский выстрел, маларо Луч.

Подмастерье дрожал всем телом и скулил от боли, как побитая собака. Севнаго взял его за подбородок, спросил почжаньски:

— Кто такой?

Губы у парня прыгали от страха, несколько мгновений он не мог с ними справится:

— Помощник литейщика. Меня зовут...

— Меня не интересует, как тебя зовут.

Парень задрожал еще сильнее. Между ног сквозь потертую кожу штанов отчетливо проступало мокре пятно. Десантники загоготали.

— Что встали? — рявкнул на них Севнаго. — Ищите других.

Он снова боднул взглядом подмастерье:

— Жить хочешь?

— Да-да...

— Не слышу. Хочешь или нет?!

— Да-да, господин. Я все сделаю, господин.

— Знаешь мастера Косталана, кузнеца?

— Знаю, господин.

— Он здесь?

— Не знаю, господин. Как началась стрельба, я испугался и спрятался под тачку. В последний раз видел его на башне, а потом...

— Ясно. — Севнаго быстро прикинул в уме. — Показать сможешь?

— Да! Конечно! — обрадованный тем, что от него не требуют ничего невозможного, паренек закивал головой, как припадочный.

— Командир! — Сразу с двух сторон — с оружейного двора и от громоздящейся в отдалении кучи шлака — морские пехотинцы тащили новых пленников.

Первый — немолодой и кряжистый в налобной повязке кузнецкого цеха, судя по могучим плечам, был, скорее всего, молотобойцем.

— Как зовут?

Детина молчал, низкий лоб изрезали морщины, глаза горели яростным огнем. Он бы давно вырвался из рук десантников, если бы не клинки абордажных палашей у самого горла.

— Ну!

По знаку Севнаго молотобойца чуть пощекотали пикой. Он дернулся, прогудел:

— Азнаги.

— Молотобоец?

— Да.

— Знаешь мастера Косталана?

Разговор в точности повторил предыдущий. Азнаги знал кузнеца, но с начала боя в кузнях не видел. Показать поначалу не соглашался, но после третьего по счету тычка острием под ребра мрачно кивнул.

Зато со вторым пленником долго возиться не пришлось — совсем молодой паренек, почти мальчишка, плакал от страха и размазывал слезы по чумазому лицу.

— Не убивайте меня, пожалуйста! Я помогу, я всех здесь знаю!

Севнаго кивнул, молча дождался возвращения остальных пехотинцев.

— Больше никого, командир!

— Мы все обыскали...

— Пусто.

— Они, похоже, сбежали все.

— Все, кроме тех на площади, — напомнил однолучевой.

Солдаты помрачнели. Командир выдержал паузу и начал раздавать приказания:

— Безлучевой Нармагар!

— Я!

— Останешься со своими людьми охранять вот эту штуку, — он кивнул в сторону пародела. Солдаты с интересом поглядывали на железного болвана, но, в общем, не слишком. Машина не выглядела опасной. — Пошлешь кого-нибудь на корабли, пусть сообщит: нашли. Они знают, что делать. Прибудут подводы — поможешь грузить. Ясно?

— Да!

— Выполняй! Остальным разделится на четыре группы, в каждую — по пленнику. И прочесать город! Как только они укажут на мастера Косталана — вяжите без разговоров. И смотрите, чтобы он не ускользнул.

Десантники быстро перестроились.

— Кандейл!

— Я!

— Берешь первую. Вот этого, — Севнаго указал на раненого подмастерье, — перевязать. И пошли. Да покрепче перетяните рану. А то с полдороги придется самим его тащить!

— Рокагон! Ивнедар!

— Я!

— Я!

— Вторая и третья группы. Выполнять!

— Пленников трое, — сказал кто-то из безлучевых взводных.

— Правильно. С четвертой я пойду сам, а вместе с нами, — он обернулся к шпиону, — вот он. Вы же знаете Косталана в лицо, Сантори?

— Мне ли не знать! Из-за его безумного проекта вокруг кузней сомкнулось кольцо людей Ока, и мне пришлось бежать!

— Прекрасно! Тогда вперед. Тому, кто найдет кузнеца, император дарит земельный надел в верхнем Азарate! Не зевать, псы войны!

Косталан потерял счет улицам и домам.

«Вроде бы за сотню... Или больше? Вперед!»

Маленький ухоженный дворик, заваленный каким-то скарбом, что хозяева, видимо, побросали во время спешного бегства. Резные стулья, дорогие кожаные короба, вышитые занавески...

«Следующий!»

Пустой палисадник, аккуратно подстриженная живая изгородь из самшитовых кустов, припорошенных снегом.

«Не то!»

Еще дворик, сломанная повозка посередине, навстречу с лаем бросаются сторожевые псы. Бронзовая цепь тянет их назад, к мраморной будке, больше похожей на небольшой дворец.

«Не у всех бедняков такие дома», — мельком подумал Косталан.

И еще. Еще. Еще.

Узкий проход между глухими стенами, в конце — небольшой пятак перед вычурной колоннадой дома.

«Так, здесь я уже был, похоже...»

А в следующем дворе ему неожиданно повезло.

Потрескавшиеся плиты на земле, давным-давно нерабочающий фонтан, укрытый снежной шапкой, глухая стена без единого окна и ворох высохшего выюнка внизу.

«Оно!»

Косталан поднялся по лестнице, вбежал в дом. Напрягая память, пытался вспомнить, расположение комнат. Сейчас — прямо, потом повернуть, еще раз повернуть...

«Удача! Вот и знакомый коридор».

Молодой мастер пробежал десяток шагов, пнул первую попавшуюся дверь и оказался в душной и зловонной камере. Три на пять — шаг у Косталана широкий, долго мерить не пришлось. Тусклое смотровое окошко с железной сеткой под самым потолком почти не пропускало света. Из полутьмы выступал лишь кусок стены, исписанный ругательствами на нескольких языках. На ощупь она показалась кузнецу склизкой из-за потеков, тянувшихся с потолка как сталакиты. По полу проворно сновали мокрицы. К стене жались две грубо сколоченные лежанки и грязный стол из необструганных досок. Угрюмо тянуло затхлостью.

«Не та!»

Мастер ломился во все двери подряд, заглядывал внутрь, чертыхался и бежал к следующей.

Еще одна комната, совершенно пустая, если не считать потертой циновки на полу и замызганного кувшина в дальнем углу. Ночная ваза источала омерзительную вонь.

«Снова не та! Еще!»

Седьмая или восьмая по счету дверь не поддалась с первого раза. Косталан свирепо толкнул ее плечом, а потом — разбежавшись — ударил всем телом.

Что-то хрустнуло, запор с треском вывернулся из пазов, и кузнец влетел в комнату.

«Пусто!»

Комната та самая — широкая кровать с балдахином, изящный столик для игр, коллекция фигурок на полках.

Но Юнари здесь не было. Если бы не развороченная постель, да надкусанный солнечный плод на полу, могло показаться, что комната нежилая.

Косталан выскоцил обратно в коридор.

«Где она?»

— Юнари! Юнари!!!

Он побежал дальше, вышибая двери, наскоро заглядывая в комнаты.

Девушки нигде не было.

«Неужели этот гад Креганон куда-то ее увез? Проклятье!»

Кузнец завернул за угол и вскрикнул от радости — прижавшись к дальней стене, на корточках сидела Юнари, перепуганная и дрожащая.

Наверное, перестрелка и запах гари выгнали ее из комнаты, заставив искать выход. Но найти его оказалось не так просто, девушка забрела в тупик и решила прятаться здесь.

— Юнари!

Она не отреагировала. Даже не подняла голову.

Широким прыжком мастер проскочил слепой отросток коридора, присел рядом с девушкой на корточки. На сердце стало нехорошо от тяжелого предчувствия.

— Юнари! — он легонько обнял ее. — Это я, Косталан!

Она вздрогнула, открыла глаза и испуганно посмотрела на молодого мастера. Вжалась в стену еще сильнее:

— Нет! Не трогайте меня! Отпустите... Пожалуйста.

— Ты что, Юнари? — недоуменно сказал кузнец. — Ты... ты не узнаешь меня?

— Отпустите, — прошептала она, слабо трепыхаясь, и попыталась освободиться из его рук.

Косталан помотал головой. На короткий миг разум его помутился, и он заорал чуть ли не в полную силу.

— Креганон!!! Подонок! Что ты с ней сделал?

От громкого крика Юнари едва не потеряла сознание. Широко раскрытые глаза, такие милые и знакомые, но в то же время — чужие, не узнавшие, с ужасом смотрели на молодого мастера.

Он попытался взять себя в руки.

«Нечего пугать девочку. Уведи ее отсюда, а потом разберешься, что случилось».

Кузнец погладил Юнари по голове, тихо проговорил:

— Пойдем со мной. Тебе нельзя здесь.

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет...

И все же Косталану удалось уговорить девушку. Она еще посопротивлялась немного, но потом, видимо, успокоенная его голосом и интонациями, согласилась пойти с ним. Юнари вообще выглядела апатичной и доверчивой, приноровившись, ей можно было управлять, как куклой.

Она была одета в некое подобие домашней рубахи, и мастер решил еще раз заглянуть в комнату, поискать какую-нибудь одежду.

Увидев знакомую кровать, Юнари обрадовалась, подбежала к ней, легла, совершенно по-детски подложив под голову кулачок. Косталан решил ей пока не мешать, обшарил шкафчики, заглянул под столик, отбросил занавески.

Ничего. Никакой одежды. Тогда он взял с кровати покрывало и протянул руку Юнари:

— Нам пора идти.

Девушка медленно поднялась, без сопротивления дала себя закутать в импровизированный плащ и вдруг тихо сказала:

— У тебя кровь на плече.

— Что? А, это... — Косталан уже почти забыл о ране. А ее стоило перевязать — кровь пропитала весь рукав и капала на землю.

Юнари оторвала от простыни кусок материи, споровисто перетянула руку. Ей не привыкать — в термах учили оказывать первую помощь клиентам, если те, не приведи Небесный Диск, порежутся. Мастер следил за ее действиями с заинтересованной радостью: «Значит, с памятью все в порядке, просто эти мерзавцы опоили ее какой-то травой».

— Спасибо, — сказал он.

Девушка несмело улыбнулась и сама взяла его за руку.

А на лестнице особняка их ждал неприятный сюрприз.

В темноте коридоров глаза отвыкли от света, и на пороге дома Косталан с Юнари замерли на мгновение, ослепленные снежным сиянием.

— Мои поздравления, Косталан-са! Вы все-таки нашли ее! — сказал знакомый голос.

Мастер не сразу заметил Креганона — тот прятался в тени фонтана. Самострела у него не было, но в руках верный слуга Всевидящего Ока крутил перевязь с метательными ножами.

— Я не успел перехватить вас в кузнях, но знал, что вы придетете сюда!

— Что вам еще надо, Креганон?

— Извините, Косталан-са, но вы сами должны понимать, что я не могу оставить вас бледнозадым. Приказ Ока. Взорвать пародел я не успел, но его изобретатель не достанется Солмаону. Я позабочусь. Так что, — он взвесил в руках нож, — ничего личного. Вы всегда были мне симпатичны...

Ненависть съела остатки страха. Косталан плюнул себе под ноги и рассмеялся.

— Знакомые слова. Вы повторяетесь.

— Разве я когда-нибудь говорил нечто подобное? — удивился Зрачок.

— Вы — нет, а Веко Лебанури произнес их совсем недавно.

— Да? — без особого интереса спросил Креганон. — И что с ним?

— Я его убил.

На мгновения рука офицера остановилась, нож завис в воздухе.

— Вы?!

Косталан посмотрел в небо, вдохнул полную грудь воздуха — и чуть не закашлялся, потому что в нем оказалось полно гари и едкого дыма — и прикрыл рукой глаза Юнари.

— Не смотри. Скоро все закончится.

— Для вас — да, — цинично обронил Креганон, — но почему вы решили, что я убью девушку? Она мне пригодится. Наверное, вы многому ее научили, а Косталан-са?

— Подонок!

— И не волнуйтесь, она не будет по вам скучать. Она вас просто не помнит. К сожалению. Так уж вышло, что мы вынуждены были поить Юнари сонником — отваром из черного порошка. Иначе бы она убежала разыскивать вас. А у него есть один очень неприятный побочный эффект — через один-два оборота постоянного приема человек полностью утрачивает память. Поэтому не волнуйтесь...

Креганон вдруг захрипел и вскинул руки вверх. В горле Зрачка торчал самострельный болт. Офицер Ока зашатался, выронил нож и медленно повалился на колени.

Юнари вскрикнула.

Зрачок пытался что-то сказать, но изо рта у него шла лишь кровавая пена.

Еще через мгновение он умер.

— Вот он! — громко сказал мальчишеский голос. — Это он! Он!

Косталан резко обернулся.

В проеме въездных ворот стояли три солмаонских морских пехотинца и маленький подавальщик Онгаст. Один из десантников перезаряжал самострел. Двое других держали Косталана под прицелом.

— Стоять! Не двигаться! — сказал один из них на ломанном чжаньском.

Паренек указывал пальцем на молодого мастера и продолжал радостно выкрикивать:

— Вот он!

— Что здесь? — спросил невидимый командир.

— Похоже, мы нашли его, безлучевой Рокагон!

Косталан немного знал солмаонский — первый его наставник, мастер Саригано считал, что любое знание лишним не будет, вот и обучил юного подмастерья северному языку.

Сейчас он с трудом, но все-таки понимал переговоры десантников.

Во двор шагнул командир — высоченный, как башня, в исцарапанном панцире. Тяжелый аборадажный палаш небрежно подрагивал в руке.

Подошел к молодому мастеру, осмотрел его с головы до ног. Кузнец следил за ним краешком глаза и не упускал из вида самострельщиков. Если бы они отвлеклись хотя бы на мгновение...

— Надо же... — сказал командир на чжаньском. — Ты заработал мне земельный надел, мальчик. Так ты и есть Косталан?

— Я! — с вызовом сказал мастер по-солмаонски.

— О! Ты знаешь наш язык? Мне не придется коверкать рот вашей тарабарщиной!

— А вы, значит, те самые кровавые убийцы, что готовы вырезать полгорода ради встречи со мной?!

Рокагон ткнул Косталана палашом в живот.

— Не умничай, мальчик. И не бери на себя слишком много. Ты сам не так важен, как твоя поделка. Веди себя как подобает. А не то...

— «Не то» — что? Вы меня убьете? Ха!

— Зачем? — притворно удивился взводный. — За тебя мертвого мне не достанется ничего, кроме десятка плетей. Я доставлю тебя живым. И руки твои тоже пригодятся. Но никто не говорил, что ноги должны быть в целости...

Косталан пожал плечами. Рокагон выглядел законченным садистом, мог и выполнить свою угрозу.

— Впрочем, вполне возможно, что такие меры нам не понадобятся. У нас тут еще вот эта милашка...

Юнари задрожала под взглядом солмаонца и крепче прижалась к Косталану. Несмотря на всю тяжесть ситуации, в глубине души он возликовал: «Совсем, как раньше! Может, врал Креганон, и память пропала не навсегда? И есть еще шанс, что все восстановится?»

— Как вы думаете, ребята, наш добрый Косталан будет хорошо себя вести, если мы пообещаем не убивать девчонку прямо здесь?

Он взял Юнари за плечо и резко дернул к себе. Она охнула и попыталась оттолкнуть командира. Рокагон ухмыльнулся и, резким движением развернув ее, ухватил сзади и зажал рот ладонью. Но девушка в долгую не осталась. Еще совсем недавно сонная и апатичная, она словно опять стала прежней. Юнари дернулась и со всей силы вцепилась зубами в руку командира.

— Ах ты, тварь! — выругался он и ударил ее в висок рукоятью палаша.

Девушка упала без звука, сломалась, как кукла уличного театральщика, лишенная веревочек. Из рассеченной кожи на лице текла кровь, заливая щеку.

Косталан бросился на командира и вцепился ему в горло.

— Взять его! — скомандовал Рокагон, отбиваясь.

Кузнец уже дотянулся цепкими пальцами до кадыка, больше всего на свете опасаясь не успеть. На голову опусти-

лось что-то тяжелое, в глазах запрыгали искры. Косталан не отпускал. Сзади ударили еще. И еще. Мир померк и провалился в никуда.

— Все! — сказал командир, потирая горло. — Вяжите его и девку! И уходим!

— А с этим что делать? — спросил солдат, указывая на Онгаста. — Отпустить?

Рокагон пожал плечами:

— Ты что, забыл девиз имперского десанта?

Морские пехотинцы ухмыльнулись. Тот, что стоял ближе всех к юному подавальщику, с шелестом вынул из ножен палаш.

Паренек, в отличие от солмаонцев девиза не знал, как не знал и языка, но все прекрасно понял.

— Отпустите меня! Вы обещали! — закричал подмастерье.

Выдав Косталана, он утратил свою полезность. Командир десанта махнул рукой, убрать, мол. Короткий удар — и бедняга Онгаст, хрюпя, осел на плиты двора. Дрожащие руки безуспешно пытались зажать рану на груди. Кровь выплескивалась толчками, расцветив красным грязно-серый ковер лежалого снега.

Свен ворвался в кабинет Игоря без стука, включил панель интервизора, ткнул пальцем:

— Что это?!

На экране со значком Хоуп-ИТВ в ближнем правом углу разворачивалась панорама горящего города. С моря по нему били корабли, с каждым залпом поджигая все новые и новые дома. По задымленным улицам суетливо метались человечки-муравьи. Суровый голос Микки за кадром вещал что-то пафосное.

Квашнин вздохнул.

— Талвела с нашего разрешения транслирует запись «двойки». Солмаон так испугался моци недостроенной паровой машины, что решил выкрасть ее вместе с изобретателем.

— Я знаю! Миро мне только что объяснил! Я хочу знать другое! Ты с самого начала ИМЕЛ! В ВИДУ! ВОТ ЭТО!! — с каждым новым словом голос Хеглунда гремел все громче, а для наглядности он еще тыкал в плазменную панель, оставляя на интервизоре тающие радужные разводы.

— Сядь! — Игорь хлопнул ладонью по столу. — Прекрати истерику!

— Это не истерика, — чуть тише сказал Свен. — Я просто хочу знать.

Командир потер пальцами виски, устало посмотрел на него:

— Если тебе это так важно — нет, не имел. Аналитики просчитывали вероятность силового исхода где-то на уровне тридцати — тридцати двух процентов. Солмаон уже потерял Иррабана и решил таким макаром исправить положение. Что нам на руку, конечно.

— ТАМ РЕЗНЯ!! — снова выкрикнул Хеглунд. — Людей убивают. Мирных, ни в чем не виноватых. И ты говоришь, что это нам на руку?!

— Тише! Убиваем не мы, прошу заметить. Они сами прекрасно справляются. Вряд ли мы смогли бы так быстро и надежно поссорить их друг с другом, если бы они сами того не хотели. А на руку нам то, что теперь Солмаон и Чжанжоу находятся в состоянии войны. Понял? Если все правильно разыграть и не дать им помириться...

Свен вдруг спрятал лицо в ладонях и затрясся всем телом.

— Боже мой! И я помогал совершить все это! И еще хотел вытащить Иламу сюда, к нам! Думал, дурак, что наш мир лучше!

Игорь подтянул ногой стул, присел рядом со Свеном.

— Спокойно, парень. Наш мир действительно лучше, хотя бы потому, что мы не уничтожаем целый город ради одного человека.

— Но это спровоцировали мы! Три месяца мы пичкали солмаонцев ложной информацией о паровой машине. И вот что вышло! Неужели ты не чувствуешь себя подлецом! Сколько народу там погибло? Сто? Двести?! Тысяча?! — Хеглунд иссяк внезапно, словно перегорел. Голос его стих,

глаза потухли. Закончил он почти шепотом: — И каждый из них на моей совести... и на твоей, командир...

— Не вали на себя чужую вину, Свен. Для похищения одного Косталана достаточно было трех-четырех, максимум десятка шпионов, как это было с Иррабаном. Ну, может двух десятков, учитывая, что кузнеца хорошо охраняли. Солмаон послал целую эскадру, и морские пехотинцы вырезали половину города. Это знак, Свен. Император Гравандер хотел показать всему миру, кто хозяин на Восточном материке. Отомстил за географа и заодно предупредил Чжандоу. Чтоб в дальнейшем неповадно было красть его людей. На чувствительный, но по большому счету не слишком болезненный щелчок он ответил сокрушительным ударом.

— Но мы же...

— Прекрати повторять одно и то же! Заладил: «мы, мы, мы»! Пойми, что наша деза лишь подарила Солмаону удобный предлог для нападения. Ко всему остальному мы не имеем никакого отношения.

— Но теперь будет война.

— Да, скорее всего. Но для нас это самое выгодное развитие событий!

— Командир! — в голосе Хеглунда звучала боль и стыд. — Развяжем ее мы!

«Нет, это просто невозможно!» — Квашнин поймал себя на мысли, что самым лучшим решением было бы закатить сейчас Свену пощечину. Обидится, конечно, но хоть в себя придет.

— Ты плохо учил историю Надежды. Солмаон и Чжандоу семь веков подряд прекрасно воевали без нас. И всегда находили повод для столкновения, будь то ограбленные купцы или оскорбительные выходки пьяной толпы. В девятое лето правления императора Игаменона III Солмаон объявил Соцветию войну из-за того, что в гавани Меця на императорский штандарт посольского корабля капнула пролетевшая птичка. Помнишь, как иносказательно называется Солмаон? Земля Тысячи Побед. Может, это и преувеличение, но даже пятьсот выигранных битв не могли случиться сами по себе.

Они проговорили еще не меньше часа. Игорю пришлось применить все свое красноречие, весь дар убеждения, чтобы успокоить Свена. Тот все никак не мог отойти от груза собственной вины. Конечно, парня можно понять. Он всегда слишком бурно воспринимал определенный макиавеллизм в рекомендациях аналитического отдела. Некоторые операции казались ему просто верхом цинизма. Да еще гибель Иламы порядком выбила его из колеи, Хеглунд до сих пор ходит сам не свой и продолжает причитать, что он, мол, не успел ее вывезти.

А теперь еще и это нападение. Да, конечно, Гравандер не пошел бы на столь демонстративный шаг, если бы не деза от ТС. Но в итоге император убил двух зайцев одним ударом — выкрад машину и проучил чжаньцев, чтобы впредь и думать не смели о военном превосходстве.

Но винить себя в этом — глупость. Тайная Служба свято верна своему принципу — ни одной жертвы среди местных. А уж что они сами совершают над собой... страшно, конечно, жутко, кровь в жилах стынет, но земляне здесь ни при чем.

Игорь вздохнул, покачал головой.

Хорошо еще, что Ли остался в Чжандоу, вдвоем они бы друг друга накрутили так, что мало не показалось бы...

Если все это будет продолжаться и дальше, то отдел агентурных операций превратится в рассадник чувствительных субъектов с гигантским комплексом вины. И всех придется отправлять на психологическое рекондиционирование. Хеглунда уже сейчас пора скормить психотерапевтам, иначе парень просто сломается.

Сегодня удалось переубедить Свена, а что будет дальше?»
Квашнин ошибался.

Ночью, около трех часов, его разбудил зуммер экстренного вызова.

Спросонья Квашнин долго не мог нащупать переговорник. Когда, наконец, нашел, то с трудом попал в кнопку «вызов». После четырех часов бесконечных кошмаров пальцы дрожали и не слушались.

— Командир! Игорь!

— Да... я слушаю... Миро, ты?

— Командир, — голос серба дрогнул, — Свен...

— Что?! — почти выкрикнул Игорь, мгновенно просыпаясь. — Что с ним?

Сердце дало сбой, в груди похолодело: «Боже, что там с Хеглундом?»

— Он не отвечал на вызовы, командир. И дверь не открывал. Пришлось ломать. Когда мы вошли, он был уже холодный.

— Т-то есть?..

— Он мертв. Врачи говорят — наглотался антидепрессантов. То ли с дозой переборщил, то ли... ну... сам так захотел. Теперь уж все равно.

Архивные справки.

Научно-популярное исследование «Была ли Америка сверхдержавой?».

Глава 5. «Новое слово со старым смыслом». Отрывок.

...Главная цель программы Стагнаторов недостижима по определению. Понятно, что бесконечно сдерживать развитиеaborигенов планеты не удастся, и контакт, в том числе и силовой, в конце концов, произойдет. Столкновение цивилизаций неизбежно. Тайная Служба Надежды в меру своих сил и способностей старается оттянуть этот момент на как можно большее время, пока колония не встанет на ноги и не окрепнет. Тогда контакт уже не будет грозить земным переселенцам полным уничтожением.

Но мы отвлеклись.

Модель действий Стагнаторов удивительно напоминает положение с космическими программами в начале нашего века. Американцы, с ноября 1969 года успешно мистифицировавшие весь мир своей якобы удавшейся лунной программой (не хочу тратить свое и ваше время на доказательства того, что «Аполлоны» на Луну не садились, или садились, но без людей, это и так всем давным-давно известно), усиленно тормозили развитие космических исследований.

Россию, Евросоюз и частично — Японию связали по рукам и ногам обязательствами по строительству никому по большому счету ненужной Международной Космической Станции. Ведь даже по сравнению с 15-летним старичком «Миром» «Альфа» отнюдь не являлась шагом вперед в пионирской орбитальной космонавтике. Выполнение программы МКС отнимало львиную долю выделенного на космос финансирования, особенно в России, а, кроме того, — научно- и человекоемких ресурсов. Остатки «подъедались» амбициозными, но малоинформационными проектами, вроде бомбардировки комет или испытаний солнечного паруса.

В одиночку никто из «партнеров» США по МКС даже и думать не мог о новой (то есть на самом деле — первой) экспедиции на Луну. А без технологических наработок космических лидеров, прочие нации, мечтавшие о лунной экспедиции, вынуждены были создавать с нуля собственную межпланетную космонавтику.

Таким образом, США, создавшие путем грандиозной голливудской мистификации свой ответ на успехи русских в космосе (спросите сейчас любого американца, он с уверенностью скажет, что стартовой вехой мировой космонавтики была высадка человека на Луну), вынуждены были едва ли не с оружием в руках защищать этот миф, демонстрируя всему миру свое полное удовлетворение успехами лунной программы и — одновременно — потерю интереса к ней. Ведь даже само известие о создании, скажем, комиссии Сената по проверке реальности полетов на Луну — пусть и без опубликованных результатов ее работы — настолько непоправимо и трагически подорвало бы тогдашний имидж США в глазах мировой общественности, что ЦРУ и ФБР вынуждены были создавать специальные органы надзора за сохранением лунного статус-кво как величайшей национальной ценности. Следовательно, тайна оставалась тайной. До поры — пока на Луне не побывал русско-европейский экипаж, китайские тайконавты, японцы. Экспедиции «догоняющих» стран, ко всеобщему удивлению, не нашли подтверждений посадкам американцев на Луне, но к тому времени приори-

тет США или какой-либо другой страны в космической гонке уже не представлял серьезного значения — космонавтика стала по большому счету коммерческой, а значит — транснациональной.

МИЛИТАРИСТЫ

«Что решить?

Война? Соцветие не готово воевать.

Мир? Но это значит закрыть глаза на резню в порту.

Проглотить боль и унижение, сделать вид, что ничего не случилось. Гравандер почтвует себя безнаказанным, а это опасно вдвойне.

Завтра заседание совета.

А решения все нет. И посоветоваться не с кем.

Хотя... почему это — не с кем?!»

Злопыхатели шептались за спиной советника Идравана: молод, мол, не по годам ему, почти мальчишке, что даже не стал еще отцом, сидеть у подножия трона, попирающего земную твердь. И за что только император, да продлится вечно его правление, призвал к себе этого юнца? Явно тут не обошлось без помощи некоего влиятельного лица. Может, старшего советника Распано. Пристроил племянничка на хлебную должность, тот сидит себе, молчит, кивает, когда нужно. Мальчик при деле, жалованием не обижен: наверняка уж платят-то ему по высшему разряду дворцовых уложений. И Распано польза — лишний голос в Совете никому еще не мешал.

Говорят еще, что Идрavan и не племянник вовсе, а незаконнорожденный сыночек. А что, всякое бывает...

Молодой советник привык к пересудам. Пришлось. Привык он и к тому, что те же самые злопыхатели, повстречав его в коридорах дворца или в узких переходах Зимней Обители, моментально придавали лицу самое любезное выражение и, ухватив под локоток, уводили в сторону, чтобы попросить помощи в обустройстве собственных дел. Помогите, Идраван-ансей, получить государственный подряд на строительство мостов... Помогите протолкнуть новый налог... помогите, поспособствуйте, подсобите. Ну а мы уж вас не забудем.

И каждый обязательно намекал на его таинственные связи там, на самом верху. Мол, если не получится у вас, попросите своего покровителя. Мы и его не обидим.

Жаль было их разочаровывать. Каждый раз Идрavan говорил, что нет у него заступника, что всего добился сам и никто его за собой не тянул. Кисло улыбались, кивали: да-да, мы все понимаем, отходили. А за спиной начиналось снова: шу-шу-шу. Надо же! Сопляк, а цену себе набивает с гору высотой! Не рановато ли?

Вот она, дворцовая жизнь. О том ли мечтал Идрavan, когда корпел ночами над податными списками? Младший расчетчик налоговой канцелярии, прикрыв красные от постоянного недосыпа глаза, грезил, что его предложения принесут пользу Соцветию, хоть ненамного ослабят тяжелое бремя многочисленных податей и выплат для простых людей. Может, его пригласят во дворец, и кто-нибудь из старших советников от имени самого императора, да продлится вечно его правление, вручит ему знак высочайшей милости. Или даже сам владыка...

Дальше мысли маленького счетовода не заходили, он стеснялся и — одновременно — боялся думать об этом.

Но Небесный Диск, как известно, исполняет людские чаяния по-своему. Расчеты Идравана действительно заметили, главный распорядитель канцелярии вызвал подчиненного к себе и приказал готовить доклад для представления Императорскому Совету. Авторство он указал поставить свое, а младший расчетчик должен был числиться лишь помощником.

— Надеюсь, мы понимаем друг друга, а, мальчик?

Расчеты помогли увеличить налоговые поступления в казну. В конце лета, когда прибыль стала настолько существенной, что уже никак не удавалось списать ее на урожайный год или случайность, распорядителя вызвали во дворец и вручили-таки дарственную пластину с императорским вензелем. Идравану же досталась горсть медных чигов и лишний выходной.

Но судьба, как видно, не спешила отворачиваться от него окончательно. На третий день после праздника Проти-

востояния Небесного Диска в налоговую канцелярию прибыла инспекция совета. Распорядитель Атрамаро ее не боялся, свои люди предупредили. Все недостачи давно уже были подчищены, цифры сходились одна к одной. Ну, а в крайнем случае можно и поделиться. Чай, в Совете нет таких богатеев, что откажутся от сотни-другой серебряных чигов.

Два старших советника уединились с главным распорядителем, и до самой вечерней зари из-за двери звучали приглушенные голоса, струился запах расслабляющего травяного настоя.

Помощники разбрелись по зданию канцелярии, похозяйски оглядывая ряды клерков с расчетными досками. Один из них остановился прямо перед столом Идравана.

— Так это ты, мальчик, сделал новые податные расчеты?

Он уже тогда выглядел старым: седые волосы, морщины, глубокие, как порезы, сутулая фигура, в руках — бамбуковая трость; растоптанные сапоги шелестят по полу мягкими подошвами — специально, чтобы не болели ноги. Советник Канзимо служил императору почти три десятка лет. Высоких постов никогда не занимал, но к нему прислушивались. На Совете он говорил последним или не говорил вовсе, что означало: мудрый и осторожный старик не согласен с решением. Когда же Канзимо просил слова, все почтительно умолкали, а тем, кому не хватало терпения выслушать пожилого царедворца, приказывал замолчать сам император.

Идрavan замялся, не зная, должен ли он отвечать правду или молчать.

— Ну-ну, не надо защищать того, кто недостоин. Понхально, конечно, что ты так верен своему главному распорядителю, но мы-то с тобой знаем, кто на самом деле должен был получить костяную пластинку.

— Господин Атрамаро помогал мне...

— Небесный Диск! Мальчик, каждая собака в столице знает, насколько глуп и жаден наш дорогой Атрамаро. Изящные построения не для него. Но твоя верность мне по душе. Скажи, тебе еще не надоело здесь работать?

Вот так, в одночасье все изменилось. Идраван стал учеником самого Канзимо, помогал ему готовиться к баталиям в Совете, участвовал в разработке нескольких законов. А через семь лет, когда старый царедворец засобирался на покой, молодой человек совершенно неожиданно для себя получил звание младшего советника. А потом поднялся еще на один ранг и даже приобрел в Совете сторонников, что, естественно, дало пищу для новых сплетен.

Император ценит верных и преданных, но еще больше он ценит честных. Тех, кто не пробивает государственное содержание для своей многочисленной родни и не выпрашивает подряды для друзей. Конечно, места у подножия трона поделены между древними родами, былыми заслугами и большими деньгами, а значит Идравану никогда не быть старшим советником. Но на завтрашнем заседании он будет говорить первым.

Только — что? Вот вопрос.

Идраван поймал себя на том, что без конца меряет комнату шагами, расхаживая из угла в угол.

«Может, и вправду посоветоваться с Канзимо? Старик формально отошел от дел, но цепкий ум, сохранивший кристальную ясность даже в его годы, не может сидеть без дела, поэтому он всегда в курсе событий.

Время, конечно, не самое лучшее для визитов, но бывший советник никогда не считался с правилами сам и не любил, когда другие вспоминали об этикете и надуманных привилегиях».

Идраван набросил на плечи официальную накидку с двойным красным кантом и меховой подкладкой, спустился вниз, в гостевую. Завидев хозяина, слуга вскочил, всем своим видом выражая готовность повиноваться.

— Что угодно господину?

Младший советник отстранил его движением руки.

— Ничего. Я ухожу, вернусь поздно вечером.

— Прикажете седлать?

— Нет, не надо.

Идраван не любил скакунов — так и не смог привыкнуть к норовистым животным. Стойло, положенное ему как

младшему советнику, не было заполнено и наполовину, а сам он предпочитал ходить по городу пешком. В крайнем случае — приказывал слуге запрячь повозку. Что тоже вызывало у сплетников новый приступ: мол, настоящий аристократ никогда не упустит случая покрасоваться в седле. А этот? Бегает себе, как бедняк какой-нибудь, что для советника просто неприлично, особенно сейчас, зимой, когда столица чуть ли не по пояс завалена снегом.

Одно слово — бастард.

При виде красных полос императорского советника прохожие униженно кланялись. Идравану приходилось то и дело отвечать на приветствия, а одну перепуганную пожилую женщину — даже поднимать из снега. От страха она упала ниц, младший советник помог ей встать, чем вызвал у несчастной откровенную панику. Людей можно понять. Пару обротов назад кто-то из высокопоставленных членов Совета развлечения ради отправился погулять по улицам в обычном наряде. Слуги Ока, шедшие следом на почтительном расстоянии, чтобы не мозолить глаза, арестовывали всех, кто недостаточно низко поклонился или не слишком подобострастно приветствовал высокого чиновника. Сам же советник, вернувшись домой, спокойно лег спать, нимало не интересуясь судьбой незадачливых прохожих.

К дому Канзимо Идраван добрался, когда уже начало темнеть. На стук долго никто не отзывался, и младший советник даже успел отругать себя за нерасторопность: в повозке или верхом добрался бы куда как быстрее. Старик ложится рано и вполне мог приказать слугам никому не открывать.

Заодно уж младший советник отчитал себя и за невежливость. Привык, что учитель всегда поможет, присоветует что-нибудь, вот и бегает к нему чуть только столкнется с серьезной проблемой. А что если он плохо себя чувствует, устал или вообще — не в настроении обсуждать государственные дела...

Наконец за воротами зашуршало, суровый голос Хагга — звероподобного и чрезвычайно преданного телохранителя Канзимо — пробурчал:

— Не принимают!

— Хагг! Это я, Идраван! Мне срочно нужно видеть советника. Он не спит?

Телохранитель прогудел нечто отрицательное.

— Пожалуйста, Хагг, скажи ему, что я пришел. Мне очень нужно с ним посоветоваться.

Конечно, старый царедворец не мог отказать своему ученику. Идравана провели в дом, усадили в гостевой, сказав, что хозяин вот-вот будет.

Он появился откуда-то сбоку, так что младший советник его даже не заметил. Несколько мгновений старик стоял в тени прохода, разглядывая ученика.

— Каждый раз, как я тебя вижу, мой мальчик, я все больше убеждаюсь, что не ошибся. Ты все больше и больше напоминаешь меня в молодости. Я был такой же горячий и нетерпеливый и так же, как и ты, думал, что от меня многое зависит.

Идраван вскочил, почтительно склонил голову:

— Канзимо-ансей! Простите, что разбудил вас...

Бывший советник вяло отмахнулся.

— Старики плохо спят, мой мальчик, их мучают воспоминания о неотмщенных обидах и неисправленных ошибках. Как видишь, иногда бессонница может оказаться полезной — сегодня я не пропущу интересный разговор с тобой. Что случилось? Ты по поводу недавнего нападения Солмаона? Ну-ну, не делай такое удивленное лицо, не нужно быть хитрым провидцем, чтобы догадаться. На улицах только и разговоров, что о грядущей войне.

Ученик придвинул Канзимо кресло, усадил его, накрыл теплой накидкой.

— Завтра Совет, ансей. Я говорю первым, как самый младший. И я...

— ...боишься брать на себя ответственность, так? Что ж, похвально. И если мои слова еще что-то значат, я попробую уговорить тебя не начинать войну.

Идраван хотел что-то сказать, но старик поднял руку, призывая к молчанию.

— После дерзкого похищения географа чуть ли не с главной площади Солмаравана, Гравандеру надо было рас-

квиться. Показать всем, и в первую очередь — своим подданным, кто в доме хозяин. Ну что ж... — старый царедворец невесело усмехнулся. — Он показал. В своем стиле. Чувством меры и терпением он никогда не отличался, не зря его прозвали Необъезженным. Как скакуна.

— Как только я узнал, что там произошло, я не сомневался, что брошу к подножью трона красную палочку! — тихо пробормотал младший советник. — Но прошел день, другой, и я растерял свою уверенность.

— Война сейчас не нужна никому. Ни нам, ни Гравандеру. Поэтому он пойдет на переговоры, если мы предложим не слишком вызывающие условия. Конечно, географа придется отдать. Кстати, расскажи мне, мой мальчик, что удалось выяснить у этого... как его... Иррабана кин Лахья.

На память Канзимо не жаловался никогда.

— Теперь мы знаем почти наверняка: земли на Западе существуют. Гильдейский географ рассказал немало интересного. Наверное, поэтому Солмараван в свое время и предлагал организовать совместный поход к закату. С пароделом плыть было бы проще, но сейчас, пока до полноценного движителя еще далеко, мы должны готовить экспедицию на парусных кораблях. Все данные Иррабана нам известны. Но... Канзимо-ансей! Мы не можем отдать его просто так!

— И не будем. Предложите Гравандеру обменять ученого на кузнеца Косталана. Надеюсь, выкладки Иррабана, схемы течений и звездные карты давным-давно готовы и лежат в библиотеке Совета?

— Пока только карты. Чтобы точно описать все остальное, географ попросил ознакомиться с нашими архивами. Каждое утро его приводят в библиотеку. Как раз сейчас он заканчивает систематизацию доказательств.

— Гм... плохо.

— Что плохо? По-моему, это замечательно! Мы опережаем бледнозадых на целый ход — Иррабан имел возможность сравнить наши данные со своими наработками.

— Вот это и плохо. В любом другом случае он никогда бы не получил доступ к нашим архивам. Вы дали ему такую

возможность и теперь, когда он вернется к Гравандеру, рабоча пойдет в два раза быстрее.

— Но... Советник Адитамаро решил, что...

— Ладно, теперь уже не важно. Географа в любом случае придется обменять, так что Диск с ним. Пусть себе работает. А как закончит — заставьте его изложить все на бумаге, максимально подробно и доходчиво. Нечего держать в памяти такие секреты, бывает, она подводит и молодых. Вот тогда можно будет и отдать его Гравандеру, чтобы вернуть беднягу Косталана. Думаю, он сейчас тоже не слишком вольничает и занят примерно тем же самым.

— Спешно рисует чертежи пародела?

— Именно. И объясняет, как должна работать выкраденная модель котла.

— Это бледнозадым не поможет. Мы же заберем его назад. Пусть возвращают все, что украли!

— Вряд ли. Люди Гравандера отнюдь не глупцы, скажут, что котел утонул при транспортировке. Или взорвался. Или еще что-нибудь в этом роде. А для вящей убедительности вернут пару раскуроченных железок.

Идраван уныло кивал. Видно было, что такая мысль не приходила ему в голову.

— И еще. Потребуйте возмещение убытков за разрушения в порту. Серебром, а лучше, — старый царедворец подмигнул ученику, — бомбардами и метательными машинами. Сколько их сгорело?

— Семнадцать катапульт, две баллисты и три бомбарды с кузнецкого двора.

— Вот-вот, умножьте их число, скажем, втрое и потребуйте у Солмаона возместить потери. Они, конечно, поторгуются, скинут треть, но в итоге мы получим больше, чем потеряли, а заодно уменьшим их арсенал. Ясно?

Мудрый старик знал, как склонить Идравана на свою сторону. Тем более, что тот и сам не хотел войны. Но тихий, спокойный голос Канзимо заставил его поверить в правильность собственного выбора.

— Хорошо, ансей. Меня вы уговорили. За младших советников я спокоен — Реденарри, Клемаро, Викантор и Ге-

ломант переломят красные палочки об колено. Глядя на них, и кое-кто из сомневающихся встанет на нашу сторону. Тильнаваро и Надзами, например, они не гонятся за чинами и военной добычей. Но этот ястреб — тысячник Адитамаро — он же ни за что не согласится! Солмаон у него — любимая мозоль, он спит и видит, как бы еще насолить бледнозадым.

— Один человек ничего не решает. Император, да продолжится вечно его правление, никогда не согласится на войну, если весь Совет проголосует против.

— Да, но у этого хищника Адитамаро в совете шесть прихлебателей. Да и вся армия к нему прислушивается, хоть он и в отставке. Командиры крыльев и флота тоже имеют голос в Совете, а это как-никак еще девять красных палочек у трона.

— За Адитамаро не волнуйся, — улыбнулся Канзимо, хитро сощурив слезящиеся старческие глаза. — Он был у меня утром. И тоже очень хотел, чтобы его уговорили. Он лучше тебя знает, в каком состоянии находится сейчас армия, и совсем не горит желанием отвечать за проигранную войну..

Специальный курьер отбыл из Чжандоу на следующее утро после заседания Совета. В переметных сумах он вез официальный приказ: отношения с Солмаоном резко ухудшились, ситуация угрожающая, быть готовым к объявлению войны. На случай если курьера обыщут пограничники или внутренняя стража, бумагу зашифровали. Двойной — так называемой «толстой» — каллиграфической вязью с использованием слов нарсетского диалекта.

Главный распорядитель посыльной службы хорошо знал, что в Солмараване этот код давно известен — имперские дешифровщики даром хлеб не ели. Вот пусть и поработают. А в голенище сапога курьера вшили тончайший лист просовой бумаги с настоящим приказом. Написанный многоуровневой вязью, такой, что не всякий образованный аристократ разберется в значениях древних пиктограмм, он

предписывал послу начать переговоры о равноценном обмене.

Курьера действительно обыскали, изъяли первое послание и заперли на пограничном посту. Он просидел в маленькой, похожей на гроб, клетушке почти полдня без пищи и воды. В голове уже вовсю шумело от недостатка чистого воздуха, когда дверь одиночки неожиданно распахнулась. Однолучевой командир поста с извинениями вернул курьеру бумаги:

— Прошу простить, благородный гость! К сожалению, мои люди не сразу разобрались, кто вы такой. Старший смены посчитал вас посыльным контрабандистов. Потому и приказал вас обыскать. Приношу свои самые искренние извинения. Поверьте, виновные будут наказаны.

Курьера накормили, заменили скакуна и даже предложили выделить эскорта, от чего он благородно отказался. Когда породистого зверя седлали, гость из Чжандоу приметил опытным взглядом пустующее стойло. Солома на полу, казалось, еще хранила тепло, а у перегородки денника пàрила свежая куча навоза. Похоже, кто-то отправился в путешествие совсем недавно.

Отъехав от поста на значительное расстояние, курьер достал из сумки письмо и внимательно осмотрел его. Судя по едва заметным косым штришкам и вдавленным линиям, послание копировали. И теперь быстроногий скакун несет спешного гонца в Солмараван.

«Что ж, — курьер усмехнулся. — Нам по дороге. Только моего зверя накормили до отвала, и потому он то и дело артается, отказываясь идти рысью».

К вечеру упитанного скакуна удалось обменять на постолом дворе, но пограничник к тому времени, скорее всего, уже перемахнул за перевал. В столицу он прибудет еще до рассвета.

Чжаньский курьер спешился на посольском дворе хорошо за полдень. Новый скакун тоже оказался не из лучших — в полусотне перестрелов от перевала он неожиданно захромал на правую заднюю ногу. Пришлось перейти на шаг.

А копия первого приказа давным-давно попала в руки имперских спецов. Не исключено, что Гравандер уже прочитал расшифровку. За обедом.

Зверовед посольства осмотрел ноги скакуна и указал курьеру на небольшой шрамик у основания копыта:

— Тонким клинком прокололи. Умельцы! Рана проявляется только после долгой нагрузки. А так — ни-ни. Не заместишь, сколько бы не искал.

Посол сам распорол сапог гонца, достал настояще послание и долго корпел над ним со зритальным стеклом в руках. Курьер давно спал, отдыхая после двухдневного пути, когда дипломат наконец разогнулся, удовлетворенно вздохнул, повел руками, разминая затекшие мышцы.

Узнав о нападении солмаонского десанта на порт, посол со дня на день ожидал, что ему придется передавать или принимать самострельный болт с опаленным наконечником — официальное объявление войны. Второе лучше, потому что тогда у него сохранялся шанс вернуться в Соцветие живым. Когда прибыл курьер, посол уже мысленно простился с семьей, решив: вот оно! Война!

Но, как оказалось, Совет решил по-другому.

Немедленно в императорскую резиденцию отправился нарочный с просьбой об аудиенции. Конечно, в ней отказали: Гравандер не баловал вниманием иностранных послов. Особенно — Чжандоу, врага на все времена. Опытного дипломата ответ не обескуражил. Он не был новичком в дворцовых интригах и прекрасно знал все ходы и выходы, как знал и то, с кем нужно договариваться.

В итоге аудиенция все-таки состоялась. Правда, вместо императора посол попал на прием к старшему дворцовому распорядителю. После памятного скандала с любвеобильным Кайнолем кин Ахнамара в иерархии помощников императора произошли некоторые изменения. Теперь все распорядители подчинялись главному советнику Рестарку кин Варрену, одному из секретарей Гравандера II. И его же свободному брату, кстати. На трон он претендовать не мог, потому что не принадлежал к Семье, да и вообще был полукровкой-скамиирром. Но пост свой он занимал вполне за-

служенно, хотя и понимал, что исполняет лишь представительские функции.

Земляне в своих донесениях называли Рестарка министром иностранных дел Солмаона. Зачем только он был нужен там, где все единолично решает сам император? Только ради таких вот случаев, как с чжаньским послом, когда нужно просто кого-то выслушать, не отвлекая венценосного Гравандера от важных дел, вроде послеобеденного сна или вечерней прогулки.

Дипломат долго рассыпался в протокольных фразах, возносил здравицы императору, ссылался на давнюю дружбу Соцветия и Земли Тысячи Побед. Рестарк с трудом сдерживался, чтобы не засмеяться. Потом, когда вступление закончилось, и советник отоспал писцов и секретарей, посол разом позабыл цветистые обороты и перешел к делу.

Они торговались, как менялы на базаре — разве что не было неизбежных криков и ругани.

Но в конце концов договорились.

Вечером Рестарк с поклоном вошел в спальню Гравандера. Монарх любил, чтобы ему читали перед сном, а лучше сводного брата этого никто делать не умел.

Взял со стола распечатанный свиток старой хроники, повествующей о действиях знаменитого Меткандра Неукротимого, распорядитель как бы между делом сказал:

— Чжаньцы предлагают обмен. Географа на кузнеца.

Император вяло отмахнулся, словно от назойливой мухи. Рестарк понял, что хотел сказать брат: вот и хорошо, воевать мы сейчас не готовы, потому лучше согласиться. А раз они сами предлагают, значит, можно поторговаться. Позиция Солмаона более выигрышная.

— Они потребовали вернуть котел.

— О! — Гравандер оживился. — И что ты им ответил?

— Что флот, возвращаясь домой после вылазки, попал в полосу шторма. Ветер, высокое волнение... Один из канониров, как раз тот, на котором и находилась модель котла, перевернулся. — Рестарк ухмыльнулся. — В общем, их чудо-игрушка сгинула в море. Нам-очень-жаль-что-так-получилось.

— И что они? Протестовали?

— Даже не удивились. По-моему, они были готовы к чему-то такому. Они может и желтокожие, но ум у них пока еще не высох.

— А этот... кузнец, когда вернется домой, не проболтается? Он же видел котел целым и невредимым.

— Пусть болтает. Соцветие пришлет официальный протест, мы заявим, что Косталан видел модель, созданную по его чертежам. Пусть докажут обратное. Да и вообще, они будут слишком заняты, чтобы заниматься проверками. Ведь им придется все строить заново.

— Да, но у желтокожих уже есть опыт. Уверен, они построят машину быстрее, чем мы разберемся с этой. А географа они уже наверняка выпотрошили. Как бы Соцветие не успело раньше нас.

— Посмотрим. Раньше мы их всегда опережали. Если бы не их дикая плодовитость...

— Хорошо, — император зевнул, недвусмысленно намекая: ох, устал я от этой политики, — пусть шлют переговорщика поименитет. Не с послом же мне общаться. А сейчас почитай мне, брат.

— Ли, у нас есть информация, что Соцветие предлагает урегулировать вопрос миром. Обменять Иррабана на Косталана с его машиной, плюс компенсацию за разгром в порту. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Да, командир. Но... это лишь слухи, не более. Чего только не болтают.

После штурма города и трагической гибели Свена Чжао Ли как будто проснулся. Раньше он воспринимал игру ТС с местными разведками, как некую отвлеченную этическую головоломку. «Вот это можно делать, это — нельзя, хотя... послушаем, что скажет командир». Китаец всегда старался прояснить все до конца, разложить по полочкам, не уставая повторять древний постулат, что самое правильное решение — самое доброе. Но при всем этом Ли относился к миру Надежды, как к некоей социологической вводной. Они

со Свеном составляли прекрасную пару спорщиков, но если Хеглунд болезненно воспринимал каждую несправедливость, каждую смерть, если он сомневался, предлагая порой парадоксальные решения, то Ли смотрел на все отстранено, как мирмеколог на террариум с муравьями. Даже кузнецы, сгинувшие в застенках Всевидящего Ока или погибшие при испытаниях котла, остались в его памяти лишь жертвами не до конца продуманных решений. И только, когда последствия работы ТС коснулись его друзей, он впервые вышел из себя. Нелепая смерть Иламы словно открыла ему глаза. А самоубийство Свена — вспороло душу, словно консервным ножом. Чжао Ли неожиданно понял, что любая его фраза или решение может повлечь за собой не одну страшную трагедию.

Теперь он все больше отмалчивался на контрольных сеансах связи, стараясь не давать информацию, если она не проверена самым тщательным образом.

— К сожалению, это уже больше чем слухи. Наш друг Бондиер — глава углежогов, помнишь? — проговорился. Ляпнул вскользь, потом долго юлил, а в конце вообще заявил: мол, вы-то наверняка знаете, что замышляет ваш император. Так что идея прокручивается на самом высоком уровне.

— И хорошо. Пусть поиграют в дипломатию.

— Ты что, не понял?! Этого нельзя допустить ни в коем случае!

— Почему? Пока они договариваются о сроках, пока обсуждают, что да как, да еще разговор о компенсации, небось, на месяцы затянется. А когда обмен произойдет и тем, и другим придется все начинать сначала...

— Уверяю тебя, Ли, договорятся они очень быстро, глазом моргнуть не успеешь.

— Что? Глазом?

— А-а, не бери в голову. Моментально, в общем. И вот тогда-то самый аврал и начнется.

— Какой аврал? С чего бы?

— Подумай сам. В Чжандоу наверняка уже плотно побеседовали с Иррабаном и знают его теорию и доказательства

назубок. Карту течений, я думаю, он им тоже нарисовал. Во всех, самых мельчайших подробностях. Как ты понимаешь, у них нашлись средства его уговорить.

Чжао Ли поежился.

— Не сомневаюсь. Слуги Всевидящего Ока очень настойчивы.

— Но и Солмараван, я уверен, в долгую не остался. Почти готовый котел Косталана они вывезли, чертежи тоже, если чего и не поняли, мастер им все на пальцах разъяснил. Чтобы их случайно не отрезали...

— Бррр! Что за цинизм, командир!

— Это не цинизм. Просто хочу дать тебе понять, что наши друзья по обе стороны границы в средствах не стесняются. А то ты, по-моему, никак не можешь понять, в какой опасной ситуации мы оказались. После обмена у каждой из сторон — и в Чжандоу, и в Солмаоне — окажутся оба козыря. Теория Иррабана, его наработки по течениям, астрономические наблюдения и, — Квашнин сделал небольшую паузу, — прообраз паровой машины. Как ты думаешь, что произойдет потом?

— Проклятье! — Ли хлопнул себя по лбу. — Соревнование!

— Вот именно. Они погонят, как бешеные, форсируя испытание машины и строительство флота, стараясь перегнать противника, не дать ему первому приплыть на Запад. Боюсь, что в таком случае к началу лета, когда утихнут весенние шторма, мы вполне можем ждать гостей. И саботажем здесь уже не поможешь. Строительную площадку будут охранять круче, чем наши колоны — свои кресла.

— Что же делать, командир?

— Вариантов не так много. Самый простой и действенный — сорвать переговоры.

— Но как?

— Подтолкнуть одну из сторон к дипломатической ошибке, сыграть на националистических настроениях... — перечислял Игорь, — не знаю, что еще можно придумать. Посоветуюсь с аналитиками, а ты пока узнай, кто поедет в Солмараван договариваться. Хорошо?

— Командир, — сказал Ли самым обычным тоном, но Квашнин немедленно почуял в его голосе напряжение. В последнее время он стал необычайно чуток на подобные вещи. — Но срыв переговоров чреват войной!

— Войной — вряд ли. Так, небольшим приграничным конфликтом, после которого начнется перманентная гонка вооружений, что нам весьма на руку. Или у тебя есть другие предложения?

Ли молчал.

— Нет? Тогда прежде, чем ты опять впадешь в рефлексию, скажи, как называют Солмаон. Я тебе совсем недавно напоминал.

— Земля Тысячи Побед.

— А побед без войн...

— Не бывает.

— Вот-вот. Повторили пройденное, идем дальше. Ответь, пожалуйста, ты никогда не пытался перевести Чжандоу с китайского?

— Конечно пытался.

— И что получилось?

— Ну... там много вариантов. «Камфорный ковшик», «палка и лоток», есть такие из плетёных циновок, в них переносят сыпучие грузы. «Чжан» — фамилия, так что можно сказать — «ковщик Чжана». Еще «Чжань» — стоять, станция и так далее.

— И все?

— Близко по произношению «чжаньдоу» — «битва, сражение»...

Ли внезапно замолчал, трансивер затих, будто из него вытащили зарядку.

— То-то, — прокомментировал Игорь воцарившуюся тишину. — А ведь как все было. Кто-то из первых исследователей, по-моему, еще с «Надежды», усмотрел в Соцветии определенные параллели с китайской культурой. В общем, не без оснований, честно скажу. В языке, традициях и так далее он был не силен, просто ляпнул из головы первое попавшее сочетание звуков, показавшееся ему похожим на китайские названия. Вот и получилась «Чжандоу». Автор ниче-

го умного сказать не хотел, а получилось очень к месту, ты не находишь?

Поздним вечером Ли сам вышел на связь с центром. Трансивер запищал в тот момент, когда Квашнин уже собирался ложиться.

— Командир! Мы тут выяснили кое-что...

— Прекрасно. Слушаю тебя.

— В общем, как в детской игре: я знаю, что ты знаешь, что я знаю... Обе стороны понимают, что еще одна война сейчас никому не нужна, знают и то, что противники это понимают. Поэтому им легко удалось найти общий язык. Из Солмаравана пришло принципиальное согласие на переговоры...

— Это мы уже знаем.

— Теперь они здесь думают, кого бы послать. Чтобы с одной стороны, человек был опытный иуважаемый, а с другой — не в слишком высоком чине. Нечего, мол, показывать бледнозадым, насколько важны для нас эти переговоры.

— Фу, Ли! Что за жаргон? По-твоему выходит, я тоже бледнозадый? — Квашнин шутливо погрозил пальцем изображению социолога на трансивере. — Может, ты теперь расист?

Китаец смущился.

— Извини, командир, вырвалось. Нахватаешься тут у местных.

— Шучу. Рассказывай дальше.

— Глупца какого-нибудь или служаку тоже не пошлют — завалит все дело.

— Есть кандидатуры?

— Да, есть. О нем только и говорят. Завтра на Совете его должны утвердить.

— И кто же этот замечательный политический деятель?

— Пенсионер.

— Кто?!

— Отставной советник Канзимо. Человек уважаемый, и по заслугам, и по возрасту. Чернь его любит — он когда-то с налогами простому народу сильно помог. Так и зовут — Заботник. И в Солмараване его знают.

— А Совет утвердит, как ты думаешь?

— Конечно! У них нет другого кандидата.

Игорь покачал головой.

— Да, это не самый приятный момент. Любимый в народе старый политик, отец нации, так сказать. Тяжело будет работать. Таким обычно верят истового, до самого конца.

— Любовь толпы непостоянна.

— Ты прав, — согласился Квашнин. — Ну что ж, ты знаешь, что делать. Приступай. А мы со своей стороны тебе подсобим. Главное, чтобы все случилось одновременно — и в Солмаоне, и в Соцветии. Тогда срыв переговоров неизбежен.

Чжао Ли отключился. Игорь отложил трансивер, сел на кровать, положил руки на колени так, чтобы кисти свисали. Попытался расслабиться. Вздохнул и тихо пробормотал:

— Не кажи «гоп»...

К вечеру в трактире с гордым названием «Добрая встреча» собирались завсегдатай, несколько путников, погонщики караванов и гуртовщики. Оживленный тракт поставлял торговых гостей и путешественников, как хороший сутенер портовых девок. Лавки не пустовали, и хозяин мог облегченно вздохнуть — похоже, что и сегодня он поторгует с прибылью.

Люди за столами взволнованно переговаривались, не громко — вполголоса, настороженно поглядывая по сторонам в поисках доносчика.

Было от чего переживать. Слухи бродили по столице уже полдюжины дней. На торгу, в ремесленных рядах, в домах и трактирах из уст в уста передавалось одно и то же слово. Война! Бледнозадые проявили свою подлую сущность, так не пора ли отомстить? Сколько можно терпеть их лживые мирные заверения, за которыми нет ничего, кроме желания стереть Соцветие с лица земли!

Что решил совет?

Почему медлит армия?

Никто ничего не знал толком, но иные, ссылаясь на «проверенного друга, что врать не будет» поговаривали, что советники якобы сложили уже красные палочки у подножия трона. Кавалерийские крылья стоят в полной боевой готовности, и стоит только прозвучать приказу, как...

Война!

Опять. Дюжины лет не прошло, как закончилась предыдущая, и вот снова. Принесет ли она удачу и победу или, как не раз бывало в прошлом, — только новые смерти и неисчислимые беды?

— Опять будут несколько оборотов топтаться у границы, а кончится — ничем, помяни мое слово! — ворчал старый погонщик.

— Правильно, — поддакнул горшечник. — А кому отдуваться? Опять нам! Сначала введут военный налог на содержание армии, потом плату за проезд через каждый мост, еще какие-нибудь подати. Так всегда бывает, сколько я себя помню. И отец мой то же самое рассказывал. И дед.

Еще один погонщик — молодой и щуплый паренек — тихо пробормотал:

— Наверняка еще и дополнительный набор в армию объявят. По три человека с каждой деревни. А у нас и так мужчин почти не осталось, все на государственной службе. Меня загребут, а я только невесту подыскал...

Собеседники усмехнулись, посочувствовали парню, выпили за грядущее семейное счастье.

— И скакунов в армию реквизируют! — хлопнул ладонью по столу хромой гуртовщик. — Для кавалерии или для обозов. Скажут, что до конца войны, но разве ж вернут потом! Приедет чиновник-«мелкая сошка», посетует, что мои скакуны пали от плохой кормежки или погибли под обстрелом. Вручит полчига за каждого, держите, мол, государственную выплату. Да кто ж такие цены видел — полчига! Даже в самый ленивый базарный день моим красавцам цена раза в три повыше! Хозяин-то с меня полную цену возьмет!

— Ну и не отдавал бы, — заметил горшечник. — Сосились на то, что скакуны у тебя больные. Или еще что.

Гуртовщик затравлено огляделся:

— Тихо ты! Вдруг доносчик услышит! Оба пропадем с твоими советами! Знаешь, что будет, если я своих скакунов спрячу? Соседи донесут! Позавидуют: как же так — они все отдали, а я при полном стойле?!

Лишь один посетитель — угрюмый, молчаливый, с тяжелым взглядом исподлобья — не принимал участия в общей беседе. Он сидел в углу, за самым дальним столиком и медленно потягивал свою порцию. Деньги у него явно не водилось — с тех пор, как вошел под своды трактира, он заказал лишь вторую кружку. Хозяин подумал, что перед ним разорившийся бродячий мастер из тех, что берутся за любую работу. Понял, что от гостя особой прибыли ждать не приходится, и махнул на него рукой: не гнать же теперь.

Завсегдатаи вообще не обращали на молчуна никакого внимания, да он и сам не вмешивался в разговоры, хотя рядом с ним, за тем же столиком, оживленно спорили, жестикулируя и размахивая пустыми кружками.

Крепкий настой распалил людей, и они начали забывать об осторожности. А не мешало бы: тема щекотливая и опасная. Если бы среди посетителей оказался государственный доносчик, он с радостью вслушивался бы в разговоры, отмечая про себя имена тех, кто высказывает не слишком верноподданно. Кстати, на трезвую голову в соглядатаи обязательно записали бы странного гостя, да еще, не приведи Небесный Диск, порядком намяли бы бока. Но он как будто не интересовался ничем происходящим вокруг — тупо пялился в свою кружку, изредка делал глоток-другой.

Конечно, соседи не знали, что угрюому гостю совсем не обязательно запоминать их слова. За него это делала техника. Направленный микрофон, вшитый в подкладку потертый накидки, исправно передавал все окружающие шумы на ретранслятор. Компьютер срезал ненужное, и очищенная запись уходила на трансивер Чжао Ли.

На Земле Ю Фату не приходилось иметь дело с подслушивающей аппаратурой, но в ТС его научили обращаться и не с такими высокотехнологичными штучками. Спецы

Службы на всякий случай искусно закамуфлировали микрофон — образец земной технологии, — придав ему вид дешевого медальона от голода и разорения, что тысячами таскает чжаньская беднота. Можно спорить, под плащем любого из посетителей трактира легко найдется не один такой же.

Веселье закончилось далеко заполночь — последние гуляки, шатаясь и поддерживая упившихся собутыльников, разбрелись по домам. Хозяин не успел заметить, когда пропал молчаливый угрюмec: углядев, что его место пустует, трактирщик разразился проклятиями — негодяй ушел, не заплатив! Проклиная все в Поддисковом мире, особенно людскую жадность, он неспешно собирал со стола посуду.

Под перевернутой кружкой странного гостя обнаружилась горсть мелких медяков.

Хозяин почесал в затылке, вздохнул и недоуменно спросил сам себя: «Не перевелись еще, выходит, честные люди? Может, тот невеселый парень потому и ушел, что деньги закончились? Ну и сказал бы. Небось, не обеднел трактир-то, если бы я угостил парня кружечкой за счет заведения».

Но Ю Фат покинул свой столик по другой причине — он получил сигнал от Ли. Короткий, всего в несколько слов: «Рано. Не тот настрой. Уходи».

Молчаливый посетитель пришел снова незадолго до заката. Хозяин кивнул ему, как знакомому и даже предложил лучший столик, чего никогда раньше не делал для безденежных клиентов. Но угрюмec лишь покачал головой: спасибо, мол, и сел на вчерашнее место — в дальний угол. Трактирщик пожал плечами — похоже, гость заливает просвым настоем какое-то горе. Потому, наверное, и не напрашивается в компанию, чтоб избежать пьяного сочувствия собутыльников.

«Народ-то у нас, конечно, добрый и отзывчивый: про знают, что за беда, обязательно проставят кружку-другую. Только потом душу вынут расспросами».

Постепенно трактир наполнялся людьми. За столик к молчаливому гостю подсели вчерашние знакомцы — погон-

щики и горшечник. Чуть позже пришел и хромой гуртовщик. Крикнул:

— Эй, трактирщик! По кружке всем! — И в ответ на благодарные взгляды, пояснил: — Сегодня продал своих скакунов. Всех разом. Хозяин будет доволен. — Он сел за стол, наклонился к собеседникам и тихо сказал: — Знаете, кто купил все мое стадо? Армия! Заплатили, конечно, не ахти, но все же лучше, чем ничего. А такое могло случиться, если бы я еще на два-три дня остался в столице. Дождался бы, что скакунов и в самом деле реквизировали бы.

— Война все-таки будет? — бледнея, спросил старый погонщик. — Нас сегодня тоже у ворот задержали. Хозяин каравана купил медь для посуды, а теперь оказалось, что ее запрещено вывозить. Нужна для отливки пушек, вот так-то.

Трактирщик принес настой, расставил перед гостями. Полная кружка досталась и молчаливому угрюму. Он благодарно кивнул, но не сказал ни слова.

— Ну, — гуртовщик поднял кружку, — выпьем, чтобы войны все-таки не было!

— Правильно!

— Чтобы там бледнозадые не учинили, это нас не касается.

— Нет! — прозвучал вдруг незнакомый голос. — Касается!

Странный гость обвел всех взглядом. Людей за столом поразили его глаза — неподвижные и безжизненные, как oasis в пустыне после долгой засухи.

Гуртовщик хотел было возмутиться: нечего, мол, обрывать хороший тост, но остановившийся взгляд недавнего молчуна заставил его прикусить язык.

— Меня зовут Кодинаро. Я жил в том городе, на который напали бледнозадые. Еще два дня назад я... — он перхнулся, мотнул головой и замолчал. Приложился к кружке, судорожно глотнул несколько раз.

Пока он пил, собеседники молчали. Никто из них не знал, что говорить.

— Еще два дня назад, — хрипло повторил Кодинаро, — у меня было все: дом, семья, друзья. Теперь кузни, где я работал, лежат в развалинах, дом сгорел, а друзья погибли...

Он снова замолчал.

— А семья? — не выдержал молодой погонщик. — Что случилось с ними?

— Их больше нет... никого нет.

Постепенно им удалось его разговорить. После нескольких кружек и десятка неуклюжих, но все-таки сказанных от чистого сердца сочувственных слов Кодинаро немного привел в себя. Сбивчиво, перескакивая с одного на другое, он рассказал, что произошло в городе. От его слов холодело внутри, немели пальцы, а в груди загоралась чистая, ничем не замутненная ненависть.

— ...у меня были соседи — мой друг Нивазуми, его жена и двое ребятишек, старшая дочь и мальчик, совсем кроха. Нивазуми служил в артиллерию и погиб в первые же мгновения атаки на метательной площадке. Там полегли все до единого... — Он стиснул кружку с такой силой, что, казалось, ручка вот-вот треснет. — Сломив нашу оборону, корабли бледнозадых стали бить по городу. Окрестные дома уже горели, когда на улице появился десантный отряд. Жена друга не знала, что с ним, и ждала до самого конца, надеясь, что муж вернется и тогда можно будет спастись всем вместе. Когда у дома занялась крыша, она подхватила на руки девочку и выскочила на улицу. Там ее и встретили. Пиками.

Молодой погонщик слотнул.

— Солмаонцы убили ее прямо на пороге дома. Девочка сумела вырваться и побежала прочь, но недалеко: ее достали из самострелов. А младенец еще долго кричал внутри, пока не рухнула прогоревшая крыша.

Люди выскакивали из пылающих домов, ослепшие от боли и дыма. Их рубили палашами. Всех без разбору. Мальчишку, подносчика из кузней, зачем-то протащили через весь город и только потом прирезали — наверное, глумились над его страхом.

Сначала Кодинаро рассказывал с трудом. Он спотыкался на каждой фразе, вздрогивал, с силой втягивал в се-

бя воздух. Но потом словно сжал себя в кулак. Отключил все эмоции и заговорил ровно и спокойно, как Беспристрастный Свидетель. И это оказалось для слушателей намного страшнее. Они бы поняли, если бы рассказчик, в конце концов, завыл, обхватив голову руками, или разрыдался, не в силах терпеть в себе боль пережитого. Но чтобы так...

Когда о невероятных, немыслимых вещах говорят размеженным голосом, они доходят до самого сердца. Панцирь, которым человек окружает свой разум, стараясь защититься от жуткой и жестокой правды, трещит по всем швам.

Да, те, кто видел такое, сходят с ума. Некоторым удается сохранить рассудок, но внутри они выжжены, как огарок свечи, как сгоревшее до углей полено.

Кодинаро внешне выглядел вполне нормальным.

Только ни о чем другом, кроме мести он не мог и думать. К концу разговора ему удалось заразить своим настроением всех остальных.

— Вчера вы говорили о налогах и податях, — глухо промолвил он напоследок. — Так вот, слушайте, что я скажу. Я бы отдал последний медяк, лишь бы проучить этих бледнозадых. Но... у меня не осталось ничего, кроме вот этой накидки и моего скакуна.

— Значит, тебе нечем заплатить подати, и потому — все равно, а нам есть чем, — резонно заметил горшечник.

— У меня есть еще кое-что. Если императору понадобятся добровольцы — я пойду воевать.

— Так ты приехал, чтоб записаться в армию?

Кодинаро кивнул:

— Вчера подал прошение. Мне сказали ждать два дня. Завтра должен быть ответ.

С этими словами он кивнул собеседникам, поднялся и вышел, оставив на столе горсть истертых монет.

А следующей ночью трактир шумел, как никогда. Сегодня, в день празднования Памяти Четырнадцати Героев, лавки прямо-таки трещали под весом сотен посетителей, а столы — ломились от сброшившего просовового настоя. Вку-

сом он, конечно, не ахти, зато дешев и в голову ударяет почти сразу. А что еще нужно рабочей бедноте с окраин и погонщикам торговых караванов?

— Эй, трактирщик! Еще по кружке на всех! — кричали со всех сторон. Подавальщицы сбились с ног, разнося подносы с настоем. А хозяин уже с трудом удерживал в памяти, сколько кружек выпили за каждым столом.

Громкие, веселые голоса одну за другой провозглашали здравицы. Сначала, как водится, в честь императора:

— Да продлится вечно его правление!

Потом за Героев, тех, что много лет назад грудью встретили нашествие самого Меткандра Проклинаемого. Гарнизон пограничного поста — четырнадцать бойцов — с рассвета до заката отражал все атаки отборных головорезов безжалостного завоевателя. Герои полегли все до единого, но задержали-таки продвижение врага почти на сутки. Пока солмаонцы ломали стойкость защитников границы, доблестная чжаньская кавалерия окружила вторгшиеся полки и после долгой сечи заставила их отступить.

Официальная легенда, правда, умалчивала, что на самом деле Меткандр неожиданными марш-бросками прорвал блокаду, изрядно потрепав окружающие его войска, и вышел из смертельной ловушки победителем. Да и вообще эта война оказалась в целом неудачной для Соцветия — грозный солмаонский император захватил плодородное устье Хиарамы. Вернуть его удалось только семьдесят лет спустя.

Но... кому нужна правда, если она горька? В проигранной войне нашелся один доблестный эпизод, который и стал праздником Памяти Четырнадцати Героев. Имена их давно забылись, но торжества в их честь расцвечивают дома и улицы Чжандоу красными и белыми лентами — цвета крови и незапятнанной чести.

Трактир тоже постарался не отстать. Его главным достоинством, конечно, оставалось дешевое пойло, но хозяин еще утром распорядился натянуть цветастые полотнища на закопченные балки под потолком. К концу дня белая ткань, и так не слишком чистая, запачкалась окончательно

и превратилась в серую. Впрочем, и красная выглядела не лучше.

Но посетители почти не смотрели наверх. Здравицы не прекращались и кружки опрокидывались одна за одной. Простой настой делал свое дело — глаза у людей разгорались, разговоры звучали все громче, кое-где уже цепляли друг друга за грудки.

Разговоры за столами тоже велись не чета вчерашним. Праздничный подъем разбудил патриотические чувства, а здоровый pragmatizm, что совсем недавно владел умами посетителей, куда-то испарился.

— Да много ты понимаешь в военном деле! Наша кавалерия раздавит этих бледнозадых собак, как тараканов! Сколько раз уж так бывало! Все закончится в считанные дни!

— Неужели? Почему ж тогда северяне смогли сжечь город и уйти безнаказанно?

— Потому что нарушили договор о мире, вот почему. В городе почти не было войск, никто не ожидал нападения!

— Ничего! Недолго им радоваться! Вот увидите!

Вероломная подłość солмаонского десанта будоражила столицу уже не первый день. Сегодня люди вспоминали об этом особенно часто: мол, были бы живы те пограничники — накостиляли бы бледнозадым! Вышвырнули бы взашей со священной земли Соцветия!

Гуртовщик уже уехал, но оба погонщика и горшечник снова оказались под крышей одного трактира. Выпив в честь праздника, они разговорились уже как давние знакомцы, снова и снова вспоминая Кодинаро. Посетители за соседними столами прислушивались к ним, подсаживались ближе:

— О чём вы тут толкуете?

Старый погонщик как мог пересказал историю кузнеца, потерявшего свой дом и близких, завсегдатаи передавали ее новым посетителям. Прошло совсем немного времени, и о разоренном городе гудел уже весь трактир. Страшные подробности распалили людей:

— Давить этих бледнозадых! Резать!

— Войну Солмаону!

Когда Кодинаро появился в дверях, к нему повернулись почти все.

И замолчали. Гул голосов стих, словно по волшебству сказочного лучика.

Бывшего кузнеца такой прием не удивил. Он спокойно шагнул вперед и начал протискиваться по рядам к своему столику.

В наступившей тишине, казалось, можно было услышать стук собственного сердца.

Первым не выдержал горшечник. Он поднялся навстречу Кодинару и спросил:

— Тебя приняли?

Бывший кузнец остановился. Посмотрел по сторонам и сказал громко, во весь голос, так, чтобы слышали все:

— Нет! Совет решил не начинать войну! Бледнозадые предложили откупные! Всего лишь серебро за мою семью, моих друзей! Мой город!

Зал взревел. В общем гаме ничего нельзя было разобрать, пока трактирщик не гаркнул:

— Тихо!! — И спросил у Кодинара: — Ты уверен?

— Да. Совет переломил красные палочки. В Солмаон едет новый посол, договариваться о мире.

— Посол? Кто же?

Кузнец мрачно покачал головой:

— Не думаю, что тебе очень понравится ответ.

Сразу несколько человек выкрикнули:

— Скажи!

— Скажи, кузнец!

— Да, — поддержал гостей трактирщик. — Поведай, кто готов променять жизни поданных императора на солмаонское серебро?

— Канзимо.

Трактир удивленно загудел.

— Канзимо Заботник? Не может быть!

— Может. Если ты не веришь, подожди до вечера. Вербовщики сказали, что гонцы вот-вот возвестят о мирных переговорах.

— В черную пропасть переговоры! Война! Война Гравандеру!

— Бледнозадых надо проучить!

Позже слугам Всевидящего Ока так и не удалось выяснить, кто первым выкрикнул роковую фразу. Некоторые допрашиваемые утверждали, что это сделал чуть ли не сам Кодинаро. Впрочем, на Доске Правды они меняли свои показания, обвиняя во всем себя. Но это, по большому счету, уже мало кого интересовало. Ведь бывшего кузнеца, кем бы он ни был на самом деле, разыскать так и не удалось.

А в тот момент трактир услышал:

— Смерть предателю!

— Кому? Канзимо? Какой он предатель? Он заботился о нас всех и...

— Раньше заботился. А теперь продает страну. Смерть предателю!

— Смерть! Смерть!!!

Императорские глашатаи с трудом пробивались к главным площадям столицы по переполненным в честь праздника улицам. Совет решил, что это будет символично: объявить о мире в день Памяти Героев.

Вестники разбились на два отряда, потом еще на два и еще, а под конец им вообще пришлось разделиться на маленькие группки по два-три человека — оказалось, что так проще продвигаться сквозь столпотворение людей. Договорились встретиться на площади Единоцветия, где по традиции первыми зачитывались императорские указы и решения Совета. Потом глашатаев ждали еще две площади — рыночная, на въезде в богатые кварталы, и Лобное место у Западных ворот. По большому счету вытоптанную тысячами копыт и сапог проплешину трудно назвать площадью, но там собираются торговые караваны, а окрестные трактиры кормили и поили добрую половину Нижнего города и весь Погорелый посад.

У каменной громады Единоцветной колонны, установленной, как говорят, в день основания столицы, император-

ских глашатаев ждал неприятный сюрприз. Площадь оказалась запруженной, как речной поток плотиной, двумя десятками повозок.

От взмыленных скакунов шел пар, возницы орали друг на друга и переругивались со случайными зеваками. Конечно, их можно понять: ехали на праздник, везли товары на продажу или сами хотели чего-нибудь прикупить и тут — на тебе! — угодили в такую глупую ситуацию. И проехать нельзя, и повозку не бросишь — мигом растащат.

Виновником происшествия оказался молодой водовоз. Переполненная бочка подпрыгнула на очередной выбоине мостовой да и переломила колесную ось всей тяжестью. Повозка застыла, перегородив проезд, сзади набились другие, подперли друг друга, кто-то попытался развернуться, но добился лишь еще большей неразберихи.

На пузатом боку бочки в свете факелов и праздничных салютов посверкивала ледяная корка — от удара часть воды выплеснулась наружу. Водовоз возился в снегу, пытаясь устраниТЬ поломку, а вокруг бушевал целый ураган проклятий.

Старший глашатай спешился, с трудом пробился к виновнику пробки:

— Эй, парень, долго тебе еще копаться?

Возница вылез из-под днища — веселый и чумазый парень весьма плутоватого вида:

— Долго! Тяжелая, зараза! Придавила, никак сдвинуть не могу!

— Давай поторапливайся! Мы тебя ждать не будем!

Ничуть не обескураженный суровостью тона водовоз отозвался:

— Рад бы, но не могу! Без колес мою бочку и шестью скакунами не сдвинешь.

Старший выругался: парень прав, и с этим ничего не поделаешь. Он огляделся, понимая, что на переполненную площадь никак не соберешь больше двадцати человек. Глупо будет читать указ горстке людей. Пусть этот неумеха возится со своей колымагой, а императорскую волю можно пока объявить на Лобном месте.

— Вот что, парень. Мы вернемся очень скоро, и я надеюсь, что тебя здесь уже не будет. Иначе тебе придется разговаривать не со мной и не здесь.

— А где? — спросил возница, ухмыляясь.

— В канцелярии Ока. Поехали, ребята.

Глашатаи умчались к Западным воротам.

Водовоз проводил их взглядом и в который уже раз попадовался невиданной удаче. За эту якобы поломку ему заплатили столько, сколько он не зарабатывал и за целое лето. Поэтому он совершенно спокойно копался у сломанной оси, не обращая внимания на крики и ругань других возниц. Даже императорские глашатаи не смогли его напугать. За такие деньги он, не раздумывая, прыгнул бы в яму, кишащую ядовитыми змеями.

Когда на Лобном месте взревели трубы, трактир давно кипел вовсю, будто котелок с варевом.

Немузыкальный сигнал стал для разгоряченной толпы командой к действию:

— Императорские глашатаи! — сказал кто-то. — Зачем еще?

— Ясно зачем: объявить о мире! А ну, пойдем-ка послушаем, кто там на самом деле собрался продавать Соцветие.

Поднялись почти все, даже трактирщик.

— Кодинаро, ты с нами?

Бывший кузнец ответил совершенно спокойно:

— Конечно. Хочу посмотреть в глаза предателя, прежде чем он умрет.

Двери трактира едва не снесли с петель, но хозяин не жаловался, он и сам раздраженно толкнул створку, выбираясь на улицу. Государственный доносчик весь вечер усердно старавшийся казаться незаметным, со всех ног помчался в канцелярию Всеvidящего Ока.

Слишком поздно.

С противоположной стороны на площадь выдвинулась такая же распаленная алкоголем и ненавистью толпа. Две группы сошлись у самого помоста, заставив глашатая попяться. Никто не заметил, как Кодинаро чуть заметно кивнул неприметному человеку в задних рядах вновь прибывших.

Оба стали осторожно пробираться сквозь толпу, встретились у крепостной стены и скрылись в лабиринте проулков Погорелого посада. Впрочем, если бы кто и разглядел их, то, скорее всего не удивился: ведь тот, второй, совсем недавно описывал в соседнем трактире «Зайди, не пожалеешь» ужасы резни, что учинили солмаонские десантники. И тоже назывался очевидцем событий, как и Кодинаро.

Земляк встретил земляка. Бывает.

Хагг тщетно уговаривал своего господина бежать:

— Но, Канзимо-са! Вокруг дома разъяренная толпа! Очень много людей. Я даже не могу их сосчитать! Они требуют вас. Еще немного и они подожгут...

— Требуют? — отставной советник пожевал старческими губами, потом тяжело и обреченно вздохнул. — Тогда надо выйти.

— Нельзя! Вас могут убить! Они... они называют вас предателем!

Канзимо знаком велел Хаггу замолчать.

— Я ожидал чего-то подобного. Что ж, у каждого из нас наступает день, когда ему приходится отвечать за свои поступки. Помоги мне подняться.

Тяжело шаркая больными ногами, старик вышел в гостиную. Здесь рев толпы заглушал все остальные звуки. Даже сквозь опущенные занавеси в окно с улицы пробивался свет и дым сотен факелов.

— Смерть предателю! Смерть!

Старый советник не дрогнул. В сопровождении Хагга он открыл входную дверь и вышел.

Увидев его, толпа гневно зарокотала. Он стоял на пороге, согбенный и усталый, и спокойно смотрел на них.

И молчал.

Наверное, ему надо было что-нибудь сказать. Установить между собой и ними мостик человеческого голоса, но Канзимо молчал.

Первый камень попал ему в плечо. Советник вздрогнул, едва слышно застонал.

Толпа возликовала.

Полетели факелы. Часть разбилась о стены, рассыпавшись ворохом искр, но большинство упало за спиной советника, в глубине дома. Пожар занялся почти сразу — сначала огонь пополз по занавесям, потом перекинулся на легкую бамбуковую мебель. Она запылала, оглушительно потрескивая, как артиллерийская канонада.

Старый советник чуть улыбнулся, пробормотал:

— Ну, вот и салют. Не думал, что уйду из жизни с почестями!

Камень попал ему в висок, залив лицо кровью. Он покачнулся и упал на одно колено. Хагг бросился к нему, пытаясь помочь, но в этот момент толпа шагнула вперед, слитно, как один человек.

Телохранитель не смог сделать ничего — его тянули, толкали, рвали на куски разом две-три сотни рук. Он рычал, стараясь прикрыть Канзимо своим телом, и не обращал внимания на многочисленные порезы, из которых сочилась кровь. Он отбивался, лягался, кусался, но... тщетно.

Через несколько коротких мгновений он рухнул на неподвижное тело своего господина. Толпа сомкнулась над ними обоими и еще какое-то время топталась на месте взад-вперед, словно чудовищный многоногий танцор.

Когда на место прибыли Ресницы Ока, все уже было кончено. На пороге дома лежала бесформенная груда, меньше всего напоминавшая двух человек. Грязный снег, щедро политый кровью, медленно подтаивал вокруг пылающего дом.

Вечером отставной тысячник встретил понурого Идравана у ворот дворца. Тот только что узнал страшную новость и бежал к дому своего учителя, надеясь на чудо. Ведь слухи часто преувеличивают события. Человек оцарапался, а молва расскажет, что он серьезно ранен; заболели четверо, а люди уже говорят о новой эпидемии Черной Язвы.

Адитамаро ослабился, хлопнул молодого советника по плечу:

— Отлично, мальчик, отлично. Я так и знал, что ты имел в виду нечто в этом роде, когда так настойчиво предлагал выбрать в переговорщики старого хитреца Канзимо. Надо признать, ты избавился от старика весьма изящно. Говорят, он отписал тебе свое поместье?

Идраван задохнулся о ярости. Словно бы и не замечая его состояния, тысячник продолжал:

— И хорошо, что так получилось. Больше не будем разводить сопли: давайте пошлем уважаемого человека и все такое. Теперь этим делом займется армия.

Молодому советнику очень хотелось ударить его, но он лишь покачнулся вперед, сжав кулаки. Спросил сквозь зубы:

— Армия занимается только одним делом — войной.

— Ты не прав, мальчик. У нее много задач. Например, она может произвести обмен Иррабана, географа, на нашего кузнеца. Встретимся на границе с солмаонцами, мы — вам, вы — нам и... — ерничал он, — разошлись. И никаких эксцессов. Мы же знаем, что от них ожидать.

— От кого?

— От чужой армии, мальчик. От бледнозадых.

— И чего же? Предательства?

— Всего, чего угодно... — Адитамаро помолчал несколько мгновений и повторил снова. — Чего угодно. Как и от нас, впрочем.

Место для наблюдения Дюваль выбрал что надо — застеженный холм, поросший вдобавок плотной стеной колючего кустарника, давал прекрасный обзор и одновременно защищал его от нескромных взглядов. Оптика у местных, конечно, оставляет желать лучшего, но кто может поручиться, что среди них не окажется парня с идеальным зрением, который вполне способен разглядеть бывшего легионера и за километр. Пусть даже и в маскировочном комбинезоне.

Француз надвинул на голову капюшон и приник к окулярам. Чжаньской делегации все еще не было видно.

Пискнул трансивер.

— Жан-Поль, это Ли. Я недалеко от тебя, дай пеленг.

Парой минут позже на склоне холма что-то зашуршало. Защитный костюм очень хорошо имитировал снег — Дюваль увидел бывшего социолога, только когда тот подполз совсем близко.

Ли пожал французу руку, пристроился рядом.

— Ты уверен, что передача произойдет именно здесь?

— В целом — да. Место то самое, солмаонцы прибыли еще вчера, — Дюваль указал на цепочку походных шатров по ту сторону границы. — Ждут. А твои где?

— Я их опередил на несколько часов. Командир приказал встретиться с тобой, проследить за встречей и немедленно эвакуироваться.

Жан-Поль недоуменно вскинул бровь:

— Эвакуироваться? Почему?

— Он считает, что передачи не будет.

— А что же тогда? Обе стороны подсунут друг другу двойников?

— Не знаю. Увидим.

Чжаньская делегация появилась только через три часа, когда оба землянина уже успели изрядно замерзнуть.

— Вон они!

Кавалькаду заметили и в солмаонском лагере. Он моментально преобразился, став похожим на развороченное осиное гнездо. Солдаты спешно седлали скакунов, командир выкрикивал какие-то приказания. Из охраняемого шатра вытащили пленников, грубо втолкнули в центр квадрата, образованного крупами животных.

— Их двое, — заметил Дюваль. — С Косталаном какая-то девушка.

— Наверное, его подруга. Десант увез и ее, чтобы иметь еще один рычаг воздействия. Пригрози ей — и наш кузнец будет как шелковый.

— Мерзавцы! — в сердцах выругался француз и сплюнул.

Всадники потянулись навстречу чжаньцам. Те тоже заметили противника, моментально перестроились — легконо-гая кавалерия выдвинулась вперед, прикрыв собой три вме-

стительные повозки. На крышах, задке и облучках теснились самострельщики.

Им не понадобилось много времени, чтобы съехаться. Через пятнадцать минут обе группы встретились и замерли друг напротив друга у подножья облюбованного Дювалем холма. Никто не решался двинуться первым.

Храпели скакуны, ветер полоскал боевые штандарты, позвякивало оружие и сбруя.

Люди молча смотрели друг на друга.

Француз водил биноклем по сторонам, выхватывая то одного, то другого солдата, командиров, озабоченные лица, крепко стиснутые зубы, прищуренные глаза. Все напряжены, руки судорожно сжимают оружие, болты вложены в желобки самострелов.

— А нервы у них на пределе, — заметил Жан-Поль, передавая китайцу оптику. — Достаточно легкого толчка и начнется свалка.

Напряжение передалось и землянам. Поэтому, когда пискнул вызов трансивера, оба вздрогнули.

— Это твой, — сказал Дюваль.

— Ли, — прошипел динамик голосом Квашнина. — Как слышишь?

— Нормально, командир. Помехи немного мешают.

— Слушай внимательно. Как только начнется свалка — немедленно уходите. Ясно?

Разведчики переглянулись. Дюваль чуть заметно кивнул: мол, а я что говорил?

— Свалка? Почему? — спросил Ли.

— Обе группы получали тайный приказ уничтожить пленника в тот момент, когда «свой» окажется в безопасности. Поэтому не задерживайтесь там. В драке обязательно будут победившие, и они вполне могут обыскать все вокруг, преследуя беглецов.

— Понял, конец связи. — Китаец выключил трансивер, кивнул Дювалю: — Вот так-то.

— Интересно, кто отдал им такие приказы, если еще вчера и те, и другие обеими руками держались за обмен? — спросил Жан-Поль.

Ли несколько секунд молчал, размышляя, высказывать или нет свою догадку, потом наконец сказал:

— Думаю, что мы.

— Как это мы?

— Служба, — лаконично ответил бывший социолог и замолчал.

Внизу наметилось какое-то движение. Чжаньский командир выехал на полшага вперед и что-то прокричал. С солмаонской стороны отозвались, и несколько минут между переговорщиками шла довольно оживленная перепалка на повышенных тонах.

Трудно о чем-то договариваться, выкрикивая слова изо всех сил, надсаживая голосовые связки. Повинуясь командам, солмаонцы двинулись к границе. Чжаньцы тоже поскали вперед.

Они остановились шагах в двадцати друг от друга.

Командиры снова принялись о чем-то спорить, но уже спокойнее, благо больше не приходилось напрягать голос.

— Решают, кто пойдет первым? — спросил Дюваль.

— Нет, скорее всего, договариваются о сопровождении. Сколько солдат пойдут с пленником, чем будут вооружены и так далее.

Наконец соглашение было достигнуто. В качестве гарантий безопасности офицеры выбрали себя. А для сопровождения хватит и пары солдат.

Из чжаньской повозки вывели Иррабана, солмаонские пехотинцы разомкнули строй, пропуская вперед Косталана с Юнари. По двое солдат с каждой стороны разом пристроились по бокам.

Командиры кивнули, и пленников повели вперед.

Напряжение достигло наивысшей точки. Казалось, еще немного и станет слышен звон натянутых нервов.

Обменщики не успели пройти и десятка шагов, как вдруг щелкнула тетива самострела. Болт не прилетел — наверное, у кого-то просто дрогнула рука. Но командиры одновременно поняли: все, конец. Обреченность появилась на лицах у обоих, они попытались обернуться к своим, прореветь приказ, но не успели.

Взведенные самострелы разом выплюнули смерть с обеих сторон.

Иrrабан упал первым — два болта попали ему в плечо и в горло. Потом рухнул солмаонский командир, чжанец тоже сполз с седла, безвольно ткнувшись лицом в снег. Правая нога застряла в стремени, и испуганный скакун потащил его за собой.

Кавалеристы с шелестом выхватили из ножен палаши, панцирники выставили вперед пики. И две монолитные волны смертоносного железа рванулись навстречу друг другу.

В моментально разгоревшейся беспощадной рубке было уже все равно, кто начал первым. Солдаты бились с ненавистным врагом, сражаясь за собственную жизнь.

К вечеру живых на месте схватки не осталось. Раненые почти все умерли без воды и перевязки, в заснеженной долине воцарилась тишина. Временная тишина. Люди ушли, забыв забрать своих мертвцевов, и вдали уже мелькали холодные зеленые глаза ночных падальщиков.

Пока же здесь властвовал покой. Его не смогла нарушить даже девушка, что бесцельно бродила среди трупов. Легкая накидка совсем не защищала ее от ветра и ночного холода, тело била крупная дрожь, губы посинели. Но она, казалось, не замечала, что замерзла. Безумные, остановившиеся глаза не смотрели по сторонам. Девушка глядела прямо перед собой и что-то тихонько напевала.

Солмаонцы бросили Юнари в спешке отступления — теперь она стала им не нужна.

Она не шарахалась от мертвых тел, но и не приближалась к ним. Просто бродила, как будто не могла найти лучшего места для прогулки.

Вдруг один из лежащих на земле привлек ее внимание.

Она подошла ближе — мелкими шагками, как испуганный ребенок.

Человек лежал лицом вниз, широко раскинув сильные руки. Казалось, он просто уснул.

Юнари пригляделась — дешевый браслет на правом запястье привлек ее внимание. Что-то он ей напоминал...

Она наклонилась ближе, осторожно взяла неподвижную руку тонкими пальцами.

И в этот момент у нее в голове что-то щелкнуло. Все разом встало на свои места, и Юнари вспомнила все, до последней мелочи.

Этот браслет она подарила Косте в день Противостояния Небесного Диска.

— Коста! Ты нашелся! Коста!

Он не шевелился. Юнари упала рядом с ним на колени, потрясля за плечо.

— Что с тобой? Коста, очнись!

Она перевернула кузнеца на живот и закричала. Вместо лица у него зияла рубленая рана, запекшаяся кровь исказила черты до неузнаваемости. Мертвый он совсем не походил на того могучего великана, что вырвал ее из лап распорядителя Коцера. Теперь Косталан выглядел жалким и беспомощным. В смерти нет ничего героического, лишь мрачная и абсолютная безысходность.

Юнари кричала, пока не сорвала голос. Тогда она прижалась к телу кузнеца, словно пытаясь согреть его своим теплом. Но он ушел уже слишком далеко. Она заплакала, горячие слезы текли по ее щекам. Потом они кончились, и рас простертая на мертвце девушка могла только лишь стонать, всхлипывая и дрожа всем телом.

А потом пришли падальщики.

ЭПИЛОГ

В кабинете царили тишина. Лишь шуршал где-то над головой вентилятор, да едва слышно пощелкивал трансивер, отмечая непринятые вызовы. Подходить не хотелось.

Тишина давила, обволакивала со всех сторон. При других обстоятельствах ее можно было назвать могильной, если бы не стопка снимков на столе.

Их прислали утром со следящей. «Пятерка» как раз проходила над приграничной полосой Соцветия у многострадальной крепости Сармасса. В прошлую войну она четыре раза переходила из рук в руки. По мирному договору цитадель — или вернее то, что от нее осталось — отошла под власть Гравандера. Неудивительно, что первое сражение новой войны началось у ее стен. Чжаньская кавалерия, как обычно, зажала в клещи солмаонскую панцирную пехоту. Латники, проворно перестроились в каре, ощетинились пиками; с наспех отстроенных укреплений картечью били бомбарды.

Квашнин еще раз перетасовал снимки, бросил на стол — цветастые карточки разлетелись веселеньким веером. Игорь по очереди рассматривал их.

У «пятерки» очень хорошая оптика, с автоматической фокусировкой и цифровой доработкой изображения. Раньше это всегда помогало. Сегодня Квашнину впервые захотелось, чтобы качество снимков оказалось похуже. Раз этак в сто.

Иначе на них просто невозможно смотреть. Как запретный плод — тянет взглянуть еще разок, а как откроешь на экране компьютера, так сразу начинает мутить. Игорь даже распечатал снимки, понадеявшись, что если перевернуть картинкой вниз, можно будет хотя бы ненадолго забыть о том, что на них изображено.

Зря надеялся.

Они манили к себе, как наркотик, как первая пачка сигарет после месяца воздержания.

Квашнин снова переворачивал снимки и смотрел, заставляя себя не отворачиваться.

Вот каре панцирников, растерзанное кавалерией. Ноги скакунов в крови по круп, промерзшая зимняя глина превратилась в грязное бурое месиво, взбитое, словно миксером, перетекающими взад-вперед волнами людей и животных. Бьющиеся в агонии скакуны, поддетье на пики, — живот распорот, грудь исполосована трехгранными жалами. Вдавленные в землю пехотинцы в смятых панцирях, странно *пло-ские*, как манекены.

Латников перемололи, кавалерийские крылья сомкнулись вокруг крепости, спешились и пошли на штурм.

Бомбарды раскалились от постоянной стрельбы. Одна взорвалась, засыпав осколками прислугу.

Следующий кадр. Картечь хлестнула по рядам наступающих, первая шеренга надломилась, люди, в одну секунду ставшие калеками и просто кровоточащими обрубками, упали под ноги своих товарищей. Чтобы уже никогда не подняться.

Еще кадр. Осадная лестница летит в ров, за нее грозьями цепляются чжаньские солдаты, рты распахнуты в немом крике. Два солмаонских пехотинца с шестами в руках не успели порадоваться своей удаче — меткие стрелки Соцветия нашпиговали их болтами.

И еще кадр. Другой. Пятый. Десятый.

Все одно и то же. Кровь. Смерть. Много смертей. Только на этих кадрах — больше тысячи. А ведь они запечатлели лишь приграничное сражение. Самое первое. Будут новые битвы, а значит, и новые жертвы.

«И что теперь? Что ты сделаешь, Игорь Квашнин? Осознал всю меру своей ответственности? И, конечно же, решил остановить развязанную войну, на которую потрачено столько усилий? Кто другой бы пустил слезу от умиления, выслушав твое раскаяние: мол, я все исправлю. Кто другой, но только не ты сам. Ведь ты прекрасно понимаешь, что без новой крови мир на Надежде не вернуть».

За дверью послышались громкие голоса — кто-то кому-то доказывал свои права на повышенных тонах.

Игорь еле заметно поморщился: «Просил же охрану, чтоб никого не пропускали. Не до посетителей сейчас. А то, не дай бог, нагрянет Талвела и сожрет заживо своим «интервью». С потрохами. Этот парень быстро научился приходить в неудобное время и задавать неудобные вопросы».

Из коридора донесся приглушенный шум, потом два коротких шлепка, стон — нечто тяжелое с грохотом обрушилось на пол.

Еще через секунду дверь ёдва не слетела с петель.

Квашнин даже не дрогнул, лишь подумал: «Ну вот, и судья пришел».

— Здравствуй, Ли, — сказал он, не поднимая головы.

Китаец пробормотал что-то, чего Игорь не понял — Ли пытался говорить со стиснутыми зубами.

Командир посмотрел на него: руки сжаты в кулаки с такой силой, что побелели ногти, зрачки расширились, лицо пошло красными пятнами, от чего кожа приобрела странный коричневатый оттенок.

— Ты... — начал Ли, но задохнулся от волнения и гнева, поперхнулся и замолк.

Квашнин устало прикрыл глаза.

«Еще один обвинитель на мою голову. Эх, парни, неужели вы думаете, что я сам ничего не понимаю, бездушный и черствый русский, и вам надо обязательно приходить и стыдить меня. Сначала словами, а потом... потом, как Свен — поступками».

Чжао Ли глубоко вздохнул, справился с бушующим внутри гневом. Начал снова, на этот раз — почти спокойно:

— Ты как-то говорил нам о геноциде. Мол, никому не хочется остаться в истории новым Гитлером или Кортесом. Радуйся теперь! Уничтожение началось! Геноцид в полном разгаре, пусть и чужими руками. Для всех мы остались чистенькими, но и я, и ты — знаем, кто авторы этой войны. Отцы геноцида, — продолжил он с горьким пафосом. — Звучит, а? Ты доволен?! Вот этим — доволен!!

Ли яростно кивнул на снимки.

«Интересно, он швырнет их мне в лицо — или нет?» — подумал Игорь.

— Сядь, Ли.

— Я...

— Все что ты хочешь сказать, я знаю. Считай, что ты изложил свое гневную отповедь, а я выслушал.

— Ты не понимаешь!

— Понимаю, и притом — очень хорошо. Так что перестань орать и разрывать на себе одежды. Вы со Свеном...

— Не трожь Свена! — прорычал Ли.

— Буду трогать!!! — рявкнул Квашнин с такой силой, что китаец отступил на полшага от неожиданности. — Вам обоим кажется... казалось, что в Службе только вы одни — борцы за права аборигенов, за честную игру и за политкорректность в поступках. Мол, только вам наш план и наши операции попёрек горла, а все остальные прямо-таки наслаждаются своими ролями. — Он прошелся по кабинету, немного успокоился и продолжил уже нормальным голосом: — Очень удобная позиция, Ли. Стоять в сторонке, не неся ответственности ни за что, и критиковать. Разглагольствовать о том, какие все плохие, какой поборник геноцида Игорь Квашнин, а ты весь в белом с незапятнанной репутацией.

— Я не то имел...

— Имел, имел. Иначе бы не пришел ко мне, прорвавшись через охрану. Обвинительная речь так расpirала тебя, что ты и бетонную стену не заметил бы. Рекомендую поделиться своими соображениями с Талвелой из Хоуп-ИТВ. Он спит и видит, как бы нарить материальчик, позволяющий обвинить Службу во всех смертных грехах. Чтобы завтра уже причитать в своей программе: «Ах, ах, этот монстр ТС, выращенный под крылом Администрации, сегодня он стравливает аборигенов, а чем займется потом? Не нами ли?»

— Но, командир! Я не пытаюсь обвинить только тебя! Мы все виноваты! Мы начали с того, что деньгами заставляли людей продавать свою родину, меняли их, как перчатки, когда они умирали под пытками или на костре. Потом из-за нашей деятельности начали погибать ни в чем не повинные люди, случайно угодившие в жернова местных спецслужб. Как мастер Саригамо, главный распорядитель кузней Хин-

новари, Илама, наконец! — С каждой фразой Ли распалялся все больше. — По нашей вине салмаонские морпехи вырезали целый город. А закончилось все тем, что мы развязали войну!!!

— Да, — сказал Игорь глухо, — развязали. Наша вина и наша беда.

— Беда? Почему?

— Когда аналитический отдел Службы только создавался, я выкачал из Сети все, что касалось истории разведок и спецопераций. В том числе и беллетристику, детективы, научную фантастику — в общем, все, что нашел... Не перебивай, Ли, сейчас поймешь, к чему я клоню! Знаешь, что меня я удивило: профессионалы безопасности, описанные в книгах, то и дело совершали ошибки, как зеленые новички, полагались на интуицию и авось, ввязывались в стычки с непрогнозируемыми последствиями. Подобное несоответствие очень долго ставило меня в тупик, пока я не сообразил: невозможно предвидеть и просчитать все, когда основными исполнителями являются люди. Агент, как бы он не был подготовлен, может что-то забыть, неправильно оценить ситуацию, ошибиться в выборе контакта, переоценить свои силы и так далее. Если операция привязана ко времени — всегда остается возможность, что исполнитель опоздает или не уложится в срок. И так называемая «грязная» работа спецслужб прошлого века — ЦРУ, КГБ и всех прочих — упирается именно в человеческий фактор, в полную непредсказуемость конкретного исполнителя.

— А причем здесь мы?! Ты хочешь сказать, что...

— Дослушай, Ли. Потом будешь метать в меня громы и молнии. В фантастике попадались описания операций будущего, где каждый шаг просчитывался на компьютерах или прогнозировался специальными людьми, паранормами, способными видеть будущее. Тем не менее, спецслужбы все равно терпели поражения. Или акции приводили к совершенно невероятным результатам.

— Как у нас, да?

— Как у нас. Чем сложнее акция, тем труднее предсказать ее результат, предвидеть все случайности, несмотря на

опыт аналитиков и мощь компьютерного парка. Чем больше в операций критических узлов и исполнителей, тем скорее она пойдет не так, как планировалось. Мы тоже не боги, Ли, аналитический отдел выдал прогноз на основе тех данных, что поставляли ему мы, полевые агенты.

— Ты хочешь сказать: отдел ошибался? Но ты ведь и раньше все время говорил, что основная цель наших операций — спровоцировать войну.

— Да, говорил. Но война — это не обязательно битвы и сражения. Например, так называемая Холодная, что вели Советский Союз и США. Она продолжалась почти полвека без единого прямого столкновения между воюющими сторонами. Зато сверхдержавы лихорадочно вооружались, что в итоге отрицательно сказалось на экономике и тех, и других. Мы предполагали, что и здесь может случиться нечто похожее. Ты же знаешь, Солмаон и Чжандоу только-только заключили мир; одиннадцать лет назад, что по местным меркам — совсем недавно. Аналитический отдел был уверен, что они не в состоянии воевать снова. Считалось, что все ограничится парой стычек, после чего империи начнут вооружаться, увеличивать численность войск и так далее. Тогда бы у них на долго пропал интерес к западным землям... К сожалению, мы учли не все.

«Пусть лучше думает, что все случившееся — наш просчет. И такого развития событий мы не предполагали. Пусть. Ему так будет легче. Чужая вина и чужие ошибки формально снимут с него ответственность, и Ли не останется, как Свен Хеглунд несколько недель назад, один на один с давящим чувством собственной вины за многие тысячи смертей.

Он никогда не почувствует на себе, как тяжело, как невероятно тяжело все время выглядеть уверенным и все-знающим, успокаивать других, растолковывать, уговаривать. И при этом знать конечную цель, идти к ней напролом, по трупам и сожженным городам.

Не он внес в разработки аналитического отдела военное столкновение Чжандоу и Солмаона, как безусловный императив.

И отвечать теперь не ему.

Перед людьми, перед историей, перед собственной совестью.

Казалось бы — мелочь. Не тот масштаб для пафоса. Ведь отвечать придется не за гибель Вселенной, Земли или даже колонии Надежда. Не за пресловутый геноцид.

Нет, всего лишь за то, что десять-пятнадцать тысяч аборигенов сами перережут друг другу глотки.

В двадцать раз меньше, чем убил пилот «Энолы Гей», нажав кнопку бомбосбрасывателя.

Тайная Служба долго гордиась тем, что не уничтожила ни одного местного, ведь они — такие же люди, как и земляне, а значит никто не может ставить их на ступеньку ниже. Но получилось наоборот — ради спокойной жизни трехсот тысяч землян в грядущей войне погибнут десятки, сотни тысяч аборигенов Надежды. А потом будет новая война, и еще одна, и еще, до тех пор, пока колония не окрепнет достаточно, чтобы отразить любое нашествие. Или пока на Земле наконец не решат, что делать с местными.

Как бы мы ни прикрывались красивыми словами и идеями, — подумал Игорь, — а получилось именно то, что случалось неоднократно: ради спокойствия одних страдают другие. И мы ничем не отличаемся от британских колонизаторов на Тасмании — те ведь тоже уничтожали местное население ради блага прибывающих переселенцев из метрополии. Так в чем же разница?»

— Я понял, командир, — тихо сказал Ли. — Когда новая операция?

Квашнин отвлекся от своих мыслей, посмотрел на него.

— Отдыхай пока. А я посажу аналитиков за новые расчеты.

Китаец тяжело поднялся, хотел что-то сказать, но потом махнул рукой и, сгорбившись, тяжело, по-стариковски, переставляя ноги, вышел.

Проводив взглядом Ли, Игорь открыл ящик стола. Внутри лежал игольник, скорострельный гаусс-пистолет, красивый хищной, доведенной до совершенства красотой. Игорь взял его в руки, взвесил и в который уже раз с интересом заглянул в дуло.

«Что там, за порогом?
Спокойствие и забвение?

А может — избавление от страшного груза ответственности? Полное прощение?

Или?..»

Архивные справки.

Коммюнике ООН. Первичные результаты расшифровки данных зонда «Гефест».

Раздел «Планетная система Эпсилон Эридана».

Эпсилон Эридана I, среднее расстояние от звезды — 43,9 млн. км., период обращения — 77,42 дня, угол наклона плоскости экватора к орбите — 5,3 градуса, масса — 0,047, средняя плотность — 5140 кг/куб. м., средняя температура — 750 К, спутники: отсутствуют, наличие атмосферы: практически отсутствует, тип: Меркурий, возможность колонизации: отрицательная.

Эпсилон Эридана II, среднее расстояние от звезды — 121,9 млн. км., период обращения — 336,71 дня, угол наклона плоскости экватора к орбите — 0,9 градуса, масса — 0,053, средняя плотность — 5299 кг/куб. м., средняя температура — 560 К, спутники: 2, незначительные, наличие атмосферы: практически отсутствует, тип: Меркурий, возможность колонизации: отрицательная.

Эпсилон Эридана III, среднее расстояние от звезды — 262 млн. км., период обращения — 744,27 дня, угол наклона плоскости экватора к орбите — 27,15 градусов, масса — 19,256, средняя плотность — 775 кг/куб. м., средняя температура — 141 К, спутники: 7, малозначительные, наличие атмосферы: очень плотная, состав: метан, аммиак, водород, тип: Нептун, возможность колонизации: отрицательная.

Эпсилон Эридана IV, среднее расстояние от звезды — 5120 млн. км., период обращения — 13129,7 дня, угол наклона плоскости экватора к орбите — 39 градусов, масса — 0,0031, средняя плотность — 1320 кг/куб. м., средняя темпе-

ратура — 3 К, спутники: отсутствуют, наличие атмосферы: практически отсутствует, тип: Плутон, возможность колонизации: отсутствует.

Вывод комиссии ООН: система Эпсилон Эридана не содержит планет, пригодных для жизни.

Отзывы и мнения о книге автор приглашает оставить на своей официальной странице по адресу:

<http://www.chekmaev.belomors.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Агенты	12
Географ	48
Кузнец	90
Стагнаторы	133
Загонщики	176
Головорезы	218
Милитаристы	267
Эпилог	305

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 114б, стр. 2, т. 287-45-69
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское ш., 86, корп. 1, 2-й этаж
- м. «Братеево», ул. Паромная, 9, корп. 1, т. 342-26-67
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, 17, корп. 4, т. 372-40-01
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Кантемировская», ул. Кантемировская, 16, корп. 1, т. 320-01-22
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Люблино», ул. Совхозная, 20, т. 358-21-59
- м. «Марьино», ул. Борисовские пруды, 46, корп. 2, т. 342-33-23
- м. «Молодежная», гипермаркет «Ашан», Марфино, т. 795-07-32
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Речной вокзал», Зеленоград, 3-й микрорайон, корп. 360, т. 536-16-46
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Речной вокзал», Химки, гипермаркет «Ашан», т. 981-45-27
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07

- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Тульская», Варшавское ш., 9, Тульская ярмарка, 5-й этаж, т. 737-03-77, доб. 40-20
- м. «Тушинская», ул. Митинская, 36, т. 753-48-52, доб. 122
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Шукинская», Строгинский б-р, 1/2, т. 750-38-77, доб. 111
- м. «Тушинская», 65—66-й км МКАД, ТК «Крокус Сити», 2-й этаж, т. 942-94-25
- м. «Рязанский проспект», Рязанский пр., 76, корп. 3, т. 170-11-82
- м. «Семеновская», ул. Шербаковская, 35, т. 363-32-26
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. «Текстильщики», ул. Юных ленинцев, 37, т. 178-20-00
- м. «Медведково», г. Мытиши, Осташковское ш., 1, гипермаркет «Ашан»
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Вологда, ул. Герцена, 118, т. (8172) 75-43-22
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 61, т. (3522) 46-29-22
- Курган, ул. Куйбышева, 109, т. (3522) 53-19-62
- Курган, ул. Пушкина, 108, т. (3522) 43-22-59
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Шадринск, ул. Комсомольская, 22, т. (35253) 5-02-18 .
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Курск, ул. Дзержинского, 86, т. (07122) 2-39-56
- Курск, ул. Гагарина, 2, т. (07122) 37-04-62
- Курск, ул. Сумская, 34/2, т. (07122) 32-42-11
- Курчатов, Коммунистический пр., 17, т. (07131) 4-12-84
- Железногорск, ул. Ленина, 16, т. (07148) 2-21-23
- Лыгов, ул. К. Маркса, 4/33, т. (07140) 2-40-12

- Обоянь, ул. Ленина, 51, т. (07141) 2-23-79
- Рыльск, Советская пл., 6, т. (07152) 2-55-37
- Суджа, ул. Первомайская, 18, т. (07143) 2-29-75
- Шигры, ул. Красная, 42, т. (07145) 4-27-39
- Дмитриев, ул. Республикаанская, 10а, т. (07150) 2-26-57
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Н. Новгород, пл. Горького, 1/61, т. (8312) 33-79-80
- Орел, Рыночный пер., 5, т. (0862) 43-71-30
- Батайск, ул. Кирова, 8, т. (86354) 5-67-44
- Донецк, ул. Ленина, 24, т. (86368) 2-27-25
- Новочеркасск, ул. Московская, 10, т. (86352) 2-30-53
- Азов, Петровский б-р, 3, т. (86342) 4-09-95
- Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 84, т. (8632) 40-63-87
- Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 199, т. (8632) 64-90-24
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рыбинск, ул. Ломоносова, 1, т. (0855) 52-47-26
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Санкт-Петербург, Московский пр., 39/2, т. (812) 316-24-72
- Санкт-Петербург, Невский пр., 35, ст. м. «Гостиный двор»
- Смоленск, ул. Гагарина, 4, т. (0812) 65-53-58
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, пр. Ленина, 68, т. (3512) 63-01-01, 63-22-70
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Киров, ул. Комсомольская, 37, т. (8332) 54-38-91
- Киров, ул. Ленина, 88, т. (8332) 62-15-43
- Киров, ул. Пролетарская, 22а, т. (8332) 67-65-22
- Киров, ул. Ломоносова, 37, т. (8332) 25-35-77
- Кирово-Чепецк, пр. Мира, 41, т. (83361) 4-57-91
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Волжский, пр. Ленина, 6, т. (8443) 31-64-02
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38

- Находка, ул. Гагарина, 8, т. (42366) 3-41-11
- Арсеньев, ул. Жуковского, 29, т. (42361) 4-40-28
- Артем, ул. Фрунзе, 69, т. (42337) 4-26-78
- Большой Камень, ул. Приморского комсомола, 14, т. (42335) 5-72-09
- Дальнегорск, ул. 50-летия Октября, 59, т. (42373) 2-20-33
- Дальнереченск, ул. Дальнереченская, 59, т. (42356) 2-54-52
- Партизанск, ул. Ленина, 16, т. (42363) 0-25-78
- Владивосток, пр. 10-летия Владивостока, 44, т. (4232) 36-28-79
- Владивосток, ул. Светланская, 43, т. (4232) 22-31-93
- Владивосток, ул. Русская, 5а, т. (4232) 34-11-41
- Владивосток, Океанский пр., 140, т. (4232) 45-38-02
- Астрахань, ул. Советская, 17, т. (8512) 22-58-78
- Таганрог, ул. Чехова, 49, т. (8634) 36-03-04
- Братск, ул. Крупской, 27, т. (3953) 42-02-88
- Великие Луки, ул. Гагарина, 19, т. (81153) 5-17-91
- Великий Новгород, ул. Менделеева, 1, т. (81622) 2-37-29
- Мурманск, пр. Ленина, 67, т. (8152) 45-51-78
- Нижний Тагил, ул. Пархоменко, 20, т. (3435) 41-14-88
- Нижний Тагил, ул. Космонавтов, 10, т. (3435) 48-09-33
- Нижний Тагил, ул. Первомайская, 32, т. (3435) 41-98-52
- Новоуральск, ул. Комсомольская, 23, т. (34370) 3-17-08
- Стерлитамак, пр. Октября, 43, т. (3473) 24-10-64
- Стерлитамак, пр. Ленина, 31, т. (3473) 20-87-45
- Стерлитамак, пр. Ленина, 30, т. (3473) 43-16-58
- Самара, пр. Кирова, 301, т. (8462) 56-49-92
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Пенза, пр. Победы, 4, т. (8412) 42-45-35
- Рига, ул. Краста, 70, т. (8-10-371) 7-812-644
- Оренбург, ул. Туркестанская, 23, т. (3532) 41-48-06, 41-18-05
- Нижний Новгород, ул. 50-летия Победы, 6/2, т. (8312) 74-01-29
- Ульяновск, ул. Железнодивизии, 6, т. (8422) 41-47-36
- Тольятти, ул. Ленинградская, 55, т. (8482) 28-37-68, 48-31-56
- Пенза, ул. Куйбышева, 21/48, т. (8412) 32-40-78
- Киев, ул. Красноармейская, 57/3, т. (8-10-38-044) 227-31-36
- Луганск, ул. Сосюры, 137, т. (8-10-38-064) 234-58-11
- Мукачево, ул. Пушкина, 2, т. (8-10-38-031-31) 5-46-81
- Черкассы, ул. Шевченко, 256, т. (8-10-38-047) 236-08-40
- Запорожье, ул. 8 Березня, 32, т. (8-10-38-061) 264-19-00

- Запорожье, ул. Гоголя, 155/2, т. (8-10-38-061) 264-19-00
- Донецк, ул. Ильича, 93, т. (8-10-38-062) 290-50-30
- Донецк, ул. Артема, 147а, т. (8-10-38-062) 290-88-99
- Харьков, ул. Донец-Захоржевского, 6/8, т. (810-38-057) 700-44-29
- Омск, ул. Бударина, 3б, т. (3812) 23-46-49
- Псков, ул. Пушкина, 1, т. (8112) 16-50-01
- Тюмень, ул. Орджоникидзе, 51
- Ульяновск, ул. Гончарова, 14, т. (8422) 41-65-12
- Ульяновск, пр. Гая, 76, т. (8422) 66-36-24
- Ульяновск, ул. Ворочая Михайлова, 41, т. (8422) 52-64-41
- Ульяновск, ул. Богдана Хмельницкого, 19, т. (8422) 48-40-13
- Самара, ул. Галактионовская, 130, т. (8462) 78-75-14, 32-74-44
- Самара, пр. Юных пионеров, 146, т. (8462) 59-45-52
- Тольятти, ул. Революционная, 60, т. (8482) 35-04-50
- Тюмень, ул. Республики, 155/1, т. (3452) 20-61-80
- Брянск, ул. Фокина, 31, т. (0832) 74-14-94
- Якутск, ул. Ярославского, 16/1, т. (4112) 42-40-27, 34-20-47
- Якутск, ул. Орджоникидзе, 5, т. (4112) 34-15-80
- Новосибирск, ул. Советская, 13, т. (3832) 23-35-20
- Новосибирск, ул. Бориса Богаткова, 262, т. (3832) 67-78-07
- Минск, пр. Машерова, 11, т. (8-10-375-17) 223-34-96
- Минск, пр. Франциска Скорины, 19, т. (8-10-375-17) 227-49-18
- Инта, ул. Куратова, 14, т. (82145) 6-05-93
- Томск, пр. Фрунзе, 102, т. (3822) 52-32-76, 52-33-35
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

**Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Чекмаев Сергей Владимирович
Бремя стагнатора
Фантастический роман**

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Издано при участии ООО «Харвёст».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 5-17-032752-8

9 785170 327522

Планета Надежда.

Четвертая в системе Альфы Центавра А, длина экватора — чуть больше земного, из-за отсутствия спутников отличается низкой сейсмоактивностью.

Открыта землянами двадцать девять лет назад, обследована первой межзвездной экспедицией, решение о колонизации — несмотря на обитаемость планеты гуманоидной расой — принято, поскольку коренное население планеты стоит на уровне цивилизации, далеком от технологического.

Итак. Твой жребий — Бремя Белых?!

Нет. Бремя стагнатора!

Ты будешь НАСАЖДАТЬ на Надежде земную цивилизацию — и безжалостно уничтожать зерна сопротивления — аборигенов.

Ты ДЕЙСТВИТЕЛЬНО веришь, что несешь «дикарям» ПРОГРЕСС?

Значит, ты еще НИЧЕГО не знаешь о планете Надежда..

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й